

INSPIRIA

В МИРЕ ПРОДАНО БОЛЕЕ
30 МИЛЛИОНОВ ЭКЗЕМПЛЯРОВ
КНИГ ШАРЛОТТЫ ЛИНК

ДОМ

Бестселлер
Der Spiegel

СЕСТЕР

ШАРЛОТТА ЛИНК

«Потрясающий тембр авторского голоса Линк
одновременно чарует и заставляет стыть кровь».
The New York Times

INSPIRIA

Novel. Национальный бестселлер. Германия

Шарлотта Линк

Дом сестер

«ЭКСМО»

1997

УДК 821.112.2-312.4

ББК 84(4Гем)-44

Линк Ш.

Дом сестер / Ш. Линк — «Эксмо», 1997 — (Novel.
Национальный бестселлер. Германия)

ISBN 978-5-04-156347-9

Йоркшир, 1996 год. Барбара и Ральф, семейная пара успешных адвокатов из Германии, избрали диковинный способ спасения своего брака: провести Рождество и Новый год на старой ферме в английской глуши. Но там они стали заложниками снежного коллапса – без связи, электричества и почти без еды. В поисках выхода из положения Барбара случайно натывается на тайник с рукописью – автобиографией бывшей хозяйки этих мест, Фрэнсис Грей. Спасаясь от холода и голода, гостя жадно поглощает историю жизни, где слились воедино столь не похожие друг на друга виды любви, зависимости и ненависти. И пока не думает о том, как тайны давно умершей свидетельницы века могут сказаться на ней самой... В мире продано более 30 миллионов экземпляров книг Шарлотты Линк. Бестселлер *Der Spiegel*. Шарлотта Линк – самый успешный современный автор Германии. Все ее книги, переведенные на почти 30 языков, стали национальными и международными бестселлерами. В 1999–2018 гг. по мотивам ее романов было снято более двух десятков фильмов и сериалов. «Здесь есть всё, что требуется, чтобы книгу можно было назвать по-настоящему отличной». – *Schwarzwälder Bote* «Потрясающий тембр авторского голоса Линк одновременно чарует и заставляет стыть кровь». – *The New York Times* «Пробирает до дрожи». – *People* «Одна из лучших писательниц нашего времени». – *Journal für die Frau* «Мощные психологические хитросплетения». – *Focus*

УДК 821.112.2-312.4

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-156347-9

© Линк Ш., 1997

© Эксмо, 1997

Содержание

Пролог	7
Йоркшир, декабрь 1980 года	7
Воскресенье, 22 декабря 1996 года	10
Понедельник, 23 декабря 1996 года	16
Вторник, 24 декабря 1996 года	24
Среда, 25 декабря 1996 года	30
Четверг, 26 декабря 1996 года	38
Июнь 1907 года	41
Май 1910 года	44
Июнь – сентябрь 1910 года	69
Четверг, 26 декабря 1996 года	78
Ноябрь – декабрь 1910 года	82
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Шарлотта Линк Дом сестер

Charlotte Link
Das Haus der Schwestern

Das Haus der Schwestern by Charlotte Link

© 1997 by Blanvalet Verlag, a division of Verlagsgruppe

Random House GmbH, München, Germany

© Садовникова Т.В., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

Йоркшир, декабрь 1980 года

Сидя за письменным столом, я смотрю на простирающиеся за окном голые поля верховых болот, над которыми завывает ледяной декабрьский ветер. Небо сплошь затянуто плотными серыми облаками. Говорят, что на Рождество выпадет снег, но вряд ли кто-то знает это наверняка. Здесь, в горах Йоркшира, никто никогда не может сказать, чего ждать. Все живут надеждой, что ситуация улучшится, и иногда эта надежда подвергается суровому испытанию – особенно весной, когда зима никак не хочет прощаться, как назойливый гость, который упорно топчется в прихожей, вместо того чтобы наконец сделать шаг к двери. Пронзительные крики голодных птиц разрезают воздух, и холодный дождь бьет путнику в лицо, если он, укутавшись, бредет по илистой дороге, тая в себе воспоминания о солнце и тепле, как о бесценном сокровище.

Сейчас, в декабре, мы по меньшей мере живем ожиданиями Рождества. Не то чтобы Рождество слишком много значило для меня, но оно является маленьким проблеском в крошечной тьме. Раньше я любила этот праздник, но тогда это был дом, полный людей, голосов, смеха и споров. Повсюду были рождественские украшения, целую неделю что-то пекли и варили, устраивались праздничные вечеринки и торжественные обеды. Никто не мог организовать праздник так, как моя мать. Я думаю, именно вместе с ее смертью исчезла и моя радость от рождественских праздников.

Лора, старая добрая Лора, моя последняя подруга, старается, чтобы все выглядело как можно красивее. Перед этим я слышала, как она несла с чердака коробки с рождественскими украшениями. Лора включает внизу проигрыватель, и вот уже звучат рождественские песни, и она старательно развешивает над каминами елочные гирлянды. По крайней мере, она чувствует себя занятой.

Ее отличает трогательная привязанность ко мне и к дому, но порой она действует мне на нервы, когда семенит за мной, как маленькая собачонка, пылливо вылизывая на меня свои дитячьи глаза. Лоре 54 года, но на лице сохранилось выражение испуганной девочки. И уже никогда не изменится. Она была еще совсем юной во время войны, когда ей пришлось очень многое пережить, а о лечении психологических травм тогда вряд ли кто-то знал. Была надежда, что пройдет само по себе, но такое случалось не всегда.

Похожей была судьба и моего брата Джорджа. Он, как и Лора, не смог преодолеть тот кошмар в одиночку. Есть такие люди. Они не могут справиться с опустошением, которое судьба произвела в их душах.

За окном постепенно смеркает. В небе кружатся редкие снежинки. Я с нетерпением жду вечера. Сяду у камина, потягивая старый виски, Лора расположится рядом со своим вязанием и, надеюсь, будет в основном молчать. Она очень милая, но не отличается особым интеллектом и сообразительностью. Я всякий раз теряю самообладание, когда Лора рассуждает о политике или о каком-нибудь фильме, который посмотрела по телевизору. Она всегда и во всем посредственна и может лишь бессмысленно повторять то, что другие десятки раз пережевывают. Но ничего не делает для того, чтобы тренировать свой интеллект. Никогда не читает серьезные книги, а ограничивается лишь любовными романами «Миллз энд Бун»¹. Вздыхает от упоения, всецело отождествляя себя с изображенной на обложке красоткой-героиней в розо-

¹ Название импринта издательства «Харликвин», под которым издается художественная литература романтической и сентиментальной направленности.

вом платье в объятиях мускулистого мужчины с темными вьющимися волосами, которая с готовностью подставляет свои пухлые губы для поцелуя. Лора настолько воодушевляется, что в ее чертах на какое-то время даже исчезает выражение страха.

Позже я, может быть, выпью и второй стаканчик виски, пусть даже она потом неодобрительно посмотрит на меня и скажет, что слишком много алкоголя вредно для здоровья. Бог ты мой! Я уже старая женщина. Какое имеет значение, пью я или нет и какое количество?

Кроме того, у меня есть причина для празднования. Но Лоре я ничего об этом не скажу, иначе она начнет причитать. Только что я нацарапала слово «КОНЕЦ» в написанном мною романе и теперь чувствую себя освободившейся от тяжелого груза. Не знаю, сколько времени мне еще осталось, и для меня было невыносимо думать о том, что я могу не успеть. И вот я закончила – и могу теперь совершенно спокойно расслабиться и ждать.

Я написала историю своей жизни. 400 страниц печатного текста. Моя жизнь на бумаге. Точнее, почти моя жизнь. Последние тридцать лет я выпустила, потому что за это время не происходило ничего особенного, а кого интересуют все эти унылые настроения, которые определяют повседневную жизнь старой женщины? Не то чтобы я собиралась кому-то передавать историю, но описывать свою жизнь в преклонном возрасте даже мне самой не доставило бы удовольствия. Честно говоря, я должна была бы рассказать о ревматизме, ухудшающемся зрении, подагре, благодаря которой мои пальцы скрючиваются, напоминая когти, но у меня нет желания это описывать. Ни в чем нельзя перегибать палку, в том числе и в откровенных признаниях.

Я и без того поступила достаточно честно. Ни в одном эпизоде я не утверждала, что вела себя весьма достойно, благородно или смело. Конечно, пару раз я испытывала сильное искушение. Было бы так просто – чуть скорректировать здесь и там, что-то завуалировать... Я могла бы применить нечто вроде вербального фильтра размытия, и все то, о чем я рассказала внятно и жестко, обрело бы расплывчатую форму. Если б я многое опустила или описала иначе, то возникла бы приукрашенная картина и неизбежно другая история. Конечно, можно обмануть себя и переписать собственную историю, но тогда встает вопрос: зачем ее вообще писать?

А можно изложить все правдиво. Правда жестока и иногда причиняет боль, но это все-таки правда. Благодаря ей все обретает смысл. Этого я и придерживалась на каждой странице. Хотя спрашиваю себя: не связан ли тот факт, что я писала о себе, Фрэнсис Грей, не от первого, а от третьего лица, с тем что подсознательно надеялась суметь все же немного сплутовать таким образом. «Я» принуждает к значительно более искреннему анализу, чем «она». Но если это действительно было моим скрытым бесчестным мотивом, то я могу сказать, что в конечном счете не соблазнилась на то, чтобы приукрасить невыгодные для себя эпизоды. Я, конечно, обошлась с фиктивной Фрэнсис в третьем лице безжалостно. И это вызывает во мне приятное чувство мужества и силы.

Я как следует спрячу мои воспоминания. Как бы ни любила меня Лора, она все-таки уничтожит их сразу после моей смерти – настолько боится, что кто-то может узнать определенные вещи. Она не может поступить иначе, и вряд ли кто-то смог бы. Несомненно, самым разумным решением было бы все сжечь, так как не имеет никакого значения, что произойдет в итоге с многочисленными исписанными страницами – истлеют они сами по себе в укромном месте или просто перестанут существовать. Для меня сочинительство в любом случае имеет свою цель: вырабатывает точность. Расплывчатые воспоминания обретают четкие очертания, яркие краски. Я была вынуждена действительно предаться воспоминаниям. И с этим смирилась. С собой, со своей жизнью, с судьбой. Простила людей, но прежде всего самое себя. Это было для меня важной задачей, и я ее решила. И все же...

Не могу все это просто предать огню. Затрачено так много труда, так много времени... Я на это не способна. Пусть это ошибка, но я сделала в своей жизни так много ошибок, что еще одна роли не играет.

Тем временем совсем стемнело. Уже давно горит моя настольная лампа. Лора внизу готовит ужин и в сотый раз слушает одни и те же рождественские песни. Она будет рада тому, что после долгого перерыва я снова с аппетитом поем. Ведь Лора всегда сразу думает, что приготовила невкусную еду, если кто-то мало ест. Но в течение тех месяцев, что я писала книгу, у меня возникало такое напряжение, что я вообще не испытывала реального чувства голода. Однако такие люди, как Лора, фантазия которых ограничена узкими рамками, не могут этого понять. После этого она будет сиять и думать, что наконец-то приготовила что-то на мой вкус. И это сделает ее бесконечно счастливой.

Лора почти болезненно зависит от мнения других людей – и больше всего от моего. Я часто задаюсь вопросом: кого она будет преследовать взглядом, в котором читается мольба: «Пожалуйста, люби меня!» – когда меня не будет? Не могу представить себе, что Лора вдруг станет жить на свободе и в независимости. Ей нужен кто-то, чьей благосклонности она может добиваться и кому может во всем угодить. В каком-то смысле ей даже нужен кто-то, кто оказывает на нее давление, иначе она чувствует себя совершенно потерянной в этом мире.

Что-то найдется для нее. Или кто-то. Что-то, кто-то... Все наладится. Я ведь уже сказала: здесь, в Йоркшире, никогда не знаешь, что произойдет...

Фрэнсис Грей

Воскресенье, 22 декабря 1996 года

Поездка не заладилась сразу. Уже с самого утра Ральф был молчалив и задумчив. Но его настроение омрачилось еще больше, когда они в спешке пробежали в аэропорту мимо газетного киоска, где с вращающегося стенда им бросилась в глаза фотография Барбары на передовице бульварной газеты. Ральф остановился, некоторое время в упор разглядывая фотографию, затем поспешно вынул бумажник.

– Оставь! – крикнула нервно Барбара, посмотрев на часы. – Наш самолет может улететь в любой момент.

– На это у нас еще есть время, – ответил Ральф. Он взял газету и передал через стойку монету продавцу. – Похоже, твое фото вышло очень удачным. Как можно его проигнорировать?

Фотография была действительно впечатляющей. На Барбаре был черный костюм, в котором она выглядела одновременно сексуальной и серьезной. Она немного запрокинула голову и слегка открыла рот. Сзади развевались золотистые волосы. Наверху жирными красными буквами было написано: **ПОБЕДИТЕЛЬНИЦА**.

– Вчерашняя газета, – объяснила Барбара, взглянув на дату. – Фото сделали в пятницу в суде, после процесса по делу Корнблюма. Я не знаю, почему оно вызвало такую шумиху!

Это прозвучало как оправдание, что ее разозлило. Почему она должна извиняться перед Ральфом за то, что выиграла дело и что пресса приняла в этом живое участие? Потому что Ральф находил зазорным то, что его жена была предметом крикливых статей в желтой прессе, потому что нашумевшие дела так или иначе были ниже его уровня, потому что он считал защитников по уголовным делам юристами второго класса? Ральф проводил четкую границу между адвокатами и защитниками по уголовным делам. Он, разумеется, был адвокатом, работал в авторитетном адвокатском бюро и занимался главным образом крупными делами, связанными со страхованием, которыми не интересовался никто, кроме участников процесса. Барбара защищала преступников, совершивших тяжкие преступления, и настолько успешно, что постоянно получала новые дела, которые месяцами держали общественность в напряжении. Ральф зарабатывал больше денег, но Барбара была любимицей журналистов. То, что отличало каждого из них, было для другого бельмом на глазу.

Когда они наконец уже сидели в самолете – успев добежать до своего выхода на посадку в последнюю секунду – и бортпроводники начали разливать напитки, Барбара снова спрашивала себя, как и много раз в последние месяцы: когда в ее брак прокрался постоянно раздраженный тон, нескончаемая агрессия? Должно быть, это происходило постепенно, потому что она не могла вспомнить определенный момент времени. Барбара сама наверняка пропустила первые предупреждающие сигналы. Насколько она могла припомнить, Ральф уже давно говорил о проблемах.

Ее взгляд опять упал на газету, лежащую на коленях у Ральфа. **ПОБЕДИТЕЛЬНИЦА!** Пресса такого рода всегда сгущает краски, но факт оставался фактом: она победила! Ведь она и в самом деле вытаскивала Корнблюма из скверной истории.

Корнблюм был бургомистром небольшого городка. Не очень большая шишка, но, несомненно, человек тщеславный, поэтому он старался играть важную роль – по меньшей мере в локальной прессе. Когда его заподозрили в том, что он изрубил топором свою девятнадцатилетнюю возлюбленную, после чего расчленил тело, история мгновенно стала известна широкой общественности. Волей случая фрау Корнблюм также впервые узнала, что муж состоял в интимной связи с девушкой из квартала «красных фонарей», что значительно пошатнуло ее, как казалось ей, святой мир. Петер Корнблюм превратился в бедного, жалкого человека, кото-

рый молил о пощаде и понимании и истово клялся в своей невинности. Позже он рассказывал Барбаре, что советовался со своими ближайшими однопартийцами, какого защитника ему выбрать, и те единодушно назвали ему Барбару Амберг. «Она вытащит любого!»

Это было, конечно, не так. Но в то же время она могла занести в свой актив целый ряд успешно завершившихся процессов.

– Ты думаешь, это сделал он? – спросил Ральф, указывая пальцем на небольшую фотографию Петера Корнблюма внизу страницы.

Барбара покачала головой:

– Ни в коем случае. Он вообще не из той категории. Но его политическая карьера загублена. И жена подала на развод... Он просто на грани отчаяния.

Она взяла газету и положила ее в сетку на спинке сиденья.

– Не думай об этом. Мы в отпуске, и через два дня будет Рождество.

Ральф вымученно улыбнулся. В первый раз Барбара начала серьезно сомневаться в том, что это была хорошая идея – уединиться с мужем, чтобы спасти их брак.

Вот уже шестнадцать лет повторялось одно и то же: всякий раз, когда Лора Селли на несколько дней или недель покидала Уэстхилл-Хаус, предоставляя постояльцам возможность за определенную плату хозяйничать в доме, это всегда завершалось бесполезными, утомительными и изнуряющими поисками чего-либо, когда она уже теряла уверенность в том, что эта вещь вообще существовала. Может быть, она гонялась за призраком? Лора обшарила каждый уголок старого фермерского дома, снова и снова возвращаясь к одному и тому же месту, наверняка зная, что за это время вряд ли там могло что-то появиться.

С трудом переводя дыхание, она вылезла из стеного шкафа, в который перед этим забралась, несмотря на боли в костях, чтобы в сотый раз перевернуть там все вверх дном. В свои семьдесят лет Лора уже не чувствовала себя самой молодой, к тому же на протяжении нескольких лет ее мучили сильные ревматические боли, которые часто становились нестерпимыми, особенно зимой. Холодные резкие ветра, бушевавшие в долинах Йоркшира, тоже не способствовали улучшению здоровья. Ей пойдет на пользу, если она уедет на Рождество и Новый год к своей сестре на юго-восток Англии, где такой мягкий климат. Только бы за это время посторонние люди...

Она стояла перед шкафом, медленно выпрямляясь, тихо постанывала, прижимая кисть к пояснице, и смотрела в окно на холмистые луга Уэнслидейла, которые летом были такими зелеными и яркими, а теперь казались голыми и серыми. Обнаженные ветви деревьев гнулись под ветром. По небу неслись низкие плотные облака. Кружились редкие снежные хлопья. По радио сегодня утром объявили, что на Рождество здесь, в Северной Англии, следует ожидать снега.

Посмотрим, подумала Лора, посмотрим. Так или иначе, будет долгая зима. Здесь, наверху,² всегда долгая зима. Надо бы продать дом и перебраться в какую-нибудь теплую местность.

Порою у нее возникала эта мысль, но в то же время она точно знала, что никогда этого не сделает. Уэстхилл-Хаус был единственной родиной, которую она знала, ее пристанищем, островком в мире. Она была прикована к этому дому, к этой земле – пусть даже ненавидела одиночество, – к холоду и воспоминаниям, с которыми срослась. Не существовало ни одного другого места, где она могла бы жить.

– Где же еще искать? – вслух подумала Лора. В доме было множество стеновых шкафов, небольших чуланов, укромных уголков. Она знала каждый из них, всюду все перерыла – и не

² Имеется в виду «верхняя», северная, часть Англии.

нашла ничего, что заслуживало бы внимания. Наверное, искать было нечего. Может быть, она просто сошла с ума...

Лора вышла из комнаты, спустилась вниз по лестнице на первый этаж и вошла в кухню. Здесь в печи горел жаркий огонь и пахло рождественским печеньем, которое Лора пекла перед обедом, чтобы привезти его сестре. Несмотря на то что уже почти сорок лет в кухне была электропечь, Лора с особой любовью пользовалась железным чудовищем времен начала XX века, на котором когда-то готовили для всей большой семьи. Она так крепко цеплялась за старые вещи, переживала такой страх, если ей приходилось расстаться с чем-то, что прежде было частью ее жизни, что, казалось, теряла часть себя. Все новое Лора воспринимала враждебно. Развитие мира она считала в высшей степени угрожающим и любую мысль об этом старалась быстро гнать от себя.

Лора поставила на плиту воду. Ей очень хотелось выпить чашку горячего чая. Потом она должна упаковать вещи и застелить постели для гостей. Они придут завтра в течение дня. Супружеская пара из Германии. У нее здесь еще никогда не было немецких постояльцев. Для нее немцы всё еще были врагами по двум мировым войнам. С другой стороны, Петер тоже был немцем... Однако о нем она не любила вспоминать, и на самом деле предпочла бы принять здесь французов или скандинавов. Но ей срочно нужны были деньги, а кроме этой пары не нашелся никто, кто захотел бы снять на Рождество Уэстхилл-Хаус.

Лора регулярно помещала объявление в специальном каталоге, который предлагал в аренду загородные дома. С ее скромной пенсией она ни за что не смогла бы оплачивать многочисленные ремонтные работы, которые были необходимы, поскольку старый дом постепенно разрушался. Сдача в аренду была единственной возможностью как-то поправить положение, хотя Лора просто терпеть не могла впускать в дом посторонних людей. Сейчас, например, надо было срочно перекрыть крышу, самое позднее – до следующей зимы. Но найти гостей непросто. Те, кто ехал на север, отправлялись в Озерный край или сразу в Шотландию. Йоркшир, край гор и болот, холодных ветров, громоздких, построенных из известняка домов, привлекал не слишком много туристов. Тот, кто вспоминал о Йоркшире, представлял себе свинцовые и угольные шахты, покрытые копотью домовые трубы и мрачные рабочие поселки в туманных долинах.

Но кто знал хоть что-то о прелестных, безоблачных весенних днях, когда вся земля покрывается ярко-желтыми нарциссами? Кто знал о светлой, серо-голубой дымке над горизонтом в жаркие летние дни? Кто вдыхал тот пряный аромат, который приносил в долины осенний ветер? И, как обычно случалось, когда Лора обо всем этом думала, в ней пробуждалась любовь к этому краю, как внезапно возникающая боль, когда перехватывает дыхание. И тогда она опять понимала, что никогда отсюда не уедет. Что вновь выдержит долгие зимы, одиночество и воспоминания. Того, кого действительно любят, никогда не покидают. Это было твердым убеждением Лоры. Даже несмотря на сильную обиду. Возможно, даже придется однажды вместе погибнуть, но не уйти.

Чайник закипел. Лора залила горячей водой чайные листья. Уже один пряный аромат успокоил ее нервы. После первого глотка – это Лора знала из опыта – она станет новым человеком.

«Лора и ее чашка чая, – шутила всегда Фрэнсис, – им она лечит боли в животе, судороги икроножных мышц, ночные кошмары и депрессии. Для нее во всем мире нет другого лекарства».

Фрэнсис тоже любила чай, но никогда не могла с его помощью избавиться от проблем. Она предпочитала более крепкие напитки.

«Хороший скотч со льдом, – говорила она, – и мир в полном порядке!»

Фрэнсис могла заткнуть за пояс любого мужчину. Ее печень, похоже, не имела болевого порога.

Лора задернула тяжелые цветастые шторы, отгородившись от наступившей темноты и завывающего ветра. Воспоминания о Фрэнсис снова разбередили ей нервы. Сейчас ее опять тяготила мысль о том, что чужие люди в течение двух недель день за днем будут копаться в ее вещах. Люди любопытны и обожают узнавать что-то о других. Лора знала это, так как и сама не раз заглядывала в чужие ящики. Однажды письмо, которое было адресовано супругам Ли, проживающим на противоположной стороне от поместья, ошибочно попало к ней. Полдня Лора ходила вокруг него, но все же не выдержала – и открыла его над паром. К ее горькому разочарованию, в нем не содержалось ничего, кроме приглашения семьи Хэйвзов на Праздник весны.

С чашкой чая в руке Лора прошла в столовую, чтобы проверить в шкафах тщательно намытые фарфор и винные бокалы. Старательно выглаженные и аккуратно – край к краю – сложенные белые льняные скатерти лежали в соответствующем ящике под сервантом. Серебряные приборы, отдельно ложки, ножи и вилки, рассортированные по размеру, располагались в бархатных коробочках. Лора удовлетворенно кивнула. Этим немцам не к чему будет придраться.

Лора и здесь задернула шторы и хотела выйти из комнаты. Все это время ее глаза были опущены, и она следила за тем, чтобы ни на секунду не позволить своему взгляду блуждать по комнате. Но, выходя из нее, все же зацепилась глазами за угол каминного карниза и увидела стоящую там большую фотографию в позолоченной раме. Она не смогла удержаться, чтобы не подойти ближе. На черно-белой фотографии была изображена Фрэнсис Грей в возрасте семнадцати лет. На ней была матроска, в которой она казалась очень скромной, а черные волосы откинута назад. Ее бледная кожа и ярко-синие глаза выдавали в ней абсолютно кельтский тип. На фотографии у нее была показная, чуть надменная улыбка, которая смущала людей и с которой она не расставалась даже в свои самые тяжелые для нее времена, когда люди говорили, что и в самом деле не осталось больше ничего, чем она могла бы гордиться. В действительности же Фрэнсис никогда не показывала своей слабости. Ее неустрашимость ценили лишь немногие из окружавших ее людей. Многие считали, что она могла бы вести себя скромнее и держаться в стороне.

Фрэнсис и скромность! Лора чуть не рассмеялась. Она посмотрела на девушку на фотографии и произнесла:

– Ты должна была бы мне это сказать. Ты должна была бы просто сказать мне, где ты это спрятала.

Фрэнсис улыбалась и молчала.

Самолет приземлился в Лондоне около семнадцати часов. Барбара и Ральф планировали провести ночь здесь, в отеле, и на следующее утро на арендованном автомобиле отправиться в Йоркшир. Барбара подумала, что было бы очень неплохо вечером побродить по празднично украшенному перед Рождеством городу, а потом поужинать в каком-нибудь уютном месте. Но когда они вышли из самолета, дождь лил как из ведра, и чем дальше, тем больше. И даже Риджент-стрит с ее сверкающими огнями и большой рождественской елкой не могла заставить их здесь задержаться.

Совершенно промокшие, Барбара и Ральф прыгнули наконец в такси, попросили отвезти их в Ковент-Гарден и сумели найти последний свободный столик в «Максвеллс». Там было шумно и многолюдно, но, по крайней мере, тепло и сухо. Ральф убрал со лба мокрые волосы и, наморщив лоб, стал изучать меню.

– Выбери что-нибудь особенное, – предложила ему Барбара. – В ближайшие две недели придется довольствоваться моей стряпней, а ты знаешь, что это такое.

Ральф рассмеялся, но его смех показался ей неестественным.

– В Йоркшире тоже есть рестораны, – предположил он.

– Насколько я поняла из описания дома, мы будем находиться где-то у черта на куличках, – сказала Барбара. – Поблизости какая-то деревушка, но... – Она не закончила фразу и только пожала плечами.

Какое-то время оба молчали, затем Ральф тихо спросил:

– Ты в самом деле считаешь, что все это имеет смысл?

– Но ты всегда мечтал об Англии! И всегда говорил, что хочешь однажды съездить в Йоркшир. Ты...

– Но речь совсем не об этом, – оборвал ее Ральф, – а о нас. При таком положении дел... неужели мы действительно должны похоронить себя здесь на две недели? Сидеть друг на друге, сталкиваясь со всем, что...

– Да! Ведь вся беда в том, что у нас никогда нет времени друг для друга. Что мы не говорим друг другу ничего, кроме «доброе утро» и «добрый вечер». Каждый из нас живет только своей работой и понятия не имеет, что происходит у другого.

– Я хотел бы, чтобы все было по-другому, ты же знаешь.

– Да, – сказала Барбара горько, – знаю.

Они опять замолчали, потом Ральф произнес:

– Но мы могли бы поговорить и дома. Сейчас, на Рождество.

– Когда же? Ты ведь помнишь, какие у нас были планы на Рождество.

Он помнил. Сочельник они должны были провести у родителей Барбары. Первый день праздников – у его матери. На второй день поехать к брату Барбары. Потом, 27 декабря, у Ральфа сорокалетний юбилей. Опять семейные торжества. Кстати, эта поездка была подарком Барбары на его день рождения. В том числе и по этой причине он не мог от нее отказаться. Жена уже все распланировала, организовала, оплатила. Поговорила со многими родственниками, смягчила их досаду, объяснила ситуацию. Разумеется, не раскрывая правду, конечно, нет! Этого еще не хватало: «Видите ли, наш с Ральфом брак на грани катастрофы, и поэтому...» Нет, он представлял себе, как она все оправдывала его желаниями и своей потребностью исполнять эти его желания. «Ральф всегда мечтал о чем-то подобном. Уединенный коттедж в Северной Англии. В Йоркшире, стране сестер Бронте. Его сорокалетие – все-таки достойный повод, вы не находите? Вы должны это понять. В следующем году мы снова будем праздновать все вместе!»

«Если следующий год еще будет для нас двоих», – подумал Ральф.

Их роли странным образом поменялись местами. Барбара долгое время не замечала, что между ними что-то не так, и каждая из его попыток поднять какую-то проблему и обговорить ее бойкотировалась ею. То ли у нее не было времени и желания, то ли она была слишком уставшей, а может, просто была убеждена в том, что никаких проблем не существует вовсе. Она, кажется, не замечала, что они видятся практически только на бегу.

Но в прошлом году в какой-то момент для нее вдруг стало очевидным, что их отношения действительно зашли в тупик, и Барбара решила, что необходимо немедленно что-то предпринять. Привыкшая быстро улаживать проблемы и преодолевать сопротивление, она забронировала поездку в отдаленный уголок Йоркшира, где в течение двух недель им не помешают ни родственники, ни друзья, ни служебные обязанности. Барбара просто ошарашила Ральфа этим решением, что было вполне в ее духе, но ужасно злило его. Ему казалось, будто она дала стартовый выстрел. Цель: спасение брака. Время: две недели.

Он чувствовал себя конкурсантом на телевизионном шоу. «У вас ровно шестьдесят секунд!» В последние годы, когда ему казалось, что он может остаться один, у него перехватывало дыхание. Может быть, просто исчезла вера в то, что может что-то измениться... Сейчас он не хотел больше говорить. Он не хотел просить о чем-то, что она ему все равно не может дать.

Барбара погрузилась в меню. Ее тихое бормотание выдавало сосредоточенность. Она всегда и все делала с чрезвычайной концентрацией. Если работала, рядом с ней могла разорваться бомба, и она даже не подняла бы глаз.

Когда она работает, подумал Ральф с горечью, я мог бы умереть рядом с ней, и она этого даже не заметила бы.

Он осознавал, что вот уже некоторое время испытывал жалость к самому себе, но серьезно не пытался что-то с этим сделать. Время от времени ему было полезно потрепать свою психику и уверить себя в том, что живется ему довольно скверно.

Барбара подняла глаза.

– Ты уже что-то выбрал? – спросила она наконец.

Ральф вздрогнул.

– О, извини. Что-то отвлекся...

– Здесь есть закуска на две персоны. Подумала, что мы могли бы взять ее на двоих.

– Хорошо.

– Правда? Ты не обязан, если не хочешь. Найду что-нибудь еще.

– Барбара, я вполне в состоянии сказать о том, что чего-то не хочу, – возразил Ральф чуть резко. – Всё в порядке!

– Что ты сразу наезжаешь на меня? Иногда у меня возникает ощущение, что ты намеренно предоставляешь мне свободу действий, дабы потом утверждать, что я сделала по-своему.

– Но это ведь абсурд!

Они смотрели друг на друга. Все как обычно: ее слишком часто подавляемая агрессия находила выражение в каком-нибудь пустяке, и, казалось бы, безобидная ситуация грозила превратиться в крупную ссору.

– В любом случае, – сказала Барбара, – я не буду брать эту закуску на двоих. Я выберу себе что-нибудь другое.

Она знала, что ведет себя по-детски. Но она этого хотела.

– Может быть, ты и права, – подхватил Ральф. – Почему мы должны делить закуску, если нам нечего делить даже в жизни?

– Какая глубокая мысль! И какая остроумная!

– А как иначе я должен реагировать на твои странные капризы?

– Ты вообще не должен реагировать. Просто не слушай меня!

– Думал, мы уехали на две недели, чтобы я тебя слушал, – возразил Ральф холодно.

Барбара ничего не ответила и снова погрузилась в изучение меню. Но на сей раз она не могла сосредоточиться и едва воспринимала то, что читала. Ральф понял это по ее злым глазам. У него и самого пропал аппетит. Когда к ним подошел официант с карандашом наготове и стал терпеливо ждать, глядя на них, он, вздохнув, сказал:

– Мы еще не выбрали.

Понедельник, 23 декабря 1996 года

Она была готова к отъезду. Оба чемодана были собраны и стояли внизу у входной двери, рядом с дорожной сумкой и пластиковым пакетом, в котором лежала провизия, приготовленная в дорогу. В последние годы Лоре пришлось научиться на всем экономить, а вагон-ресторан в любом случае был слишком дорогим удовольствием. Поэтому она приготовила бутерброды и налила чай в два больших термоса. Ведь предстояло длинное ночное путешествие. Но уже завтра она будет у сестры в Кенте – и тогда сможет съесть что-нибудь горячее. Однако это в том случае, если у Марджори будет желание что-то приготовить. Большею частью она пребывает в довольно мрачном настроении, чтобы еще возиться в кухне, поэтому будет уже хорошо, если разогреет хотя бы консервы. Марджори всегда находила причину, чтобы впасть в дурное расположение духа: погода, повышение бытовых расходов, скандалы в королевском доме... Она подавляла окружающих злыми пророчествами и постоянно утверждала, что рада тому, что пребывает в преклонном возрасте, так как это избавит ее от тех трагедий, которые ждут Землю и человечество. Своим пессимизмом, с которым сестра встречала все, что касалось прогресса и развития, она напоминала Лору, только ее поведение определялось не страхом, а агрессией. Марджори никогда ничего не делала для других людей, в то время как Лора занималась этим с утра до вечера.

С Марджори опять будет тоскливо, подумала Лора. Если б ей не приходилось время от времени освобождать дом для сдачи в аренду, она поехала бы к Марджори максимум на выходные. В большей степени из-за приличия, потому что Лора была ее единственной оставшейся в живых родственницей. Возможно, сложись все по-другому, она только писала бы ей иногда письма...

Чем ближе был час отъезда, тем более удрученной чувствовала себя Лора. В пять часов приедет Фернан Ли из Дейлвью, чтобы отвезти ее на вокзал в Норталлертон. Вообще-то Лора просила об этом его жену Лилиан, но накануне вечером он позвонил и сказал, что поедет сам. Наверное, Лилиан в очередной раз не смогла оставить дом.

Лора надеялась, что до ее отъезда гости из Германии уже приедут. В своем письме с подтверждением бронирования она настоятельно просила их приехать не позднее половины пятого. Эта Барбара Имярек (при всем желании Лора не могла запомнить немецкие фамилии) ответила, что в любом случае так и будет.

У Лоры не было больше никаких дел, и она бродила по комнатам с чашкой чая в руке. За окном шел снег. Она включила в подвале отопление, и в доме стало тепло и уютно. Им будет здесь хорошо, этим иностранцам, которые выгнали ее...

«Прекрати! – приказала она себе. – Не будь несправедливой! Никто тебя не выгоняет. Никто никогда не сможет этого сделать».

Лора обводила глазами каждый предмет, запечатлевая его в сознании. Время от времени ее взгляд останавливался на одном из выдвижных ящиков или на расшатанной половице. Тогда она подходила ближе, осматривала место, которое привлекло ее внимание, и, ничего не обнаружив, уходила.

«Прекрати поиски, – говорила она себе строго, – ты сойдешь с ума, если будешь постоянно думать только об этом!»

Посмотрела на часы. Половина третьего. Декабрьский день и так был довольно сумрачным, а скоро он опять растворится в темноте. Если б только ей не нужно было уезжать!

Лора подошла к одному из окон, которые выходили во двор, и стала смотреть на дорогу. Гостей не было видно.

Чем дальше они ехали на север, тем больше дождь переходил в мокрый снег. Барбара и Ральф по очереди садились за руль. Они довольно быстро привыкли к левостороннему движению, хотя у них возникли некоторые трудности при плотном трафике вокруг Лондона. Но трасса А1, которая проходит с юга Англии на север, не вызвала никаких проблем. Метель становилась все сильнее и неприятнее. «Дворники» работали с максимальной частотой, и Барбара, которая как раз сидела за рулем, заметила, что видимость становится все хуже.

– Надеюсь, скоро приедем, – сказала она.

– Может быть, тебя сменить? – спросил Ральф, который до этого все время молча смотрел в окно.

– Проеду еще немного, а потом с удовольствием передам тебе руль. Что-то стало действительно напряжно...

Барбара на мгновение отвела взгляд от дороги и взглянула на Ральфа. Еще с раннего утра она постоянно украдкой посматривала на него. Как глупо она себя вела! Барбара знала этого человека уже пятнадцать лет, одиннадцать из которых они были женаты. И вот теперь она искоса поглядывала на него, как делала это, когда была подростком, с симпатичными мальчиками, которые были для нее недоступны. И хотя ее поведение не очень соответствовало возрасту и вряд ли было уместным по отношению к Ральфу, она не могла его изменить. В этот день он выглядел совсем иначе, и это был еще один тревожный знак того, что они очень мало времени проводили вместе и слишком отделились друг от друга. Барбара постоянно видела его в костюме и с галстуком. Ральф напоминал ей успешного адвоката конца тридцатых годов, направлявшегося в свою контору с отсутствующим взглядом, так как мысленно он всегда был занят делами, над которыми в данный момент работал. Поэтому она была поражена, неожиданно увидев его в джинсах и свитере, с небрежно зачесанными темными волосами, тихого и расслабленного, все с тем же рассеянным взглядом, но сосредоточившегося на мелькающем за окном пейзаже.

– Вообще-то ты выглядишь довольно молодо для мужчины, которому через пару дней исполнится сорок, – сказала Барбара.

Ральф наморщил лоб.

– Это комплимент?

– А что же еще?

Он пожал плечами:

– Не знаю... Смотри, вон там, возле ресторана, можно остановиться. Давай поменяемся.

Барбара, кивнув, свернула на парковочную площадку перед рестораном «Счастливый обжора». Ральф вышел и стал обходить машину, в то время как она пересела на его место. Когда муж снова сел в машину, его волосы были белыми от снега.

– Основательно метет, – сказал он. – Надо поторопиться. Если снег усилится, точно где-нибудь застрянем.

– Я всегда считала, что в Англии редко идет снег...

– Относительно редко – на юге. Но в Северной Англии и Шотландии случались настоящие снежные коллапсы. – Ральф вывел автомобиль снова на дорогу. – Однако на сей раз это явно не тот случай, – добавил он, явно успокаивая ее.

Около половины четвертого они въехали в Лейберн, где спросили у полицейского дорогу в Дейл-Ли.

– Поезжайте прямо по трассе А-шестьсот восемьдесят четыре, – объяснил тот. – Проедете Уэнсли, Эйсгарт, Вортон. Под Вортоном поверните на Аскригг. Дейл-Ли расположен немного севернее, в направлении болота Уайтсайд.

После того как Барбара и Ральф съехали с главной дороги, которая проходила через Уэнслидейл, у них все больше и больше возникало ощущение, что они углубляются в отрешенный от всего мира уединенный уголок. Повсюду, справа и слева, простирались бесконечные холми-

стые луга, уже покрытые слоем снега, с пересекавшими их небольшими стенами. Деревья поднимались в небо, как черные скелеты. Порою виднелась коричневая каменная кладка какого-то дома, затаившегося в низине или, напротив, возвышавшегося на холме и обдуваемого холодными ветрами. На горизонте земля и небо слились в снежной буре в серый ад. Черные птицы кричали над раскинувшимися просторами. Когда появилась покоробившаяся вывеска с надписью «Дейл-Ли, 1 миля», у Барбары вырвался возглас облегчения.

– Наконец-то! Я уж думала, что это никогда не кончится...

Как выяснилось, Дейл-Ли состоял не более чем из десятка домов, выстроившихся вдоль узкой деревенской улицы, а также церкви и кладбища. На улице никого не было, лишь на обочине стояла пара автомобилей. Тем не менее за некоторыми окнами горели яркие электрические огоньки, и на двух дверях висели рождественские венки с большими красными лентами.

– Кажется, там, впереди, есть какой-то магазин, – предположил Ральф. – Нам наверняка смогут там объяснить, как проехать к Уэстхилл-Хаус. Кроме того, нам надо что-нибудь купить. Наша хозяйка вряд ли позаботилась об ужине, а я голоден!

– Хорошая идея, – согласилась Барбара. – Давай купим сейчас самое необходимое, а завтра соберем настоящий рождественский стол. Припаркуйся прямо здесь, за этой шикарной тачкой...

– Это «Бентли», – ответил Ральф благоговейно. – Похоже, здесь живут довольно состоятельные люди.

Несколько шагов от машины до двери магазина вполне хватило, чтобы они оба превратились в снеговиков. Антрацитно-серое небо взорвалось миллионами плотных снежных хлопьев.

Пожилая женщина, стоявшая у входа, взглядываясь в снегопад, дружески кивнула им и сказала:

– Это только начало! Я еще на прошлой неделе об этом предупреждала. Только мне никто не поверил. Говорила, что на Рождество будет снегопад, но мои внуки решили, что это все мои фантазии... – Она презрительно фыркнула. – Молодые люди ни о чем не имеют никакого понятия! Они садятся перед телевизором, слушают прогноз погоды и придерживаются его, сколько бы раз метеорологи ни промахнулись. Видите ли, погода здесь, наверно, у меня в крови. Я определяю ее по цвету неба. Я вдыхаю запах, поднимающийся с земли. И знаю, что будет. – Она гордо кивнула. – Моя мать была такой же. Она предсказала катастрофу сорок седьмого года. Тогда высота снежного покрова оказалась более двух метров. Под ним исчезли некоторые дома. И на сей раз будет не лучше. – После этого пессимистического прогноза она улыбнулась и продолжила: – Чем я могу вам помочь? Вы ведь приезжие, не так ли?

– Да. Я – Барбара Амберг. А это мой муж Ральф. Нам надо в Уэстхилл-Хаус.

– О, «Дом сестер»! Меня зовут Синтия Мур. Я – владелица магазина.

– «Дом сестер»? – переспросила Барбара. – Я думала, что мисс Селли живет там одна.

– Да нет, это просто старое название. Оно укоренилось еще в те времена, когда из всей семьи в Уэстхилле остались только две сестры, которые там и жили. Обеих уже нет на свете, но все по-прежнему называют его «Дом сестер». – Она опять улыбнулась и сразу понизила голос, словно собиралась задать неловкий вопрос. – Хотя вы очень хорошо говорите по-английски, мне кажется, что вы...

– Мы из Германии, – поспешил ответить Ральф.

– Из Германии? И вы здесь заплутали? Добро пожаловать в Дейл-Ли! Ферма Уэстхилл вам понравится, если ее еще можно назвать фермой. Лора, конечно, не могла дальше в одиночку держать овец и лошадей. Она немного не в себе, но славная женщина!

– Не в себе? – удивилась Барбара.

– Ну да. Чудачка, старая дева. Немного эксцентричная, иногда чуть истеричная... Уже тринадцать или четырнадцать лет она безвылазно сидит в Уэстхилле и Дейл-Ли, если не считать периодических поездок к сестре в Кент. И там обе так же торчат в квартире, и Марджори бесконечно ворчит... Может, поэтому Лора стала немного чудаковатой.

– Мы были бы очень признательны, если б вы объяснили нам, как добраться до Уэстхилла, – попросил Ральф, воспользовавшись небольшой паузой, которую сделала Синтия. Ему казалось, что она была готова выложить им всю историю жизни Лоры, но у него не было к этому ни малейшего интереса. – И еще мы хотели бы купить кое-что из продуктов.

– Конечно, – с радостью согласилась Синтия. – Берите все, что вам нужно, а потом я объясню, как добираться.

Магазин оказался значительно больше, чем это казалось снаружи. Длинные ряды стеллажей разделялись несколькими проходами. Когда Барбара завернула за угол во второй проход, она чуть было не столкнулась с высоким мужчиной, который появился ниоткуда, балансируя с грудой консервных банок в руках. На нем была темно-зеленая куртка фирмы «Барбур» и высокие сапоги.

Барбара резко остановилась, и Ральф, который шел прямо за ней, наткнулся на нее. Некоторое время все трое удивленно смотрели друг на друга. Каждый из них считал, что в магазине больше никого нет.

– Извините, – сказал наконец незнакомец.

– Ничего страшного, – ответила Барбара.

Он в упор посмотрел на нее. У него были темные глаза и пронзительный взгляд. Барбара тоже взглянула на него, но ей стало не по себе, и она поняла, что первой отведет глаза, если он этого не сделает сам. К счастью, мужчина неожиданно обернулся.

– Лил! – Только что казавшийся таким вежливым тон его голоса полностью преобразился. Теперь он звучал жестко и резко. – Ты идешь, наконец? – Это был скорее не вопрос, а приказ.

Сразу после этого появилась молодая женщина – незаметное, боязливое существо, одарившее обоих незнакомцев смущенной улыбкой, но потом снова робко опустившее глаза. Мужчина высвободил одну руку из-под опасно задрожавшей груди консервных банок и крепко схватил женщину за кисть. У нее вырвался едва сдерживаемый крик боли.

– Я не могу ждать вечно. Мне надо еще отвезти Лору Селли на вокзал.

– Мы – гости мисс Селли, – воскликнула Барбара.

– О, правда? – На сей раз его взгляд не был глубоким; он посмотрел на нее лишь мельком, почти без интереса. – В таком случае мы на ближайшее время станем соседями. Моя фамилия Ли. Фернан Ли.

– Барбара Амберг. А это мой муж.

Ральф холодно кивнул Фернану.

Тот снова вспомнил о женщине, запястье которой он все еще сжимал так крепко, что костяшки пальцев его руки побелели.

– Моя жена Лириан, – представил он женщину.

Лириан все это время стояла с опущенным взглядом и только теперь подняла глаза. Барбара застыла. Она слышала, как за ее спиной резко дышал Ральф. В тусклом свете выдавшей виды потолочной лампы оба увидели сейчас то, что не заметили в момент первого короткого приветствия: левый глаз Лириан украшал уже заживающий безобразный сине-зеленый кровоподтек. Нижняя губа распухла, а в уголке рта образовалась корочка запекшейся крови.

– Очень приятно, – ответил Фернан Ли. – Еще увидимся! – Он кивнул им и, потянув за собой Лириан, направился к кассе.

Амберги переглянулись.

– Он, наверное, объяснил бы это тем, что его жена упала с лестницы, – сказал Ральф, – но я думаю, скорее...

Он не закончил фразу, но Барбара знала, что он имел в виду, и согласно кивнула.

– Я видела множество таких лиц, – сказала она, – и я имею в виду не только следы от кровоподтеков и синяки. Это еще и выражение глаз. То, как они улыбаются. Как они опускают голову. Как они на тебя смотрят, как будто извиняются за то, что вообще живут на земле. Эта женщина – полная развалина, Ральф. И наверняка она не была такой, пока не познакомилась с ним.

Ральф посмотрел в окно.

– Это его «Бентли». Они как раз садятся в машину.

Незаметно подошла Синтия.

– Ему принадлежит практически вся земля вокруг, – доложила она, – включая все дома в этой местности. Ли были когда-то настоящими феодалами. Единственной независимой собственностью была ферма Уэстхилл, принадлежавшая Греям. И это не давало им покоя. Со временем Фернан купил много земли, входящей в состав Уэстхилла. Многие, правда, гадают, на какие деньги. Говорят, он слишком много пьет и влез в долги. А потом вдруг появился этот автомобиль... Видно, у него есть какой-то резерв.

– А что случилось с его женой? – спросила Барбара. – Она выглядит просто ужасно!

Синтия вздохнула.

– Это большая проблема. Вы знаете, в принципе Фернан Ли неплохой парень. Я не знаю, что произошло между ним и Лил, но, очевидно, он периодически теряет самообладание. Частенько она бывает разукрашена еще похуже, чем сейчас.

– И никто ничего не предпринимает? – спросил Ральф недоверчиво. – Ведь его легко можно привлечь за нанесение телесных повреждений!

– Лил приходится с этим мириться. Иначе она еще больше увязнет во всем этом, – объяснила Синтия. – До сих пор она его постоянно покрывала. Лил в высшей степени изобретательна, если речь идет о том, чтобы найти объяснения ее многочисленным травмам.

– Подобное случается часто, – согласилась Барбара. – Такие мужчины, как этот Ли, становятся неуправляемыми, пока их жены боятся свидетельствовать против них.

– Он действительно неплохой человек, – настаивала Синтия. – У него было тяжелое детство. Его отец тоже пил, а мать – французская эмигрантка, отсюда французское имя – с годами все больше впадала в уныние, потому что так и не смогла избавиться от тоски по Родине. Фернан был раздавлен ими обоими.

– Честно говоря, это объяснение насильственного поведения меня уже давно не устраивает, – признался Ральф. – Человек рождается со свободной волей. И не имеет никакого значения, что до этого происходило в его жизни. С определенного момента он несет ответственность за то, как проживет остальную часть жизни.

Синтия кивнула.

– В принципе вы правы, но... Ну, так что, – попыталась она сменить тему, – нашли то, что вам нужно?

– На первое время – да, – ответила Барбара. – Но мы в любом случае придем еще раз завтра, чтобы купить всё на праздники.

Синтия с сомнением посмотрела в окно, где сильный завывающий ветер кружил снежные хлопья.

– Надеюсь, завтра вы еще сможете сюда добраться. Если будет совсем худо, поможет гарнизон Каттерик. Они расчистят основные улицы своими танками, но о второстепенных улицах никто не позаботится, а Уэстхилл расположен на приличном расстоянии в стороне!

– Ну, все не так драматично, – легкомысленно предположила Барбара. – У нас в машине есть цепи против скольжения. Все будет нормально. Будьте так любезны, расскажите, как нам добраться...

Когда по дому разнесся приглушенный звук медного дверного молоточка, Лора вздрогнула, хотя каждую минуту ждала прибытия гостей. Остатки горячего чая в ее чашке выплеснулись ей на руку, и она тихо вскрикнула. Что творится с ее нервами? Они, кажется, совершенно разболтались только из-за того, что ей предстояла поездка, так называемое противостояние миру, который затаился по ту сторону оборонительных стен Уэстхилла. Она отставила чашку, прошла в прихожую, в спешке поправила перед зеркалом волосы, расправила плечи и открыла дверь.

Штормовой ветер чуть не вырвал дверь из ее руки, и вихрь снежных хлопьев ударил ей в лицо. Было уже почти темно, и Лора едва смогла разглядеть лишь силуэты двоих стоявших перед ней людей.

– Добрый день, я – Лора Селли, – сказала она. Ей пришлось говорить громко из-за завывающего ветра. – Проходите!

Барбара поняла, почему Синтия назвала эту Лору «странной». Пожилая дама была несомненно милой, но довольно рассеянной и нервной. Сначала она повела постояльцев в кухню и предложила им чаю, и едва они сели за стол с чашками в руках, как вдруг вспомнила, что прежде всего должна обязательно показать им весь дом, так как в любой момент за ней могут заехать. Они отставили чашки и последовали за Лорой. На первом этаже, кроме просторной кухни, располагались гостиная и столовая. Там Барбара сразу заметила стоящую на камине фотографию.

– Кто это?

– Фрэнсис Грей. Гречам когда-то принадлежало здесь все.

– И вы у них всё это купили? – спросил Ральф, размышляя, откуда у этой простой на первый взгляд женщины так много денег.

– Я получила это в наследство, – ответила Луиза с гордостью, – от Фрэнсис. Она была последней из всего семейства. Наследников больше нет.

– Наверное, вам здесь очень одиноко, – предположила Барбара. Она подумала, что жить здесь одной из года в год, в течение многих лет, довольно тягостно.

Лора покачала головой.

– Для меня – нет. Знаете, я живу здесь уже больше пятидесяти лет. – Она, кажется, считала это достаточно убедительным объяснением.

По окрашенной в белый цвет деревянной лестнице они поднялись на второй этаж. Здесь были две большие и три маленькие спальни, а также старомодная ванная комната, в которой ванна стояла на четырех изогнутых ножках.

– Я постелила вам здесь, в одной из больших спален, – сказала Лора. – Подумала, там вам будет наиболее удобно.

Барбара и Ральф переглянулись и одновременно пришли к молчаливому согласию: они ни в коем случае не будут говорить Лоре, что уже несколько лет спят в разных комнатах.

Тем не менее Лора почувствовала мимолетную неловкость обоих, правильно истолковала ее благодаря тонкой интуиции и смущенно добавила:

– Разумеется, любая из трех маленьких спален также в вашем распоряжении. Только моя собственная комната должна...

– Конечно, – быстро сказал Ральф.

Когда они спустились по лестнице, Барбара с любопытством спросила:

– Вы были подругой Фрэнсис Грей?

Ральф едва заметно покачал головой; он знал эту привычку Барбары – совершенно беззастенчиво задавать чужим людям неловкие вопросы – и совершенно этого не понимал. Однако Лора с готовностью ответила:

– Можно и так сказать. Вообще-то я была экономкой. Но попала сюда еще ребенком, и этот дом стал моей родиной. У нас с Фрэнсис больше никого не было.

– И вы жили здесь совершенно одни?

Легкая тень пробежала по лицу Лоры.

– После того как умерла Аделин и уехала Виктория Ли... да.

– Виктория Ли?

– Сестра Фрэнсис.

– Она имеет какое-то отношение к Ли из... э... Дейлвью?

– Барбара... – тихо оборвал ее Ральф.

– Она была замужем за отцом Фернана Ли. Но они развелись.

– Он с ней жестоко обращался?

– Барбара! – воскликнул Ральф, на этот раз более резко. Барбара знала, что он имел в виду: «Ты ведешь себя совершенно бесцеремонно!»

Лора, казалось, была несколько удивлена.

– Нет. Почему?

– Мы встретили Фернана Ли и его жену в Дейл-Ли, – объяснила Барбара, – и миссис Ли имела довольно плачевный вид.

– Ну, – лицо Лоры стало задумчивым и немного печальным, – в подобных вещах всегда участвуют двое, не так ли? Я часто задаюсь вопросом: становятся ли люди жертвами судьбы или сами приносят себя ей в жертву?

Пока Барбара старалась переварить эти неожиданные слова – она никак не ожидала, что Лора попытается затронуть столь сложный психологический аспект, – Ральф вышел, чтобы принести вещи из машины. В дверях он чуть не столкнулся с Фернаном Ли, который, как большая темная тень, внезапно появился из снежной вьюги. Оба мужчины холодно поздоровались. Фернан отступил на шаг, чтобы пропустить Ральфа, и вошел в дом в облаке снега и холода, сразу заполнив собой всю прихожую. Хотя он был лишь немного выше Ральфа, его манеры и внешность были доминирующими, из-за чего все вокруг него казалось меньше, чем было на самом деле.

– Мисс Селли, – сказал он, – нам надо ехать. Погода ухудшается с каждой минутой. Может быть, это вообще будет последний поезд в ближайшие несколько дней.

– Боже мой, я и предположить не могла, что все будет так ужасно, – пробормотала Лора и начала суетливо бегать взад и вперед в поисках перчаток, шарфа и шапки.

– Надеюсь, нас здесь не заметет по крышу? – спросила Барбара.

Фернан повернулся к ней. В сумраке узкой прихожей она больше почувствовала, чем увидела его взгляд.

– Все может быть, – ответил Фернан. – Возможно, с завтрашнего дня вы здесь прочно застрянете.

– Было бы довольно неприятно!

Он дернул плечами:

– Не думаю, что погода руководствуется тем, что вам приятно, а что нет.

– Я тоже так не думаю, – резко парировала Барбара.

Фернан рассмеялся и сказал – неожиданно миролюбиво:

– Конечно, нет. Извините за глупое замечание.

Он снова повернулся и подхватил оба чемодана и дорожную сумку Лоры, стоявшие наготове возле двери.

– Вы собрались, мисс Селли?

– Да, – ответила Лора.

Она натянула на голову связанную явно ею самой шапку, которая была ей чуть маловата, взяла полиэтиленовый пакет с провизией и свою сумочку, напоминавшую круглую коричневую шоколадную конфету. Глубоко вздохнула – и только в последний момент вспомнила о том, что надо попрощаться с Барбарой. Потом она вышла из дома с выражением лица перепуганного солдата, отправляющегося на тяжелую битву, почти не надеясь выйти из нее победителем.

Молодой человек, сидевший напротив Лоры, на противоположном сиденье у окна, тихонько похрапывал. Его голова, лежащая на подголовнике, чуть склонилась вбок, а рот слегка приоткрылся. Он был похож на младенца, мягкого и розового. Похоже, он видел мирный сон, так как его черты лица казались расслабленными и спокойными.

Студентка, сидевшая у двери купе, тоже спала. Точнее говоря, Лора лишь *предположила*, что эта молодая девушка – студентка. Просто по внешнему виду: джинсы, толстовка, умное лицо, очки в никелированной оправе, короткие, чуть взъерошенные волосы. Перед тем как заснуть, она все время читала книгу, которая, насколько успела разобрать Лора, была связана с математикой.

Поезд громыхал в ночи, и она не могла уснуть. В купе горел слабый свет, и Лоре удалось разглядеть снежные хлопья по ту сторону оконного стекла. Фернан привез ее на вокзал на своем джипе; ни на каком другом автомобиле он не проехал бы. В Йорке она пересела на другой поезд; при этом ей пришлось долго ждать, так как все расписание сдвинулось во времени. Со всех сторон Лора слышала тревожные сообщения о погоде. Похоже, на севере Англии и в Шотландии ожидался настоящий снежный коллапс. Постояльцев занесет, и у них будет уйма времени, чтобы перерыть весь дом, подумала мрачно Лора. Ей хотелось бы никогда и никуда не уезжать; хотелось выйти на ближайшей станции и немедленно вернуться домой встречным поездом. Но кроме того, что она своим возвращением домой нарушила бы договоренность и стала бы причиной неприятностей, было совсем неясно, удалось бы ей вообще добраться до Уэстхилла.

«Дальше не проехать, – сказал Фернан на вокзале в Норталлертоне, глядя на пургу за окном, и добавил: – Держите за меня кулачки, чтобы я добрался до дому!»

Лора подумала о Барбаре. Чужая женщина вызывала у нее подозрение. Нет, она не была ей неприятна, но Лора чего-то опасалась. Эта женщина имела своеобразную привычку целенаправленно и прямо задавать вопросы. Но, странным образом, Лоре она не показалась любопытной. Любопытство для нее имело негативный оттенок, а в поведении Барбары она этого не почувствовала. Кроме того, любопытство всегда сопровождалось сильным желанием сенсации, но в Барбаре это совершенно не ощущалось. Она казалась человеком, одержимым истинным, жгучим интересом ко всему, что происходило вокруг нее, к каждому, с кем пересекался ее путь. Интересом к причинам и фактам, к предыстории события, с риском, что сенсация станет, таким образом, объяснимой и потеряет свою драматургию. Барбара не подсматривала в замочную скважину – она шла прямо в комнату и спрашивала о том, что хотела знать.

Как и Фрэнсис, подумала Лора и тут же поняла, что это было именно *то*, что вызывало у нее симпатию к Барбаре и одновременно порождало страх и недоверие.

Барбара была второй Фрэнсис Грей.

Вторник, 24 декабря 1996 года

Барбара не знала, что ее разбудило – завывающий ветер или тот ужас, который проник до самых глубин сна. Лицо пылало от стыда, когда она села в постели. За окном бушевала непогода. Буря, казалось, хотела перевернуть весь мир, носилась вокруг дома как свирепый враг, сотрясала оконные стекла, наполняла зловещим гулом старые высокие дымовые трубы. То, что происходило за окном, напоминало преисподнюю, но в данный момент это было далеко не так угрожающе, как то, что происходило у нее внутри. Барбара не могла вспомнить, когда в последний раз видела эротический сон.

– Это просто смешно! – сказала она вслух в темноту, потом бросилась на кровать, зарылась лицом в подушки и стала ждать, когда в ее теле успокоится мягкая, почему-то почти болезненная пульсация.

Фернан Ли как раз снимал с нее колготки на заднем сиденье автомобиля, когда она, к счастью, проснулась и вспомнила, что почти обезумела от страсти. Если она стонала во сне или, чего доброго, даже нецензурно выражалась, это, слава богу, останется ее тайной, так как она была в комнате одна. Ральф оставил ей большую спальню, которую Лора первоначально приготовила для них двоих, и, прихватив одеяло и подушку, перебрался в одну из маленьких комнат. Они не слишком долго это обсуждали.

– Тебе, вероятно, так будет удобнее, – сказал Ральф, и она ответила, что они, мол, просто к этому привыкли.

Снова сев в постели, Барбара, пока искала выключатель ночной лампы, задавалась вопросом: не было ли это сном женщины, которая слишком давно живет без секса. Год? Или даже больше? У нее никогда не было ощущения, что ей чего-то недостает. При постоянном стрессе на работе постель и без того представлялась ей местом, которое она до последней секунды использовала для нескольких часов сна, имевшихся в распоряжении. Ей и в голову не пришло бы потратить пусть даже один из этих драгоценных моментов на что-то другое. Почти каждый вечер у нее были деловые встречи или общественные дела, так что она возвращалась домой, по большей части, когда Ральф уже спал. Зато утром он вставал раньше и уходил из дома, когда она, проспав, мчалась в ванную. В конце концов они договорились спать в разных комнатах, поскольку так было удобнее из-за разницы в режиме сна.

Барбара нашла выключатель, но света не было. Ей хотелось надеяться, что проблема в лампочке, а не в обесточивании всего дома.

Она вылезла из постели и на ощупь, медленно и спотыкаясь, как бывает в чужом доме, стала пробираться к двери, где находился еще один выключатель. Но и тот не сработал. Та же участь постигла ее и за пределами комнаты.

– Проклятье, – пробормотала Барбара. Она добралась до комнаты Ральфа и, тихонько постучав, позвала шепотом: – Ральф!

– Входи. – Его голос был бодрым и уверенным. – Я все равно не сплю. Буря что-то разошлась.

Барбара вошла и щелкнула выключателем.

– Света нет! – удивился Ральф.

– Я как раз хотела тебе об этом сказать. – От холода Барбара переступала с ноги на ногу – пол был ледяным. – Света нет нигде!

– И внизу тоже?

– Там я не проверяла. Как ты думаешь, что случилось?

– Возможно, всего лишь выбило пробки. Я завтра утром посмотрю.

– А может быть, из-за бури повреждена электропроводка? Тогда мы ничего не сможем сделать.

– Ну, это быстро приведут в порядок. – Постепенно оба они привыкли к темноте и уже могли смутно видеть друг друга. Ральф заметил, что Барбара дрожит.

– Быстро возвращайся в постель, – сказал он, – иначе простудишься. Или... – он запнулся, – или иди ко мне. Только не стой так!

Из-за странного сна у Барбары возникло ощущение, что сейчас ей не следует искать близости Ральфа.

– Лучше пойду, – сказала она. – Надеюсь, что эта проклятая буря до утра стихнет. От этого можно просто сойти с ума!

Барбара снова на ощупь добралась до своей комнаты и нырнула в постель, но уже не могла уснуть и только беспокойно ворочалась. Лишь ранним утром опять задремала.

Проснулась она оттого, что кто-то тряс ее за плечо. Это был Ральф. Он уже оделся, но был небрит и казался довольно растерянным.

– Барбара, вставай! Ты это уже видела?

– Что именно?

– Посмотри в окно!

Она поднялась, подошла к окну и тихо вскрикнула:

– О боже! Этого не может быть!

Мир за окном погрузился в снежную белизну. Всюду, насколько хватало глаз, лежал снег, и ничего кроме снега. Больше не было ни лугов, ни дорог, ни подъезда к дому, ни сада. Все исчезло, погребенное под толстой снежной толщей. Деревья вдоль дорожки, ведущей к дому, казались совсем крошечными, потому что их стволы примерно наполовину были погружены в снег, а ветви, казалось, вот-вот сломаются. Два дерева во время бури вырвало из земли; их гигантские корни торчали вверх как свидетельство могущества стихии, которая пронеслась над землей минувшей ночью. Ветер стих, но снег шел беспрестанно, и над уединенным домом лежала глубокая таинственная тишина.

– Просто не верится! – воскликнула Барбара в изумлении. – Я никогда не видела ничего подобного!

– Света нет во всем доме, – сказал Ральф, – в том числе и внизу. Пробки в порядке, так что, скорее всего, повреждена линия.

– Но это ведь быстро отремонтируют? Я имею в виду, что здесь забытое богом место, но ведь не окончательно отрезанное от цивилизации!

– Вопрос в том, удастся ли кому-то вообще пробраться сюда по такому снегу, чтобы суметь что-то отремонтировать. Боюсь, что сюда сейчас не доехать даже на цепях.

– Кстати, о цепях, – сказала Барбара, высматривая что-то за окном. – А где же машина? Она ведь стояла перед входной дверью!

– Она там и стоит, – ответил Ральф; в его голосе смешались шутливая нотка и оттенок паники. – *Под снегом!*

– Значит, мы не сможем поехать в Дейл-Ли?

– Нет. Никаких шансов. Высота снега, по-моему, уже больше метра, а будет еще больше. Так что ничего не получится.

Съездившись от холода, Барбара обхватила плечи руками. Она была в одних трусиках и футболке и только сейчас поняла, что в комнате довольно прохладно.

– Это я только сейчас так замерзла, – спросила она, – или вчера вечером было действительно теплее?

– Вчера вечером было действительно теплее, – печально сказал Ральф, – потому что еще работало отопление.

Она пристально посмотрела на Ральфа.

– *Что?*

Он кивнул.

– Я был в подвале. Насос без электричества не работает. А аварийного генератора здесь нет.

– Тогда у нас нет и горячей воды! Мы не сможем включить плиту. Не сможем...

– Да, телефон тоже не работает. Линия молчит.

Барбара медленно вернулась к своей постели, опустилась на нее и подперла голову руками.

– Черт возьми! – произнесла она.

Ральф попытался изобразить на лице ободряющую улыбку.

– Но это не конец света, Барбара. Мы ведь не сидим где-то на улице, в снежной пустыне, без крыши над головой, или в машине, которая медленно исчезает под сугробами... У нас есть прочный, сухой дом с несколькими каминами, в которых мы можем развести огонь. Пару дней мы будем отрезаны от внешнего мира, но ведь снег не будет идти вечно, и все утрясется. Послушай, – добавил он, так как в нем шевельнулось ощущение, что это могло бы ее утешить, – мы ведь не единственные, с кем это произошло. У всех вокруг та же проблема, и они ее тоже преодолеют.

Барбара решительно встала и взяла халат.

– Сейчас мне нужен только крепкий кофе, – сказала она, – без этого я не могу думать. Пойдешь со мной на кухню?

Ральф чуть придержал ее за плечо.

– Как ты хочешь?..

– Там стоит старая железная печь. Ее надо как-нибудь разжечь. И даже если мне придется развести костер среди гостиной – я выпью сейчас кофе!

В гостиной, в латунном ящике рядом с камином, аккуратно лежали три полена. Похоже, что это были последние дрова в доме, но Ральф был убежден, что где-то есть более серьезные запасы.

– За домом находится сарай, я видел его вчера вечером, – пояснил он, – и наверняка мисс Селли хранит там свой дровяной арсенал. Мне надо как-то туда добраться. Есть ли здесь лопата?

Пока он ходил в подвал в поисках лопаты, Барбара разожгла старую железную печь. Она быстро поняла, что тремя поленьями печку не разожжет. В столовой лежал тележурнал, который из-за отсутствия света все равно был бесполезен. Барбара вырвала из него пару страниц и положила их между дровами. Вскоре огонь загорелся, и она поставила воду для кофе, чувствуя себя пионером в отсталой стране. В шкафу нашла кофейник и фильтровальную бумагу. Потом поставила на плиту сковородку, поджарила два яйца и достала из пакета два куска нарезанного хлеба. В кухне стало теплее и запахло бодрящим свежим кофе.

– Завтрак готов, – объявила Барбара, когда Ральф вернулся.

У него на щеке было грязное пятно, а в волосах – паутина. Он чихал.

– В этом подвале сплошная пыль и грязь, но там полно всяких лопат для снега, так что я смогу расчистить дорогу к сараю. – Подошел к плите, открыл дверцу и поднес свои окоченевшие руки к пламени. – Там, внизу, ледяной холод, как в могиле. Кстати, у тебя здесь приятно пахнет!

– Кофе и яичница. По крайней мере, съедим хоть что-то горячее.

Усаживаясь за стол, Ральф осторожно сказал:

– Нам следует быть экономнее с запасами. Возможно, их придется растянуть на некоторое время.

– А ты не подумал, что мы могли бы пойти в магазин в Дейл-Ли пешком?

– Исключено. Снег достает мне до бедра, а я довольно высокого роста. Для этого потребуется слишком много времени, потому что нам придется раскапывать дорогу практически

после каждого шага. Кроме того, мы наверняка не сможем сориентироваться. Улицы, по которой мы должны идти, не видно, а мы совсем не знаем этой местности.

– Тогда это будет пышное Рождество, – предположила Барбара подавленно. – Послушай, давай после завтрака проведем инвентаризацию, чтобы понять, что у нас есть, хорошо?

Инвентаризация дала удручающие результаты. У них было еще четыре яйца и шесть кусков хлеба, начатая 125-граммовая пачка масла и кусок уэнслидейлского сыра, примерно размером с кулак. Кроме того, небольшая баночка апельсинового джема, пачка молотого кофе, банка сгущенного молока, пачка соли и коробка сахара. Накануне вечером были еще спагетти, но от них осталась половина, и еще остатки соуса. Они могли бы их, конечно, разогреть, но вряд ли после этого будут сыты.

– Если б только мы послушали Синтию Мур! – воскликнула Барбара. – Ведь она сразу посоветовала нам купить как можно больше продуктов.

– Давай посмотрим еще в кладовой, – предложил Ральф. – Возможно, Лора Селли хранит там какие-нибудь консервы. Мы ей их потом возместим.

Но мисс Селли, похоже, терпеть не могла делать запасы, и, как предположила Барбара, особенно консервов – в ее глазах это явно было новомодное и сомнительное изобретение, к которому она относилась с законным недоверием. В кладовой, примыкавшей прямо к кухне, также не нашлось ничего съестного, кроме четырех небольших картофелин и пары червивых яблок. Единственное, что было в огромных количествах, так это чай. В стеклянных и жестяных банках, в пакетиках, черный, зеленый, фруктовый, лечебный... Любой экзотический сорт, который только можно было себе представить. Этот невероятный выбор, должно быть, обошелся Лоре в приличную сумму. Вероятно, чай являлся единственной роскошью, которую она себе позволяла.

– От жажды мы, во всяком случае, не умрем, – сказал Ральф. – Можем пить чай хоть до седьмого пота. Хотя, разумеется, выглядит это довольно мрачно...

– И в холодильнике мышь повесилась! – воскликнула Барбара раздраженно. – Ты знаешь, мне кажется, она относится к той категории алчных старух, которые в последние дни или недели перед отъездом питаются лишь древними остатками, чтобы не покупать ничего нового, что потом могло бы остаться! А если что-то все-таки остается, они это упаковывают и потом съедают в поезде, потому что не позволяют себе купить в ресторане даже небольшой кусок пирога!

Жена попала в самую точку, подумал Ральф; во всяком случае, ему показалось, что Лора Селли и в самом деле не располагала особыми деньгами, и с содержанием Уэстхилла ей было непросто.

– Смотри-ка, это единственное, что есть в этом постепенно оттаивающем холодильнике, – продолжала Барбара рассерженно, вынимая стеклянную литровую бутылку, заполненную на четверть молоком. – Это ведь замечательно! Теперь, кроме наших остатков сгущенного молока, у нас, по крайней мере, есть какое-то количество молока для кофе и этого проклятого чая!

– Барбара, – воскликнул Ральф; неожиданно его лицо показалось Барбаре очень усталым. – Глупость сделали мы, а не она. Нам надо было вчера купить все, что нужно. И потом, какой смысл сейчас все вокруг поносить...

– На какое время нам хватит того, что у нас есть?

Ральф пожал плечами:

– Посмотрим. Я сейчас перво-наперво займусь дровами, а ты оденься и потом собери все свечи, которые найдешь в доме. Не забудь, что в половине пятого уже стемнеет.

Барбара быстро обнаружила, что свечей в доме больше чем достаточно. Она поставила их в бесчисленные подсвечники, которые были распределены по всем помещениям. Перенесла некоторые из них в столовую и расставила на столе и на каминной полке. Столовая была

меньше гостиной, и воздух в ней нагревался быстрее; поэтому ей показалось целесообразным на ближайшие дни сделать ее, помимо кухни, местом их обитания.

Через стеклянную дверь, выходящую в сад, Барбара увидела Ральфа, который с помощью лопаты прочистил в снегу узкий коридор к сараю. Она мельком взглянула на его лицо, это узкое, всегда чуть бледное лицо интеллектуала, и заметила, что оно искривилось от напряжения. Муж старался изо всех сил, но при этом было видно, что он не привык к физической работе. Барбара решила пойти в сад и помочь ему, иначе он рискует заработать себе инфаркт.

К полудню они добрались до сарая. Оба совершенно выдохлись и были на пределе своих сил. Барбара чувствовала, как по спине у нее ручьями струится пот. Так как снег шел не переставая, ее волосы были совершенно мокрые; к тому же снегопад с полным равнодушием постепенно сводил на нет их такую тяжелую работу.

– Теперь ты видишь, – спросил Ральф, тяжело дыша, – что мы ни за что не смогли бы дойти пешком до Дейл-Ли?

Барбара, с трудом переводя дыхание, облокотилась на лопату.

– Разве я что-то об этом говорила?

Она надавила на дверь, и та распахнулась. Барбара была рада, что дверь не заперта, – у нее уже не оставалось сил на то, чтобы заниматься изнурительными поисками ключа.

– Давай, – сказала она, – отнесем дрова в дом. До конца дня я и пальцем не пошевелю!

Но внутри сарая их ждал неприятный сюрприз. Дрова там были, но, очевидно, не нашлось никого, кто разрубил бы бревна длиной в половину ствола на поленья подходящего для камина размера. С тихим стоном Ральф смотрел на стоящий в ожидании чурбан для колки дров, из которого торчал огромный топор.

– Я этого еще никогда не делал. Я и в самом деле не знаю, как...

– Ты не будешь это делать, – быстро сказала Барбара, – ты не имеешь представления, что это такое, и если ты при этом получишь травму, мы не сможем вызвать врача. Я слышала историю от одного мужчины, который при рубке задел топором ногу.

Он рассерженно посмотрел на нее.

– Может, тогда скажешь, что делать? Ты будешь рубить дрова?

– Нет. Я в этом также ничего не понимаю. Но не хочу, чтобы это делал ты. Дом отапливался неделями. Правда, помещения на первом этаже довольно холодные, но не ледяные. Если мы тепло оденемся и укутаемся в одеяла, то наверняка не замерзнем.

– Барбара, все это может продолжаться неделю, и тогда довольно быстро здесь станет очень неуютно. Не говоря уже о том, что без огня мы не сможем сделать ни кофе, ни чай, а никаких других напитков у нас просто нет. Мы ничего не сможем сделать ни с яйцами, ни с картофелем. Мне не остается ничего иного, как только попробовать.

Ральф подтащил к чурбану самый маленький ствол и положил на колоду, вытащив из нее топор. Барбара отступила на пару шагов назад. Она едва могла наблюдать за всем этим. Ральф прекрасный юрист, но на удивление непрактичный человек и вряд ли способен даже забить гвоздь в стену. Видеть его здесь, в этом мрачном сарае, с топором в руке и с напряженно-решительным выражением лица, было настолько абсурдно, что можно было только закрыть глаза.

Он размахнулся – слишком робко, подумала Барбара, слишком слабо, – и она задержала дыхание. Последовал громкий треск, и когда она опять посмотрела на происходящее, то увидела, что ствол пролетел через весь сарай и целехонький лежал теперь в углу, в то время как топор снова торчал в колоде. Ральф с озлобленным выражением лица снова пытался его вытащить.

– Подожди, нам, наверное, надо... – начала Барбара.

Тот повернулся, и в его глазах блеснула злость, которая заставила ее замолчать.

– Будь так любезна, оставь меня одного! Ты думаешь, что мне нужен зритель на этом постыдном представлении, которое я здесь устроил? Я, должно быть, произвожу на тебя смеш-

ное впечатление, не так ли? Ты, наверное, предпочла бы иметь в качестве мужа *мужчину*, а не болвана за письменным столом!

– Единственное, что в данный момент производит на меня смешное впечатление, так это твои речи, которыми ты разразился! Неужели ты на полном серьезе считаешь, что достоинство мужчины для меня заключается в его способности разрубить дурацкое бревно?

Его лицо, которое до этого покраснелось от холода, сейчас стало смертельно бледным.

– При случае, – сказал он тихим, но резким голосом, – ты, может быть, расскажешь мне, что именно считаешь достоинством мужчины. При определенных обстоятельствах, возможно, у меня будет тогда шанс, и когда-нибудь... – Он запнулся.

– Что? – спросила Барбара.

– И когда-нибудь ты вернешься в мою постель. А сейчас иди, оставь меня одного!

Она как-то читала, что мужчины в любой жизненной ситуации думают о сексе, но не могла этого постичь.

– Ты действительно считаешь, что это подходящий момент, чтобы...

– Это подходящий момент, чтобы оставить меня в покое и поискать себе какое-нибудь занятие, – прикрикнул он на нее.

Без лишних слов Барбара повернулась и вышла из сарая, при этом так хлопнув дверью, что с крыши сползла шапка снега. Пусть делает что хочет! Отрубит себе ногу, вывихнет руку или заработает инфаркт... Не ее вина, что их накрыл этот снежный коллапс. Ей нужно просто не обращать внимания на его дурное настроение. Мир между ними сейчас невозможен, разве что они станут избегать друг друга. Возможно, это было худшее из того, что могло случиться с ними – и то, что их вместе занесло снегом, и то, что они целиком и полностью, в одном доме, были вынуждены терпеть друг друга, к тому же еще дрожа от холода и испытывая нарастающий голод.

Барбара на секунду остановилась в вихре метели на узенькой тропинке, которую они расчистили совместными усилиями. Ей было еще жарко – от работы и от ярости. Она взглянула на дом. Массивные стены из темных, неправильной формы известняковых глыб. Обрамленные белым деревом стрельчатые окна создавали впечатление милого, уютного жилища. Между двумя окнами на втором этаже Барбара обнаружила остатки деревянной решетки – очевидно, шпалеры для дикого винограда. В былые времена дом – или по меньшей мере его тыльная сторона – зарос им до самой крыши. Здесь, за домом, был большой сад. Барбара вспомнила, что накануне в сумеречном свете видела каменную стену, которая теперь полностью исчезла под снегом.

Внезапно перед ее глазами возникла картина теплого летнего вечера; дети, играющие в саду между фруктовыми деревьями, молодая женщина, сидящая на стене и теребящая пальцами растущий между камнями мох... Она сидела с закрытыми глазами и наслаждалась легким дуновением теплого ветра, ласкающего ее лицо. Дом был полон голосов и жизни, и не существовало больше молчания и одиночества старой женщины, которая была слишком алчна, чтобы, уезжая, оставлять какие-то запасы, и которую никто не ждал, когда она возвращалась. Дом имел свою историю, и Барбара была уверена, что когда-то эта история выглядела более привлекательно, чем сегодня.

«Или, возможно, даже местами еще хуже», – пробормотала она.

Картина летнего вечера исчезла. Опять шел снег, тяжелые темные облака низко висели над бесконечными снежными полями. 24 декабря. А они застряли здесь, у них почти нет еды, и Ральф оказался в критической ситуации, потому что не умеет рубить дрова и, похоже, чувствует свою бесполезность как мужчина. У него было такое страдальческое выражение лица...

Барбара покачала головой, словно могла таким образом освободиться от этой картины.

«Счастливого Рождества», – подумала она.

Среда, 25 декабря 1996 года

«...многочисленные поселки и отдельные усадьбы полностью отрезаны от внешнего мира», – объявил диктор равнодушным голосом, завершая передачу новостей. Лора, сидевшая за завтраком перед тарелкой с яичницей-глазуньей, к которой она так и не притронулась, встала и выключила радио, как только раздались первые звуки песни «Тихая ночь, святая ночь». Ей было не до Рождества. Ее мучило серьезное беспокойство.

На сей раз она была почти благодарна своей сестре Марджори за ее чрезвычайно прагматичный подход к жизни. В маленькой квартире мало что указывало на то, что сегодня 25 декабря. На подоконнике стояла обгоревшая наполовину свеча в форме рождественской елки; рядом, на картонной тарелке, лежало рождественское печенье, которое испекла и привезла с собой Лора. Не было никаких праздничных украшений.

«Это стоит денег, – любила говорить Марджори. – И для чего мне нужно тратить силы и устраивать здесь эту ярмарку с шарами и еловыми ветками? Только для того, чтобы через пару недель все это снова убрать? И мир от этого не станет лучше!»

В предыдущие годы Лора всегда огорчалась из-за таких взглядов своей сестры, не находя при этом ни одного убедительного контраргумента. При разумном подходе Марджори была права: рождественские украшения стоили приличных денег, требовали определенных усилий и ничего не меняли в общем удручающем состоянии мира. Но они на некоторое время приносили немного блеска и тепла, а это, как считала Лора, иногда просто необходимо, чтобы обрести силы для повседневной жизни.

Она знала, что у Марджори еще в ранней юности сформировался этот строгий, жесткий характер, а в дальнейшем к нему еще добавилось постоянное брюзжание. Она была младшей из сестер, но рядом с большеглазой робкой Лорой всегда казалась старшей. Лора отдавала должное Марджори, когда та длительное время ухаживала за их отцом, вплоть до самой его смерти, что совершенно выбило ее из сил. После этого она гнала прочь любого мужчину, который отваживался к ней приблизиться, а на это и без того решались лишь немногие. Потом переехала в этот ужасный многоквартирный дом недалеко от Чатема, в котором живет уже 30 лет и унылость которого даже самого жизнерадостного человека постепенно довела бы до депрессии. Лора никогда не понимала, почему Марджори приняла решение в пользу этого страшного серого бетонного монстра. В Кенте было так много милых деревушек, в которых сестра могла бы снять небольшой коттедж и жить вполне комфортно. Но поскольку во всех ее решениях главенствующую роль всегда играли только практические соображения, она выбрала себе этот «муравейник», который, как отвратительный гнойник, уродовал окружающий ландшафт, прежде всего потому, что располагался в нескольких минутах от фирмы, на которой она до недавних пор работала. Это была небольшая фабрика по производству картонных тарелок, стаканчиков и бумажных салфеток.

В квартире было три комнаты, кухня, ванная и небольшой балкон, выходивший на север, куда никогда не заглядывало солнце. Лору не удивляло, что Марджори все больше впадала в уныние. У большинства людей, которые встречались ей на лестничной клетке, были угрюмые лица.

Но сейчас Лора была слишком занята своими заботами и проблемами, чтобы предаваться размышлениям о Марджори. Со вчерашнего дня она, как замороженная, следила за всеми новостями, передаваемыми по радио и телевидению. Снежный коллапс в Северной Англии везде был главной темой. По телевидению показывали снимки, сделанные с вертолетов: создавалось впечатление, что они приземлялись где-то на Северном полюсе. Бесконечные снежные пространства с одинокими темными точками – домами и деревьями.

Лора, которая с колотящимся сердцем, не отрываясь, следила за этим, задавалась вопросом, что являлось причиной этого ощущения угрозы, которое постоянно в ней росло? Она чувствовала себя негодяйкой, в минуту опасности бросившей на произвол судьбы самое дорогое. Уэстхилл. Что может случиться с домом? Уже больше ста лет стоял он в целостности и сохранности и вынес все, что приносили с собой большие и малые катастрофы. А может быть, она видела опасность не для *дома*? Возможно, опасность грозила людям, которые сейчас там находились? Эта молодая женщина с холодными пытливыми глазами...

Лора глубоко вздохнула, пытаясь припомнить последние снежные коллапсы, происшедшие у них на севере. Их было несколько. Самый ужасный случился вскоре после войны, в 1947 году. Тогда Аделина, прежняя экономка, была уже тяжело больна, и ей постоянно требовались обезболивающие медикаменты. Фрэнсис боялась, что закончатся содержащие морфин препараты, прежде чем растает снег и врач опять сможет к ним добраться. Но снегопад вовремя прекратился, и стали работать снегоуборочные машины, которые расчистили дорогу до фермы. Это был первый и единственный раз, когда Лора видела Фрэнсис в таком нервном состоянии.

– На мой взгляд, современные дети слишком избалованы, – с недовольством сказала Марджори, незаметно вошедшая в кухню. На ней был старый изношенный халат синего цвета, который носила еще их мать, и потертые меховые тапочки на ногах. Волосы были еще не расчесаны. Она выглядела старше своих шестидесяти семи лет. Кожа вокруг рта была дряблой и морщинистой.

Лора, погруженная в свои воспоминания, вздрогнула.

– Что ты имеешь в виду?

– Мальчишке из квартиры надо мной, очевидно, подарили на Рождество велосипед, – объяснила Марджори. – Он катается на нем внизу возле дома. Велосипед со всеми прибабасами. Для молодых людей все должно быть самым лучшим! При этом отец не работает, и вся семья живет на пособие... – Она подошла к окну и посмотрела вниз, чтобы еще раз увидеть всю непостижимость происходящего. С неприязнью наблюдая за мальчиком, поняла, что худощавый, с важным выражением лица подросток действительно счастлив.

– В Йоркшире, похоже, действительно все серьезно, – сказала Лора подавленно. – Этот снегопад...

– Здесь редко бывает снег, – возразила Марджори, все еще глядя вниз. – Скоро начнется дождь.

– Может быть, нам тогда пойти прогуляться? Немного размяться...

– Ты можешь пойти, если хочешь. У меня нет желания. – Марджори отвернулась от окна, подошла к столу и тяжело опустилась на стул. Потом, без какого-либо перехода, продолжила: – Н-да, они перевернут тебе весь дом, эти твои постояльцы. Надеюсь, ты хорошо спрятала свои любовные письма! – Она злобно рассмеялась, зная, что Лора никогда в жизни не получила ни одного любовного письма.

Лора побледнела.

– Думаешь, они действительно будут шарить по дому?

Марджори взяла чайник, налила себе чаю и, обнаружив, что он остыл, скривила лицо.

– Понятия не имею. Но что им еще делать?

– Это невероятно, – воскликнула Барбара. Она сидела за небольшим секретером в гостиной с пачкой бумаг на коленях, которые только что вынула из ящика. – С тысяча девятьсот восемьдесят шестого года Лора Селли постепенно продавала этому несимпатичному Фернану Ли большие участки земли, входившие в состав фермы Уэстхилл. И что меня поражает – за смехотворные деньги!

Ральф как раз вошел в комнату с раскрасневшимися от холода щеками и в испачканной одежде. Он выглядел совершенно выдохшимся и обессиленным.

– Ты находишь это приличным – рыться в документах, которые тебя совершенно не касаются? Я считаю, ты...

– Нам нужна бумага, – перебила его Барбара, – так как иначе мы не зажжем огонь. Я искала повсюду, Ральф, и нашла одну-единственную старую газету. Журналов с телепрограммами не осталось, а книги мы, разумеется, жечь не можем. Я подумала, что, может быть, в секретере найду что-нибудь, что можно было бы использовать для растопки... Но, конечно, не эти договоры купли-продажи.

Она убрала документы назад в ящик и встала. В комнате царил ледяной холод. На Барбаре было два свитера и носки из овечьей шерсти, но она все равно мерзла. Кроме того, ее одолевало мучительное чувство голода. Накануне, в сочельник, они доели оставшиеся спагетти. Каждому досталось по небольшой порции, которая лишь ненадолго смогла утолить дикий голод. Единственным отградным явлением в этот вечер стали полбутылки бренди, стоявшие в самом дальнем углу шкафа в столовой и, похоже, представлявшие собой весь скудный запас алкоголя отъявленной противницы спиртного Лоры Селли. Бренди немного согрел их и придал вечеру по меньшей мере подобие праздничной атмосферы.

Наутро следующего дня каждый довольствовался куском хлеба, половиной сваренного вкрутую яйца и небольшим количеством сыра. Они решили выдержать день без еды, а вечером сварить четыре картофелины и позволить себе еще немного сыра. Но уже сейчас Барбара чувствовала себя совершенно обессилившей от голода.

Ральф, стянув с рук перчатки, сказал:

– Я нарубил еще немного дров. Так постепенно обрету навык. Кстати, опять пошел снег! Барбара посмотрела в окно, за которым в вихре кружились хлопья снега.

– О нет! Я даже не заметила...

Когда они встали в девять часов утра – при этом никто из них не торопился вылезти из постели, чтобы съесть скудный завтрак, – их взорам открылась картина потрясающей красоты. На небе не было ни облачка. Своей холодной арктической синевой, высоким и бескрайним сводом небо напоминало огромный шар из цветного стекла. Утреннее солнце озаряло светом беспрестанно искрящуюся снежную пелену, придавая ей еще больше сверкания, блеска и розового сияния. На мгновение Ральф и Барбара забыли об урчащих животах и только молча смотрели в окно, поражаясь увиденным и воспринимая это как вознаграждение за все возникшие трудности.

– Пожалуй, еще раз поднимусь на чердак, – сказал Ральф. – Может быть, мне удастся найти немного древесной стружки... Нам бы это очень помогло.

– Она, наверное, очень педантичная хозяйка, – сказала Барбара, – одна из тех, кто регулярно наводит порядок. На чердаке только четыре картонные коробки и та самая газета. Хотела бы я, чтобы в моем кабинете когда-нибудь был такой же порядок, как здесь в кладовых!..

– У нас уже было достаточно обломов, – пробормотал Ральф. – Бог мой, как я мечтаю о нормальном отоплении!

– Тебе надо сейчас немного отдохнуть, – предложила Барбара. – Почему бы тебе не найти какую-нибудь книгу и не лечь с ней в постель? Мы пока ничего не можем поделать.

Ральф кивнул и повернулся к двери.

– Обещай мне, что не будешь рыться в ящиках. Это просто неприлично.

– Здесь все равно нет ничего, что могло бы вызывать хоть какой-то интерес, – ответила Барбара, закрывая крышку секретера. На ее взгляд, Ральф уж слишком носится с угрызениями совести, но ей не хотелось делать это предметом принципиальных дебатов. У нее вообще не было больше желания говорить с ним об их проблемах; притом что именно это должно было стать целью их поездки.

Было уже темно, когда Барбара отправилась в сарай. Ей нужны были дрова для кухонной плиты, чтобы сварить четыре смешные картофелины на ужин. От дров, которые Ральф принес днем, уже ничего не осталось, потому что Барбара после обеда использовала их для растопки камина в столовой. Она сидела почти вплотную к огню, что-то читала и даже позволила себе немного бренди. Помещение быстро нагревалось, и на фоне картины падающего снега по ту сторону окна и медленно спускающихся сумерек Барбара испытывала чувство настоящего комфорта. В какой-то момент она пошла наверх, чтобы посмотреть, как там Ральф, и нашла его крепко спящим в своей постели. В свете свечи некоторое время смотрела на его такое знакомое лицо. Он глубоко и равномерно дышал. Было в нем что-то трогательное, как бывает при виде упавшего дерева, и сам он казался необычайно ранимым. Барбара с трудом преодолела искушение наклониться и погладить его по голове. Возможно, его это разбудило бы. Ничего не произойдет, если он встанет к ужину позднее.

Барбара тихо вышла из комнаты, спустилась вниз и надела сапоги и пальто, снаряжаясь в путь к сараю. Дом скрипел и стонал – с наступлением темноты буря вновь усилилась, и ветер, завывая, стучал в окна и стены. Барбара нашла в подвале фонарь для свечи в виде старомодной керосиновой лампы. Она закрепила в нем свечу, надеясь, что буря ее не загасит. На всякий случай положила в карман пальто коробок спичек.

Сначала порывом ветра у нее из руки вырвало входную дверь, а потом она чуть было не выронила фонарь. Плотные колючие хлопья снега били ей в лицо. Дорожку, которую они с Ральфом расчистили с таким трудом, еще можно было различить, но даже здесь Барбара проваливалась в снег почти по колено. Опустив голову вниз, она пробиралась вперед. Фонарь сильно раскачивало в разные стороны. Свеча сначала мерцала, а потом погасла, но Барбара этого не замечала, потому что ее глаза были закрыты и она передвигалась на ощупь. Дошла до двери сарая, распахнула ее и глубоко вздохнула, когда наконец оказалась под защитой стен. Ее пальто было все в снегу, и волосы, наверное, тоже. Она достала спички и снова зажгла свечу. Причудливые тени плясали на каменных стенах; по полу испуганно прошмыгнула мышь и исчезла за грудой садовых инструментов. Взгляд Барбары упал на большую плетеную корзину, стоящую в углу. Ей показалось хорошей идеей использовать ее для транспортировки дров. Благодаря корзине она могла бы принести в дом значительно больше поленьев. Барбара поставила фонарь и стала укладывать дрова в корзину. Они были разного размера и все усыпаны щепками. Ральф и в самом деле постарался как следует, судя по внушительным запасам нарубленного. Барбара складывала в корзину только те поленья, которые там помещались. Потом она стала оглядывать сарай в поисках какой-нибудь крышки или брезента, чтобы накрыть корзину, иначе дрова тут же промокнут и будут плохо гореть. Наконец увидела старое шерстяное одеяло, которое было сложено и лежало на полке в самом дальнем углу сарая.

Барбара осторожно маневрировала между бревнами, разного рода хламом и садовыми инструментами. Сарай был единственным местом, на которое не распространялась любовь Лоры к порядку. Наверное, она редко сюда заходила. Старая хрупкая женщина явно не колола дрова для своих каминов самостоятельно, и, разумеется, ей было не под силу содержать в порядке большой сад. Возможно, ей помогал за небольшое вознаграждение какой-нибудь парень из Дейл-Ли.

Барбара зацепилась ногой за гвоздь, торчавший из стены, и услышала звук разорвавшейся ткани на джинсах. Тихо выругалась, сделала шаг в сторону – и пол под ее левой ногой проломился. Она потеряла равновесие и упала вперед, сильно ударившись подбородком о край стола и расцарапав щеку о латунные прутья стоящей на столе сломанной клетки для хомяков. От боли и испуга Барбара вскрикнула и на некоторое время замерла, потом подняла руку и осторожно ощупала челюсть. Похоже, зуб остался цел и обошлось без переломов, но огромная гематома ей была гарантирована.

«Черт подери!» – выругалась Барбара, поднимаясь на ноги. Повернулась и увидела в полу отверстие, из-за которого упала.

Она поняла, что сломалась одна из продольных половиц – дерево сгнило. Но, кроме этого, она обнаружила, что на этом месте две доски лежали не так, как остальной пол – на твердой глине, – а покрывали выемку глубиной примерно сантиметров десять. Поэтому они не смогли выдержать вес Барбары. То, что здесь до сих пор никто не провалился, объяснялось лишь тем, что доски подгнили совсем недавно и что вообще кто-либо очень редко входил в этот сарай и еще реже рылся в его дальнем углу.

«Ну, конечно, я идиотка, которая стала первой, с кем это случилось», – пробормотала Барбара.

Пытаясь понять, случайно ли возникло это углубление или кто-то сделал его намеренно, она ощупала рукой отверстие. Без фонаря, который остался в передней части сарая, ей едва удавалось хоть что-то разглядеть. Барбара насторожилась, когда ее пальцы наткнулись на какой-то предмет. Что-то твердое и холодное... Она вытащила находку, и в ее руке оказался стальной ящичек. Когда Барбара его открыла, то увидела толстую пачку листов, белых машинописных листов с убогим текстом, примерно страниц четыреста.

Барбара сидела за кухонным столом и читала, когда Ральф спустился вниз. Она не слышала его шагов и вздрогнула, когда он неожиданно появился на кухне.

– Это ты? – Барбара встала, подошла к плите и приподняла крышку кастрюли, которая на ней стояла. – Картошка почти готова. Еще пять минут.

Ральф посмотрел на нее и наморщил лоб.

– Что с твоим лицом?

Она коснулась подбородка, но Ральф покачал головой:

– Нет, выше. На правой щеке.

Рана оказалась более серьезной, чем она думала. Барбара нащупала пальцами запекшуюся кровь.

– О! – воскликнула она.

Ральф провел рукой по своим растрепанным волосам. Его серая щетина еще больше отросла. Похоже, что сон его не освежил. Он казался невыспавшимся и явно пребывал в дурном настроении.

– Ходила за дровами и упала в сарае, – объяснила Барбара. – Мой подбородок самое позднее завтра будет сиять всеми цветами радуги. Буду выглядеть как бедная миссис Ли!

Ральф сел за стол и недоуменно посмотрел на пачку листов.

– Что это?

– Это как раз то, обо что я в буквальном смысле слова споткнулась... Ральф, это совершенно потрясающе. В высшей степени захватывающая рукопись. Она была спрятана в сарае под двумя половыми досками в стальном ящичке. Автобиографический роман Фрэнсис Грей. Женщины, которой принадлежал...

– Я знаю. Что значит – автобиографический роман? Дневник?

– Нет. Это действительно написано в форме романа. История жизни Фрэнсис Грей или по меньшей мере ее часть. Она пишет о себе в третьем лице.

– Ты это читала?

– Да. По диагонали. Но хочу прочесть все, от начала до конца.

– Но ты не должна этого делать! Эта... рукопись, или как она там называется... тебе не принадлежит!

– Ральф, женщины, которая это написала, уже нет в живых. И она не уничтожила рукопись перед смертью. Значит...

– Но она его явно основательно спрятала. Я действительно считаю, что ты не имеешь права его читать.

Барбара села за стол, аккуратно сложила разбросанные страницы.

– Я это прочту, – сказала она, – осудишь ты меня за это или нет. Я прочту эту рукопись, потому что я ее нашла и потому что она меня очень заинтересовала. Я не ждала, что ты отнесешься к этому с пониманием. Тебе нет никакого дела до людей вокруг тебя, и поэтому ты не стремишься узнать хоть что-то об истории этого старого дома.

В ответ она услышала короткий и ироничный смех.

– О, опять перед нами предстает блистательный адвокат по уголовным делам в своей лучшей форме! Всегда переходить из позиции виновного в контрнаступление – ведь это твой девиз. Твоему недалекому, ужасно скучному мужу, конечно, нет дела до людей вокруг него. В полную противоположность его отзывчивой, деятельной жене. Ты знаешь, как можно было бы назвать твои действия, Барбара? Любопытство и бестактность. Это те определения, которые тебе наверняка не понравятся, но они точно характеризуют именно то, что ты собой представляешь!

Его голос звучал резко. Сказанные им слова были жесткими, он это знал, но хотел задеть Барбару и впервые с момента их знакомства уступил своему желанию, изменив своей традиционной манере вежливого и предупредительного общения, благодаря которой острота его фраз всегда сглаживалась. После того как чувство голода и борьба с неблагоприятными обстоятельствами в течение двух последних дней вымотали его, испытываемое им раздражение из-за всей этой дурацкой ситуации, в которую они попали, все больше росло, и он начал чувствовать сильную агрессию в отношении Барбары. Она, как и он, не могла повлиять на ситуацию, но ему была необходима отдушина за эти два дня и главным образом за прошедшие годы, в течение которых очень многое осталось невысказанным, и многие свои желания и потребности, как ему казалось, он откладывал на потом. История с найденными мемуарами привела его в ярость, потому что она была очень типична для Барбары. Этим неукротимым интересом ко всему и к каждому объяснялось ее равнодушие к *нему* и к *его* делам. Ведь мир был таким пестрым, интересным и полным разных судеб и историй! Зачем ей еще нужен рядом муж?

Она вздрогнула от его слов, но взяла себя в руки.

– Я не совсем понимаю, почему ты так разошелся. Если ты называешь себя недалеким и скучным, то это твоя проблема. Я тебя никогда таким не воспринимала.

– Вероятно, ты уже несколько лет вообще меня не воспринимаешь. Если ты честный человек, то должна согласиться, что я представляю собой самую неинтересную часть твоей жизни. Возможно, я тебе не особенно мешаю. Я просто относительно безразличен тебе.

– Прежде чем ты погрязнешь в жалости к самому себе, может быть, все же вспомнишь, что именно я организовала эту поездку, чтобы у нас наконец появилось время поговорить? Разве это похоже на равнодушие?

Ральф сделал движение головой в сторону пачки листов.

– Мне кажется, что ты хочешь читать, а не говорить, – возразил он упрямо.

– Черт подери! – В ее глазах блеснул гнев. – Прекрати вести себя как ребенок, Ральф! Если ты хочешь поговорить – давай. Одно с другим не связано!

– Нет, связано. *Все* между собой связано, – ответил он неожиданно уставшим голосом, несмотря на несколько часов сна. – Барбара, будешь ли ты читать этот дневник...

– Это не дневник!

– Будешь ли ты читать этот дневник или нет, в конечном счете не имеет значения. Я нахожу это неправильным, но ты сама себе хозяйка и должна отдавать себе отчет в том, что делаешь. То, что меня действительно раздражает в этой истории, так это то, что и здесь опять проявился этот твой характер, твое привычное «привет, это Барбара, где бы найти и испытать что-то новенькое, волнующее и увлекательное?». Именитый адвокат с несомненным чутьем

сенсационных дел. Светская львица в супершикарных шмотках, которая порхает с кинопремьеры на вручение премии или на вернисаж, а оттуда – в очередной ресторан. Женщина, которая состоит в дружеских отношениях с самыми известными журналистами страны и постоянно жаждет информации из первоисточника. И иногда совершенно забывает, что в жизни есть нечто более важное.

– Ральф, я...

– Знаешь, ты вот такая, как сидишь сейчас здесь, нравишься мне в сто раз больше, чем когда, разодетая в пух и прах, несешься на какое-нибудь мероприятие. А теперь твои волосы растрепаны ветром, и, кроме кровавой царапины на щеке, у тебя еще испачкан сажей нос, и... Нет! – Он взял ее за руку, которой она невольно попыталась вытереть нос, и крепко сжал ее. – Оставь как есть. Я боюсь, что мне не скоро вновь придется увидеть нечто подобное.

– Я тоже надеюсь, что за оставшуюся жизнь мне не придется копошиться в дровяных печах, чтобы практически из воздуха состряпать мало-мальски годную к употреблению еду... О, черт возьми! Картошка! – Она вскочила, сняла кастрюлю с плиты, подняла крышку и заглянула внутрь. – Совсем разварилась... – Почувствовала на себе его взгляд и быстро повернулась к нему. Из его глаз исчез весь гнев. – Ах, Ральф!.. Ты, наверное, мечтал совсем о другом, не так ли?

– Когда мы познакомились, ты тоже была другой.

– Я была...

– ...не так красива, как сейчас, не так стройна, но я чувствовал твою теплоту, которая за это время где-то затерялась.

– Не хочу говорить о прошлом, – коротко сказала Барбара. Когда он заговаривал об этом, у нее начинала болеть голова.

– Я тоже не хочу говорить о прошлом, – согласился Ральф. – Я только хотел сказать... что иногда чувствую, что остался один наедине со своими желаниями. Порою я мечтаю о женщине, которая ждет меня, когда я возвращаюсь домой. Которая хочет знать, как прошел мой день, и которая слышит меня, если я жалуясь, что пережил стресс, или которая время от времени признается мне, что восторгается мною, когда я рассказываю ей о каком-нибудь наиболее сложном деле, по поводу которого мне в голову пришла блестящая идея – как в нем выиграть... – Он на секунду замолчал. – То же самое я хотел бы делать и для тебя – во всяком случае, надеюсь, что это действительно то, что я хочу. Что за моей подавленностью на самом деле не кроется моя неспособность справиться с твоим успехом и твоей популярностью.

Это было его постоянное стремление быть честным с самим собой, что Барбара ценила в нем больше всего. Он никогда не пытался спрятаться от правды.

– Ты не менее успешен, чем я, – парировала она, – просто занимаешься другими делами. И тебе известно, каким ты пользуешься уважением!

– А ты – любовью и известностью.

Барбара опять села за стол, оставив плавать в воде стоявший на плите разваренный картофель.

– Ральф, это был мой выбор после окончания учебы. Ты мог бы принять точно такое же решение, поэтому я ничем не лучше тебя. Каждый из нас ориентировался по своим предпочтениям. И ты критиковал меня за мой выбор значительно чаще, чем я тебя за твой. А если быть более точной, то я тебя вообще никогда за это не осуждала.

– Я всегда считал, что ты слишком квалифицированный юрист, чтобы твое имя трепали в заголовках дешевых бульварных газет.

– Но это ведь лишь отдельный аспект, а не решающий аргумент. Важно то, что моя работа доставляет мне огромное удовольствие. Я люблю людей. Мне нравится с ними разговаривать, проникать в глубину их души. Мне это необходимо. Например, дело Корнблюма, которое я выиграла на прошлой неделе. Конечно, у меня есть амбиции и стремление выиграть процесс,

как и у любого адвоката, в том числе и у тебя. Но что меня подстегивает прежде всего, так это понимание того, с каким типом людей я имею дело. Какова его жизнь и какой она была раньше. Что привело его к тому, что он оказался в таком положении, когда ему потребовался адвокат, в частности я. Корнблум никогда не выезжал за пределы городка, в котором служил бургомистром. Он был хорошим мальчиком, который там многого добился. Им очень гордились. Но у него самого были огромные проблемы. Он мечтал подняться еще выше, однако при этом понимал, что у него для этого не тот формат. Что он всегда останется величиной местного значения, будет проводить вечера в кругу членов стрелкового клуба, кроликозаводчиков и участников карнавального сообщества. Ему нужны были их голоса, но он их всех ненавидел. Тот факт, что у него была связь с проституткой из франкфуртского квартала «красных фонарей», на мой взгляд, в наименьшей степени как-то связан с сексуальными желаниями. Эта девушка была его отдушиной. Она придавала остроту его, как ему казалось, убогой жизни. Давала силы, позволявшие вновь, день за днем, заискивать перед добропорядочными бюргерами в родном городе. Давала уверенность в том, что он другой, что он всего лишь играет в какую-то игру... – Барбара замолчала; ее бледные щеки покраснелись. – Ты понимаешь?

С одной стороны, Ральф понимал, с другой – нет. Что значит для нее это постоянное погружение в чужие судьбы? Он не мог понять, почему вызывало такой протест все, чего он так страстно желал.

– Мне кажется, что ты слишком раздуваешь эту историю, – сказал Ральф. – Ведь Корнблум – это мелкий бюргер с некими противоестественными пристрастиями, которые его жена не может или не хочет удовлетворить. Поэтому он бежит к проститутке и в один прекрасный момент терпит фиаско, когда ту однажды ночью расчлняет какой-то клиент, и Корнблум сначала попадает под подозрение, а потом и в заголовки газет. Его политическая карьера и брак рушатся. Вот и всё.

– За этим стоит целая история жизни.

Он посмотрел на нее – и неожиданно сказал:

– Я хочу, чтобы у нас были дети, пока не поздно.

Барбара провела обеими руками по лицу, и в этом ее жесте сквозили беспомощность и смирение.

– Я знаю, – ответила она, вздохнув.

Четверг, 26 декабря 1996 года

Лора проснулась в шесть часов утра и сразу поняла, что уже больше не заснет. Дождь громко барабанил по стеклам окон. На некоторое время она задумалась, не следует ли ей встать и сделать чай, чтобы хоть немного вернуть себе душевный покой, но потом решила, что это может разбудить Марджори. Ей не хотелось уже сейчас увидеть недовольное лицо своей сестры и услышать брюзжание в свой адрес. Она осталась в постели и, вздохнув, повернулась на другой бок.

Затем вспомнила, что ей приснилась Фрэнсис, хотя не могла сказать, что именно видела во сне. И как всегда, когда речь шла о Фрэнсис, у нее осталось неопределенное чувство печали и обиды. Лора не могла думать о Фрэнсис без того, чтобы эти мысли не сопровождались раздражением. Раздражением и тоской. У нее никогда не исчезнет желание вернуть те годы, которые они прожили вместе, и никогда она не освободится от того тлеющего у нее глубоко внутри гнева, с которым Лора вспоминала о своей безнадежной заботе о Фрэнсис и о ее холодной реакции на нее. Она всеми силами добивалась признания, расположения, любви и что-то из этого получала, но ей всегда недоставало той самой толики, которая причиняла боль. Фрэнсис приближалась к ней, чтобы потом в какой-то момент внезапно остановиться и дальше не двинуться с места. Настоящей дружбы она не допускала. И уж тем более не хотела брать на себя роль матери, о чем Лора так страстно мечтала. В конце концов, она была работодателем, а Лора – всего лишь служащей.

В один прекрасный момент Лора поняла, что ничего не сможет изменить, и тем больше стала добиваться того, чтобы стать незаменимой. У Фрэнсис никогда не должно быть никаких оснований, чтобы уволить ее. Она этого и не сделала, но и фраза «никто не может сделать это лучше тебя, Лора» ни разу не слетела с ее губ. Лора могла делать все, что хотела, но не получала то, о чем так сильно мечтала.

Ей вдруг вспомнился случай из поздних семидесятых. Тихий, холодный, туманный ноябрьский день. Она работала в саду в Уэстхилле: вырезала кусты роз и укрывала растения еловыми ветками от будущих морозных ночей. Изо рта шел пар, но она разогрелась от работы, и щеки ее горели. Лора любила сад, неустанно ухаживала за ним, содержала его в идеальном порядке и знала, что может гордиться результатами.

В тот день она настолько погрузилась в работу, что даже не слышала, как подошла Фрэнсис. Лора испугалась, когда за спиной раздался ее голос.

– Даже в ноябре сад еще красив, – сказала Фрэнсис, оглядывая сад острым орлиным взглядом голубых глаз. – И так ухожен!..

Лора выпрямилась, подавив стон из-за тянущей боли в спине.

– Н-да, – сказала она скромно, хотя от гордости и счастья кровь прилила к ее щекам.

– Но он никогда не будет таким, каким был в то время, когда еще была жива моя мать, – продолжила Фрэнсис. – У нее было особое отношение к растениям. Она с ними даже разговаривала – на своем ужасном дублинском диалекте, который никто из нас не понимал. Иногда казалось, что ей достаточно всего лишь суметь уговорить какой-нибудь цветок, и он уже начал цвести. Ее сад славился своей красотой на всю округу.

Радость погасла. Лора была уничтожена, словно кто-то пнул ее ногой. После этого в ее душе осталась глубокая рана.

«Почему ты никогда не была по-настоящему тактичной? – больше всего хотелось прокричать Лоре. – Почему я никогда не могу тебе угодить? Почему ты никогда не замечаешь, что причиняешь мне боль?»

Она что-то пробормотала и быстро отвернулась, чтобы Фрэнсис не увидела слезы в ее глазах. Это было нетрудно – скрыть печаль от Фрэнсис: она редко понимала, если кому-то было плохо.

Та рана не затянулась до сих пор... Лора встала, взяла халат и подошла к окну. Внизу горели уличные фонари, в свете которых было видно, как моросит дождь. Пол был холодным, и Лора подогнула пальцы ног.

Неожиданно вспомнила, что в тот же день к ним приходила Лилиан Ли из Дейлвью. Она просто вбежала в кухню, где Фрэнсис и Лора сидели за ужином. Фрэнсис никогда не запирала входную дверь, и Лора считала, что она поступает легкомысленно. Лицо Лилиан было белым как мел. Она прижимала ко рту носовой платок, перепачканный кровью, и истерично рыдала. Ее губа распухла, а во рту отсутствовал один зуб. Как выяснилось, это было дело рук Фернана, которому она возразила по поводу какой-то мелочи.

– И так каждый раз, – всхлипывала Лилиан, – каждый раз... Если случается то, что ему не нравится, он полностью теряет самообладание!

– Боже мой, почему вы ему это позволяете? – спросила Фрэнсис с удивлением, в то время как Лора обрабатывала рану Лилиан чистой влажной салфеткой.

– Как же я могу этому помешать, – рыдала Лилиан, – ведь он в десять раз сильнее меня!

– На худой конец вы можете хотя бы развестись и уйти от него, – предложила Фрэнсис. – И еще при этом, конечно, получите хорошую долю.

– Я не могу от него уйти, – прошептала Лилиан.

– Почему?

– Я люблю его.

Фрэнсис потеряла дар речи, а Лора подумала, что *она* как раз может это понять. Для Фрэнсис подобные вещи были ясны и бесхитростны. Она никогда не стала бы разбираться в сложной структуре душевной зависимости, потому что всегда относилась к таким вещам с пренебрежением.

Лора была потрясена, услышав о Фернана такие страшные новости. Он вырос на ее глазах, она готовила ему его любимую еду, если он приходил к ним в гости, давала ему с собой пирог, когда он после каникул возвращался в интернат. Она любила его; он был частью ее маленького мира, в котором она всегда старалась сохранять покой. Когда Фернан вырос, он стал настолько привлекательным, что у Лоры временами возникало волнующее чувство, которое она в себе немедленно подавляла. Она была на шестнадцать лет старше его, незаметная серая мышка. Для Фернана она была всего лишь милой, заботливой Лорой, которая все еще готовит ему вкусняшки. И она никогда не станет для него чем-то большим. Как и он для нее навсегда останется лишь приветливым мальчиком, а позже доброжелательным мужчиной из соседней деревни...

В тот день Фернан показал свое второе лицо, о котором Лора не имела понятия. Было ощущение, будто в идиллию воткнули ядовитую иглу – или в олицетворение идиллии, за которое Лора так упорно держалась.

До сих пор, подумала она, до сих пор...

Лора ощутила, как ее пронизал ледяной холод, пока она стояла у окна и всматривалась в дождь. Она все же делает себе чай, разбудит это Марджори или нет. Прекрасный горячий чай. Единственное средство от дрожи, которую вызвали воспоминания...

Была половина седьмого утра, и Барбара проснулась от чувства голода. Накануне она так и уснула с ощущением пустоты в желудке. Ей приснилось, будто она заблудилась в большом вымершем городе. Бродила между бесконечно длинными рядами домов, но нигде за черными мертвыми стеклами окон не обнаружила свет, не увидела ни одного человека, не услышала ни одного голоса. Высоко над собой, между крышами небоскребов, она разглядела узкую полосу

серого, неподвижного, холодного неба. Ее мучило болезненное ощущение одиночества, но еще тяжелее было чувство голода. В том, что она оказалась совершенно одна, было что-то нереальное; голод же был реальным и ощутимым. В ее желудке постоянно возникали спазмы, и ее стала постепенно охватывать паника из-за ощущения, что она больше никогда не получит еды.

Когда Барбара проснулась, она некоторое время с облегчением осознавала, что это был всего лишь сон, но потом почувствовала боль в желудке и поняла, что сон – по меньшей мере отчасти – вполне соответствовал реальности. Вместо брошенного города она застряла в снежной пустыне, но хотя бы не была в одиночестве, рядом с ней был Ральф. Однако, несмотря на экономию, их запасы резко шли на убыль, и если ситуация в ближайшее время не изменится, они будут испытывать серьезные затруднения. Барбара подумала о завтраке, который их ожидал, – кофе, каждому по куску хлеба и одно сваренное вкрутую яйцо на двоих, – и вздохнула. За окном завывал ветер, и она видела, что идет снег. Ее кончик носа был ледяным; во всех помещениях, включая кухню и столовую, температура за ночь значительно снизилась. Стены уже давно отдали накопившееся за прошлые недели тепло. Вскоре потребуется пять одеял, чтобы можно было спать.

Барбара подумала, что ждет их в этот второй день рождественских праздников: скудный завтрак, едва годный для того, чтобы успокоить урчащий желудок; растопка камина и поддержание огня; незаменимые лопаты для снега, чтобы снова не занесло проход к сараю. Потом надо принести из сарая в дом дрова, приготовить ужин, которому соответствует поговорка «кот заплакал», помыться холодной водой, стоя при этом в еще более холодной ванне...

Барбара решила оставаться в постели как можно дольше.

Она нащупала лежащие на тумбочке спички и зажгла все восемь свечей на большом медном подсвечнике, который принесла снизу. Рядом с подсвечником лежала та самая рукопись из сарая. Барбара до сих пор так и не смогла приступить к чтению. Они с Ральфом полночи проговорили и в конце концов оба совершенно выбились из сил. Из зеркала на Барбару смотрело заостренное бледное лицо с огромными покрасневшими от усталости глазами. Она упала в постель и через секунду уснула.

Ее не мучили те же угрызения совести, что и Ральфа, но на какой-то момент у нее все же возникло своеобразное чувство, когда она взяла самую верхнюю стопку страниц. Она держала в руках что-то очень личное. Возможно, Фрэнсис Грей порою была очень откровенна в своем описании. С другой стороны, она, Барбара, в этом случае была совершенно нейтральным лицом. Если б Фрэнсис была ее матерью или бабушкой, она, возможно, воздержалась бы от того, чтобы узнать то, что не хочется знать о близких людях. Но ей казалось, будто она имеет дело с биографией клиента, будто изучает процессуальное дело.

Барбара начала читать пролог, который Фрэнсис Грей в 1980 году написала для своих мемуаров.

«Сидя за письменным столом, я смотрю на простирающиеся за окном голые поля верховых болот, над которыми завывает ледяной декабрьский ветер. Небо сплошь затянуто плотными серыми облаками. Говорят, что на Рождество выпадет снег, но вряд ли кто-то знает это наверняка. Здесь, в горах Йоркшира, никто никогда не может сказать, чего ждать. Все живут надеждой...»

Дочитав пролог до конца, она перескочила в 1907 год, когда четырнадцатилетняя Фрэнсис Грей была отчаявшейся, сердитой девочкой.

Июнь 1907 года

Она сидела на берегу Свэйла и играла галькой, которой был покрыт пляж. От прозрачной воды шла приятная прохлада, а высокие деревья вокруг создавали тень. По мосту медленно шла старая женщина. Она мельком взглянула на девочку и, тут же отвернувшись, стала тяжело подниматься вверх, в направлении города.

Ричмонд располагался высоко над рекой, и вверх вели крутые, извилистые тропинки. На самой верхней точке возвышался замок, казавшийся мрачным и тяжелым под голубым июньским небом. На улицах всегда было шумно. Слышался цокот лошадиных копыт по булыжным мостовым и грохот каретных колес. Но вниз до реки не доносилось ни единого звука. Здесь было слышно лишь журчание воды, шум ближайших перекатов и пение птиц.

Она наблюдала за ветвями ив, которые свешивались глубоко в воду и, подбрасываемые течением реки, кружились в танце. Она любила Свэйл, любила сидеть на его берегу. Здесь было как дома, на берегу реки Ур. Приходя сюда, она забывала, что находится в Ричмонде. Она могла внушить себе, что находится у себя, в Уэнсли, – если пробежать через луга, то окажешься дома.

В этот день ей не удалось уйти от реальности. Она то и дело смотрела наверх, на замок. И каждый раз у нее на глазах выступали слезы. Слезы ярости, разочарования и печали.

Старая женщина уже давно исчезла, и вдруг она снова увидела на мосту тень: это был Джон. Она встала, расправила юбку и вытерла глаза и нос рукавом белой накрахмаленной блузки, которую носила как школьную форму. Она должна была поскорее взять себя в руки, чтобы Джон Ли не увидел ее зареванной.

Он тоже заметил ее и пошел ей навстречу. Она давно не видела его, и ей показалось, что он стал еще выше и старше. Раньше их разница в возрасте не играла никакой роли. Но теперь этот разрыв стал заметен: Джону было двадцать, и он выглядел как молодой человек; а она в свои четырнадцать лет еще казалась маленькой девочкой.

Она подбежала к нему, и они обнялись. Прижавшись к нему, она не смогла сдержаться и снова расплакалась.

– Фрэнсис, – сказал он, – все не так плохо! Нет никаких причин, чтобы так отчаиваться!

Он чуть отодвинул ее от себя, обеспокоенно посмотрел на нее и смахнул со лба ее растрепанные черные волосы. Она попыталась прекратить плакать, стала сглатывать и давиться.

– Я ведь здесь, – сказал Джон, – теперь все будет в порядке!

Фрэнсис хотела ответить на его улыбку, но почувствовала, что ей это не удастся.

– На сколько ты приехал? – спросила она.

– Увы, только до завтра, – ответил он с сожалением. – В воскресенье вечером я должен снова быть в Дейлвью. Но ведь у тебя тогда тоже начнется новая неделя...

Фрэнсис подняла руку, чтобы снова вытереть слезы, но вовремя опомнилась и достала носовой платок.

– Я знала, что ты приедешь, – сказала она.

– Если я получаю от тебя экстренную телеграмму, то всегда приезжаю, – возразил Джон. – Так что случилось?

– Я ударила одноклассницу теннисной ракеткой по голове. Ручкой теннисной ракетки. Ей пришлось зашивать рану.

– Бог мой! И зачем ты это сделала?

Фрэнсис пожала плечами.

– Для этого ведь должна быть причина, – настаивал Джон.

Фрэнсис смотрела мимо него, на реку.

– Она говорила всякие глупости...

Он вздохнул.

– Опять о твоей матери?

– Да. Она сказала: «Твоя мать – ирландская шлюха». И мне надо было это просто стерпеть?

– Конечно, нет. Но то, что ты ее ударила – тоже не выход. Ты же видишь, в итоге у тебя опять неприятности...

– Пять недель! В течение пяти недель я не смогу ездить на выходные домой! Это больше месяца!

Джон взял ее за руку.

– Пойдем, погуляем немного вдоль берега. Ты должна сначала успокоиться. Один месяц – это не так уж долго.

– Для тебя, может быть, и нет. В школе Эмили Паркер это целая вечность.

– Ты должна прекратить так ненавидеть эту школу, – сказал Джон, отодвигая в сторону ветви дерева, чтобы они могли пройти. – Попытайся же увидеть в ней что-то хорошее. Ты изучаешь много предметов и...

– Да что я там изучаю? Как вести домашнее хозяйство, готовить, вязать... Всякую дрянь! Женственно вести себя! Все это так...

– Это неправда. У вас есть и другие предметы: математика и литература... и ты учишься играть в теннис. Тебе ведь это нравится! – Джон усмехнулся. – Даже если ты потом иногда используешь свою теннисную ракетку в иных целях...

– Я бы больше хотела заниматься верховой ездой, чем играть в теннис. Но здесь я тоже не могу это делать!

– Ты можешь делать это по выходным дома, – быстро сказал он, когда она открыла рот для возражения. – Сейчас ты не можешь ездить домой, но это не будет продолжаться вечно.

Фрэнсис остановилась. В диком кустарнике жасмина рядом с ними жужжали пчелы. Сладко и соблазнительно пахло летом.

– Вики уехала домой, – сказала она.

– Разумеется. Она – образцовая ученица. Не думай об этом.

– Она на два года моложе, но меня постоянно этим попрекают. «Бери пример с твоей младшей сестры, Фрэнсис!» Я не знаю, как это получается, – сказала Фрэнсис и невольно посмотрела вниз, на синюю юбку длиной до щиколотки, белую блузку, в которой едва можно было пошевелить головой – таким высоким и жестким был воротник. – Но Вики даже в этой отвратительной форме выглядит смазливой!

– Ты тоже выглядишь очень симпатичной, – утешил ее Джон.

Фрэнсис знала, что это не так. Такой милой и хорошенькой, как маленькая Виктория, она никогда не была, но между тем никогда себя с ней не сравнивала. За последние полгода она порядочно выросла, при этом была тощей, как жердь от забора, и казалось, что в ее теле не было ничего, что хотя бы приближенно свидетельствовало о пропорциональности. Ее волосы, которые раньше не доставляли ей никаких хлопот, теперь свисали прядями, так что с недавних пор Фрэнсис была вынуждена их подкалывать, считая при этом, что ее голова теперь напоминает яйцо. Она также не любила свои светлые, стального цвета глаза. Цвет глаз Вики напоминал темный янтарь. За такие глаза Фрэнсис отдала бы целое состояние.

– Ты снял комнату здесь, в Ричмонде? – спросила она, чтобы отвлечься от мыслей о своей внешности. Это занятие чрезвычайно удручало ее.

– Да. А ты думала, я буду спать в машине? – Семья Ли относилась к немногим семьям, которые, как было известно Фрэнсис, являлись достаточно состоятельными, чтобы иметь автомобиль.

– Можно я приду к тебе сегодня ночью? – спросила она. – У меня нет никакого желания возвращаться в школу!

– Послушай, так не пойдет, – ответил Джон быстро. – Ты только еще больше осложнишь свое положение. Как ты думаешь, сколько неприятностей у тебя будет *потом*? Не говоря уже, – добавил он, – о проблемах, которые возникнут *у меня*, даже если я всю ночь проведу сидя в кресле.

– Я ведь не скажу, что была у тебя!

– А что ты тогда скажешь? – Он остановился перед ней, взял ее за руки и серьезно посмотрел на нее. – Фрэнсис, послушай меня. Я знаю, ты считаешь эту ситуацию ужасной. Ты чувствуешь себя подавленной, и тебе кажется, что ты словно в тюрьме. И ты человек, который это с трудом выносит. Но тебе необходимо это выдержать. Осталось еще три года. Ты должна стиснуть зубы и сделать это!

Она глубоко вздохнула. Три года представились ей вечностью.

– У меня начинается учеба в университете, – объяснил Джон, – это тоже несладко. Но необходимо.

– Университет! – воскликнула она с горечью в голосе. – Чувствуешь разницу?

– Какую разницу?

– Разницу между мною и тобой. Между мужчинами и женщинами. У тебя все это имеет смысл. Твои школьные годы были тоже не самыми лучшими, но ты знал, для чего все это делаешь. Чтобы потом пойти учиться в университет. Чтобы добиться в жизни лучшего. Чтобы понять свои способности и научиться их правильно применять.

– У тебя так же.

– Нет! – закричала Фрэнсис с негодованием. – Нет, не так! Я должна пройти здесь все! Но зачем? Я не смогу пойти в университет. Вряд ли найдутся университеты, где принимают женщин. Мой отец расвирипел бы, если бы я явилась к нему с такой идеей.

– Но ты все равно найдешь свой путь, – успокоил ее Джон.

Он, казалось, был удивлен. У Фрэнсис создалось впечатление, что он не имел представления, с какими проблемами она столкнулась. Пару раз она делала намеки, но он их не понял. Или не принял всерьез, подумала она с горечью...

– Да, возможно, я найду свой путь, – согласилась Фрэнсис, – но потом будут новые проблемы. Мне станут чинить препятствия в выборе профессии. В конечном счете каждый ждет от меня, что я выйду замуж и рожу кучу детей!

– А ты себе не можешь это представить?

Она отвернулась и пошла дальше, пробормотав:

– Не знаю. Я совсем не знаю, что мне представлять.

Джон шел за ней следом, потом взял за плечо и повернул к себе.

– Я буду рад, если ты через три года после окончания школы вернешься в Дейл-Ли, – сказал он. Его взгляд был наполнен любовью. – Действительно буду очень рад. Пожалуйста, помни об этом.

Это было обещанием будущего, Фрэнсис прочитала это в его глазах. Но она спрашивала себя, почему ей, несмотря на это, не стало ни капли легче.

Май 1910 года

Никто не мог припомнить такой жаркий май, как в 1910 году. На юге Англии, как писали газеты, жара была почти невыносимой, и особенно страдали и жаловались жители Лондона. На улицах выставлялись бочки с водой, чтобы прохожие могли освежиться. Сезон отпусков еще не начался, но состоятельные люди уже сбежали в свои загородные имения.

В Йоркшире всегда было прохладнее, чем в южных графствах, но этот май даже там отличался необычно жаркой и сухой погодой. День за днем солнце палило с безоблачного голубого неба. Крестьяне уже пророчили длительную засуху и плохой урожай. Но их опасения казались необоснованными. В апреле шли обильные дожди, и луга покрылись свежей густой зеленью. Овцы жадно щипали траву, будто не могли насытиться. И, глядя на них, казалось, что уже ощущаешь великолепный пряный запах сыра, приготовленного из их молока. Еще более знаменитым, чем овечий сыр, был, правда, сыр из коровьего молока под названием «Уэнслидейл», который любят во всей Англии.

Фрэнсис Грей этой весной была беспокойна как никогда. В марте ей исполнилось семнадцать лет, она чувствовала себя взрослой, но у нее было ощущение, что относительно скоро должно произойти какое-то крупное событие, которое послужит началом вступления во взрослую жизнь. При этом она не знала, что это будет за событие. Ей лишь казалось, что до сих пор в ее жизни ничего не происходило и что в дальнейшем все будет не таким однообразным.

В начале апреля она наконец распрощалась с ненавистной школой Эмили Паркер в Ричмонде и в первые недели свободы думала, что никогда больше в ее жизни не будет ничего плохого, что все печали остались позади. До самого окончания школы Фрэнсис ее ненавидела. Она выросла на ферме Уэстхилл, в зеленом, холмистом Уэнслидейле, бегала летом босиком, скакала на лошади без седла и уздечки, сидела по-турецки на кухонном столе и слушала истории, которые ей рассказывала бабушка. Ей казалось невыносимым быть заключенной в мрачном доме в городе, спать в комнате еще с девятью девочками и при этом молчать, потому что все разговоры были запрещены. Во время прогулок они ходили парами друг за другом, им нельзя было бегать – только на уроках физкультуры, – запрещалось громко смеяться и рассказывать непристойные анекдоты, которые Фрэнсис слышала от рабочих на ферме. Однажды мисс Паркер, директор школы, застала ее сидящей на кровати скрестив ноги. Она была вне себя от ярости, назвала Фрэнсис распутной и испорченной и предредила ей плохой конец, так как дама, которая не *всегда* смыкает ноги, провоцирует мужчин на определенные мысли, за которыми в худшем случае следуют даже действия. Мисс Паркер была возмущена, пожалуй, даже больше, чем в том инциденте с теннисной ракеткой. При этом во всей школе не было ни одного человека мужского пола и, соответственно, никого, у кого могли бы возникнуть такие опасные мысли. Фрэнсис не очень интересовало, какое мнение имеет о ней старая Паркер, но поскольку за плохим поведением неизбежно следовал запрет на поездку домой в выходные дни, она в конце концов все-таки постаралась в определенной степени вести себя подобающим образом. В итоге получила на удивление хороший аттестат зрелости. Все, о чем она тогда думала, заключалось в следующем: «Все! Все закончилось! Теперь я наконец буду жить!»

После всех этих лет мучительной тоски по дому Уэстхилл должен был бы стать для нее раем. Но что-то изменилось, и прошло несколько недель, прежде чем Фрэнсис поняла, что это *она* стала другой. За прошедшие годы детство незаметно попрощалось с ней. Незаметно, потому что в своей тоске и печали она оберегала его как сокровище и никогда не думала о том, что оно когда-то закончится. Фрэнсис больше не была той босоногой девочкой, которая заслушивалась историями своей бабушки и скакала галопом на лошади. Она была в замешательстве, осознавая, что не успела подготовиться к тому периоду жизни, в который ей предстояло вступить.

Май с его небывалой жарой, казалось, был единственным серьезным предзнаменованием, и беспокойство Фрэнсис еще больше возросло.

– Я думаю о том, что будет со мной дальше, – сказала она однажды утром матери. Была пятница, шестое мая, дата, которую ей в дальнейшем придется вспоминать по многим причинам. – Я ведь не могу все время сидеть дома и ничего не делать!

Ее мать, Морин Грей, как раз искала в своей комнате ноты для фортепиано; с минуты на минуту должна была прийти ее преподавательница по музыке, и она хотела до этого еще раз сыграть заданные произведения.

– Дорогая, все устроится, – сказала мать чуть рассеянно, – почему бы тебе просто не наслаждаться летом?

– Каким же образом? Здесь абсолютно ничего не происходит! Каждый день одно и то же!

– Но, когда еще училась в Ричмонде, ты постоянно говорила, как тебе не хватает Уэстхилла и жизни здесь. По выходным ты жаловалась, что вынуждена учиться и не можешь делать то, что тебе хотелось бы. Теперь ты можешь. Ты хотела, в конце концов, снова лежать на цветущем лугу и смотреть в небо, ты...

– Мама, но я не могу заниматься этим весь день, – прервала ее Фрэнсис раздраженным голосом. – Это просто... я не могу продолжать то, что уже закончила. Мне больше не двенадцать! Мне семнадцать!

Морин вынырнула из шкафа и пригладила волосы. Ей вскоре должно было исполниться 37 лет, и у нее уже было четверо детей, один из которых не прожил и нескольких недель, но выглядела она как юная девушка. Фрэнсис, у которой, как и у ее отца, был кельтский тип внешности, завидовала матери из-за ее медово-золотистых волос и янтарных глаз. Все краски на лице и теле Морин заключали в себе золотистый оттенок, были теплыми, мягкими и гармоничными. У Фрэнсис же, напротив, – холодными и жесткими. Ни малейшего розоватого оттенка, который смягчал бы белизну ее кожи, ни одной светлой пряди на волосах интенсивного черного цвета. В школе мисс Паркер девочки сказали, что у нее интересная внешность. Слово «симпатичная» не звучало никогда.

– Через неделю у Ли состоится Праздник весны, – сказала Морин. – Тебя это не радует?

– Радует, конечно. Но я же не могу бегать с одного праздника на другой. Разве в этом смысл жизни?

– Фрэнсис, пройдет еще немного времени, и один из местных молодых людей попросит твоей руки. Ты выйдешь замуж, у тебя появятся дети, ты станешь вести домашнее хозяйство. И будешь злиться, что испортила себе это прекрасное лето бесплодными мечтаниями, вместо того чтобы по-настоящему им наслаждаться. Если у тебя на самом деле будет собственная семья, ты больше не будешь иметь так много свободного времени.

– Я еще слишком молода, чтобы выходить замуж и иметь детей.

– Мне тоже было семнадцать, когда появился мой первый ребенок.

– В твоё время все было по-другому. Да и *ты* была другой. Я сейчас просто не могу представить себе, чтобы я решилась выйти замуж за человека, с которым потом проживу всю свою жизнь!

Морин вздохнула. Фрэнсис знала, что, по мнению матери, подобные разговоры ни к чему не приведут. Она была убеждена, что Фрэнсис однажды влюбится, резко поменяет свое мнение о детях и браке и будет сама удивляться, почему она так долго была всем недовольна.

– А как у вас с Джоном Ли? – осторожно спросила мать. – Вы ведь с детских лет практически обручены. – Она улыбнулась, и эта ее улыбка разозлила Фрэнсис.

– Ах, мама, когда это было... уже давным-давно. Он меня больше об этом не спрашивает.

– Наверное, ты постоянно делаешь такое недовольное лицо, что он не осмеливается, – предположила Морин. Тут она вздрогнула – с улицы раздался сигнал клаксона. – О господи,

это уже приехала мисс Мэйнард, а я все еще не нашла ноты!.. Беги вниз и скажи ей, чтобы шла в гостиную. Я сейчас приду.

Мисс Мэйнард, преподавательница по музыке, была известна своим бестактным поведением. Фрэнсис знала, что сегодня она была в мрачном настроении, и не удивилась, когда мисс Мэйнард сразу же сделала ей замечание.

– Кто же тебе насолил? – спросила она. – Душевные страдания?

– Нет, – ответила Фрэнсис рассерженно. У нее всегда возникал вопрос: почему люди, глядя на молодую девушку, не в состоянии предположить, что у нее могут быть и иные проблемы, кроме душевных страданий?

– У меня есть кое-что, что исправит твоё настроение! – заявила мисс Мэйнард и стала рыться в своей сумке. Она извлекла из нее конверт и помахала им перед носом Фрэнсис. – Я иду как раз от Ли. Старая мисс Ли недавно внушила себе, что она непременно должна играть на фортепиано... Джон Ли попросил меня передать тебе это письмо. – И вложила письмо в руку Фрэнсис.

– Разве Джон дома? – удивленно спросила та. Джон учился в Кембридже и редко приезжал домой.

– Его отец неважно себя чувствует, – объяснила мисс Мэйнард. – Я не знаю, в чем там дело, но в любом случае Джон приехал домой из-за него.

Должно быть, что-то серьезное, предположила Фрэнсис. Джон приехал из Кембриджа в Дейл-Ли явно не из-за простуды отца.

– Письмо заклеено, – констатировала мисс Мэйнард, подмигнув. – Ты можешь проверить. Конечно, меня так и подмывало узнать, что в нем, но по дороге нигде не нашлось водяного пара! – Она громко рассмеялась и прошла мимо Фрэнсис в дом, откуда сразу донеслось: – Морин! Привет, Морин! Это я, Дороти!

Фрэнсис закатила глаза и стала размышлять, куда бы ей скрыться, чтобы спокойно прочитать письмо. После ее возвращения из Ричмонда она видела Джона лишь однажды, мельком, на Пасху во время богослужения. Вокруг них было много народу, и им удалось перекинуться разве что парой слов.

Девушка огляделась. Как всегда, когда она лицезрела ферму Уэстхилл и окружающий ее ландшафт, в ней пробудилось чувство умиротворенности и благодарности за то, что она здесь живет. Кругом, насколько хватало глаз, простирались зеленые холмистые луга, вдали – пасущиеся коровы и овцы, отдельные островки небольших темных пролесков; кое-где ручьи, петляющие вокруг горы. Пастбища вдоль и поперек пересекались низкими, неровными и косыми каменными стенами, поросшими мхом и мелкими лиловыми цветами. Широкая полевая тропа вела от дома вниз, по склону, к извилистой проселочной дороге, по которой в одном направлении можно было попасть в Дейл-Ли и дальше в Аскригг, а в другом – в Дейлвью, в поместье Ли. Семейству Ли уже на протяжении нескольких поколений принадлежала вся земля в окрестностях, за исключением относительно скромного участка земли, который занимала ферма Уэстхилл. В течение минимум двухсот лет каждое поколение Ли всякий раз пыталось завладеть землей Уэстхилла. Но им это не удавалось, и в том числе Чарльз Грей, отец Фрэнсис, отклонял любое заманчивое предложение старого Артура Ли без малейших колебаний.

Фрэнсис обошла дом и через небольшую калитку вошла в сад. Все здесь цвело и разрасталось не случайно. Каждый цветок, каждый куст, каждое дерево Морин сажала тщательно и обдуманно. Здесь можно было прогуляться вдоль плантаций шиповника и гигантских кустов рододендронов, помечтать в тени фруктовых деревьев или под меланхолично свисающими ветвями плакучей ивы. Еще всего несколько недель – и зацветут розы, а весь сад покроется розовыми и лиловыми цветами фуксий.

С тех пор как Фрэнсис себя помнила, она была постоянным свидетелем ставшего привычным зрелища: мать, стоящая на коленях где-нибудь между кустами и деревьями и копоша-

щаяся в земле. Однажды она сказала, что это в ее характере – преодолевать проблемы и заботы повседневной жизни. «Если я чувствую между пальцами землю, если вижу, что раскрывается новый бутон, если вдыхаю аромат роз, то все мои заботы так быстро растворяются в воздухе, что я даже забываю, что именно так удручало меня еще минуту назад!»

Фрэнсис сумела обойти это пристрастие матери, так как терпеть не могла ползать на коленях и с болью в пояснице бороться с сорняками. Тем не менее она понимала мать, потому что так или иначе земля давала ей столько же силы, что и Морин.

Она села на окрашенную в белый цвет скамейку под одним из вишневых деревьев и открыла письмо. Ей на колени упала открытка, в которой Джон своим округлым почерком написал ей следующее:

«Дорогая Фрэнсис, мне очень надо сегодня после обеда поговорить с тобой. Давай поедем на лошадях! Я заеду за тобой около пяти».

– Интересно, что он хочет, – пробормотала Фрэнсис. Тут она подняла голову и, увидев свою сестру Викторию, которая шла к ней по дорожке сада, вовремя успела спрятать весточку от Джона в карман юбки.

– Привет, Фрэнсис! А я тебя ищу... Что ты здесь сидишь? – крикнула она.

– А почему ты вообще здесь? – спросила Фрэнсис. – С каких это пор в школе мисс Паркер так рано отпускают на выходные? В мое время, видит бог, было по-другому...

– В школе обнаружили коклюш, – объяснила Виктория, – и нас как минимум на две недели отправили по домам!

– Что же мне так не повезло! – сказала Фрэнсис завистливо. – У нас никогда не было ни коклюша, ни чего-то подобного... Надеюсь, ты не успела заразиться?

– Я тоже надеюсь. Как же это хорошо – неожиданно получить каникулы!

– Безусловно, – согласилась Фрэнсис, но при этом была совершенно уверена, что этот неожиданный подарок для Викторией означает далеко не то же самое, чем это раньше было бы для нее, Фрэнсис. Виктория с удовольствием училась в школе мисс Паркер. Она любила похихикать с другими девочками, обожала чопорную школьную форму, в которой Фрэнсис всегда чувствовала себя как арестантка. Она не была особенно хорошей ученицей, но зато преуспела в пении и рукоделии. Мисс Паркер называла ее «одна из моих любимых» и предоставляла ей множество привилегий. Фрэнсис всегда могла прочесть мысли старой директрисы по ее лицу: «Как это только возможно, чтобы две сестры были такими разными?»

И тот, кто увидел бы их сейчас, сказал бы то же самое. В свои почти пятнадцать лет Виктория выглядела как прелестная кукла. В ней не было ни капли той бесформенности, от которой в этом возрасте страдала Фрэнсис. Она была очень похожа на свою мать. У нее был тот же золотистый оттенок кожи, волос и глаз, очаровательная улыбка и такой же бархатистый голос. Она всегда была милой и хорошенькой, каждый ее баловал и исполнял любую ее прихоть. Будучи еще крошечным, розовым, пухленьким карапузом, она приводила людей в восторг. Каждому хотелось ее подержать на руках, погладить и прижать к себе. Фрэнсис, которой исполнилось два года, когда родилась Виктория, была достаточно смышленной и разумной девочкой, чтобы суметь это заметить и наблюдать за всем происходящим с болезненной ревностью. Позднее Морин рассказывала ей, что она была совсем другим ребенком: пугающе худым, но очень выносливым и с огромным желанием научиться всему быстрее и раньше других детей. Хватать, ползать, ходить – всем этим она овладела очень рано и училась этому с твердой решимостью, до тех пор пока у нее не стало получаться.

Морин никогда не говорила ей об этом открыто, но Фрэнсис и без того было понятно, что люди не восторгались ею так, как Викторией. Их отец дал младшей дочери имя глубоко почитаемой им королевы, и только позднее Фрэнсис пришла в голову мысль о том, почему не *ее*, как дочь, родившуюся первой, крестили этим именем. Но, вероятно, при виде худого ребенка со слишком светлыми голубыми глазами, которого Морин произвела на свет в марте

1893 года, ему такая мысль даже в голову не пришла. И только очаровательную толстощековую малышку, которую ему два года спустя положили на руки, он счел достойной того, чтобы она носила имя великой правительницы.

В этот майский день на Виктории было синее, достающее до щиколотки платье-матроска и голубой бант в длинных темно-русых волосах, которые блестели на солнце, как мед, и слегка завивались.

Еще два-три года, подумала Фрэнсис, и мужчины из-за нее разобьют здесь дверь своими лбами!

– Джордж, кстати, тоже приехал, – сказала Виктория, – пять минут тому назад, из Уэнсли, на наемном экипаже.

– Джордж? А что случилось? – Их брат учился в Итонском колледже и приезжал домой только на каникулы.

– Он кого-то привез.

– Друга?

– Какую-то женщину! – ответила Виктория. – Приятная, но какая-то странная.

Женщина... Это было интересно. Из всех людей на свете Фрэнсис больше всех любила и восхищалась Джорджем, своим старшим братом. К тому же он был единственным человеком, к которому она относилась практически без критики.

Джордж был привлекательным, умным, деликатным, обаятельным... она могла бы наградить его бесконечным множеством льстивых характеристик. В этом году он заканчивал учебу в Итоне. Если брат во время своей подготовки к экзаменам приехал в Йоркшир, наверняка не больше чем на один или два дня, да еще и привез с собой какую-то даму, Фрэнсис могла предположить, зачем. Он хотел представить девушку семье. Вероятно, тут нечто серьезное...

– Почему ты сразу об этом не сказала? – спросила она, встав. – Где они сейчас? Я хочу поздороваться с Джорджем!

«И посмотреть на эту женщину», – подумала она.

Джордж стоял перед домом, с трудом защищаясь от двухгодовалой дворняги Молли, которая радостно бегала перед ним и с громким лаем то и дело прыгала на него, выражая свой восторг от его приезда. Казалось, что она понимала, что обязана своей жизнью Джорджу. Два года тому назад темным, холодным осенним вечером он нашел на обочине дороги полуживой комок. У него были каникулы, и в течение этих двух недель Джордж постоянно вставал каждую ночь, чтобы дать крохе молоко и яичный желток. Когда ему надо было уезжать, произошло душераздирающее прощание, и теперь, с его возвращением, Молли от счастья потеряла рассудок.

– Джордж! – крикнула Фрэнсис еще издалека, потом подбежала к нему и бросилась в его объятия. Закрыла глаза. От него так хорошо пахло! К нему было так приятно прикоснуться...

Она слышала, как Джордж рассмеялся, нежно и тихо.

– Иногда я не знаю, кто больше рад меня видеть – ты или Молли. В любом случае, мне это очень льстит.

Фрэнсис отступила на один шаг и посмотрела на него.

– Ты надолго?

Он с сожалением покачал головой.

– Я, собственно говоря, вообще не должен был уезжать. Мне нужно каждую минуту зубрить. Но...

Не договорив, он посмотрел куда-то в сторону, и Фрэнсис, последовав за его взглядом, увидела молодую женщину, стоявшую облокотившись на автомобиль мисс Мейнард. Та направилась к ним.

– Элис, позволь представить тебе мою сестру Фрэнсис, – сказал Джордж. – Фрэнсис, это мисс Элис Чэпмен.

– Добрый день, Фрэнсис, – ответила Элис. У нее был глубокий, теплый голос. – Я много о вас слышала. Рада с вами познакомиться.

Фрэнсис нерешительно протянула Элис руку.

– Добрый день.

Они оценивающе посмотрели друг на друга. Фрэнсис подумала, что Виктория права; Элис действительно симпатичная. У нее были тонкие, правильные черты лица, темно-зеленые глаза, красиво изогнутый нос. Волосы цвета меди она зачесывала строго назад. Элис была невысокой и грациозной и источала почти осязаемую энергию. От нее исходила какая-то необычайная сила.

– Знаешь, Джордж, – сказала Элис, – пожалуй, ты должен сначала один пройти в дом и подготовить твою маму к моему появлению. А я пока немного осмотрюсь здесь, на улице. Может быть, твоя сестра будет так любезна и составит мне компанию?

– Мы можем пойти в сад, – предложила Фрэнсис.

Джордж кивнул.

– Хорошо. Очевидно, у моей матери сейчас урок музыки. Тогда мы увидимся позже.

Он улыбнулся Элис, и Фрэнсис увидела в его глазах обожание. У нее возникло ощущение, что из них двоих он был более влюбленным и уступчивым. Элис Чэпмен держала его на коротком поводке.

Виктория исчезла – во всяком случае, ее нигде не было видно. Элис села на каменную стенку в конце сада. Уэстхилл располагался на холме, и отсюда, сверху, открывался великолепный вид на раскинувшиеся на другой стороне долины стойла и дома рабочих с ферм, принадлежавших Уэстхиллу.

Элис огляделась и глубоко вздохнула.

– Как хорошо побыть на природе... Поездка на поезде была бесконечной. В Уэнсли, или как называется это место, Джордж нанял экипаж. – Она улыбнулась. – Какая здесь идиллия!

– Иногда и здесь бывает скучно, – ответила Фрэнсис, сев рядом с Элис. – Откуда вы знаете моего брата?

– Мы познакомилась с ним во время демонстрации. Н-да, это мягко сказано... Скорее тогда была настоящая битва. – Она рассмеялась. – Вы выглядите совершенно растерянной, Фрэнсис! Я думаю, вы как раз пытаетесь представить себе вашего брата в качестве участника демонстрации... Однако можете быть совершенно спокойны. Он не имеет к этому никакого отношения. Мы проникли на занятия в Итон и развернули там наши плакаты. Возникла порядочная суматоха.

– Кто это *мы*?

– ЖСПС. Вы ведь наверняка об этом что-то слышали?

Конечно, Фрэнсис слышала о ЖСПС – Женском социально-политическом союзе. Это была партия борцов за права женщин под руководством Эммелин и Кристабель Панкхёрст, которые выступали за предоставление женщинам избирательных прав с помощью радикальных средств. О них много говорили, чаще всего с негативным оттенком. Многие мужчины насмеялись над ними, используя довольно грубые слова: «мужеподобные бабы», «неудовлетворенные шлюхи», «мерзкие вороны» и «бедные сумасшедшие».

Фрэнсис не могла до конца понять подобное поведение мужчин; как будто возникала угроза того, что рухнет империя, если женщины получат избирательное право. «В следующий раз пусть еще мой пес принимает решение о политической судьбе Англии!» – возмущался недавно старый Артур Ли на каком-то общественном мероприятии, и при этом сам зарычал, как разозленная собака. Все присутствующие засмеялись и зааплодировали, в том числе и жен-

щины. Фрэнсис знала, что даже ее отец, хоть и являлся приверженцем партии тори³, по своим взглядам был либералом и противостоял суфражисткам, как их называли в соответствии с преследуемой ими целью – добиться избирательного права⁴.

«Политика не женское дело», – говорил он всегда. Морин никогда не высказывалась по данному поводу, и Фрэнсис расценивала это как молчаливое согласие, но все-таки решила как-нибудь спросить об этом мать с глазу на глаз.

– Я еще никогда не встречала никого, кто являлся бы членом ЖСПС, – сказала она.

– Думаю, ваши родители придают большое значение тому, с кем вы общаетесь, – сказала Элис язвительно, – и суфражетки вряд ли входят в круг одобряемых ими лиц.

– Мои родители придают также большое значение тому, с кем общается Джордж.

– Да, я полагаю. Тогда вряд ли они будут в восторге, когда он представит меня им.

Фрэнсис тоже этого опасалась. Она была крайне удивлена, что Джордж влюбился в эту девушку. Элис была привлекательна и наверняка неглупа, но Фрэнсис не могла представить себе, чтобы у брата не возникали серьезные сомнения в отношении ее убеждений.

– Джордж... – начала она осторожно, и Элис снова рассмеялась.

– Я знаю. Он вообще не согласен с тем, что я делаю. Вероятно, он надеется, что я смогу образумиться, когда повзрослею, но я почти уверена, что он на ложном пути. Может быть, как раз *он* станет разумным.

– Он хочет на вас жениться? – спросила Фрэнсис с любопытством.

Элис замялась.

– Да, – ответила она наконец, – он хотел бы. Только вот не знаю, хочу ли этого я.

Пока Фрэнсис размышляла над непостижимостью этого заявления – женщина, которая не испытывает счастья от того, что Джордж Грей хочет на ней жениться! – Элис покопалась в своей сумке и достала плоскую коричневую коробку, из которой вынула сигарету.

– Вы будете? – спросила она.

Фрэнсис, конечно, никогда не курила и знала, что дама в любом случае не должна этого делать. Но чтобы не показаться маленькой девочкой, невозмутимо пробормотала:

– Да, с удовольствием.

Она поперхнулась при первой же затяжке и какое-то время боролась с сильным приступом кашля. Элис терпеливо подождала, пока кашель пройдет, и потом констатировала:

– Это ваша первая сигарета, не так ли?

Так как не было смысла это отрицать, Фрэнсис кивнула и вытерла слезы с глаз.

– Да. Я еще ни разу не пробовала.

Она ожидала услышать насмешливое замечание, но Элис лишь серьезно на нее посмотрела.

– Сколько вам лет? – спросила она.

– Семнадцать, – ответила Фрэнсис и осторожно сделала вторую затяжку. Ощущение было омерзительным, но на этот раз она хотя бы не закашлялась.

– Семнадцать, понятно... Мне двадцать, немногим больше, чем вам, но я уже многое испытала. Мне кажется, что вы тоже этого хотели бы. Вы производите впечатление девочки, которую от всего оберегают и которая очень бы хотела узнать, что такое настоящая жизнь. Или вы просто хотели бы делать то, чего от вас ждут? Выйти замуж, родить детей, иметь гостеприимный дом и устраивать чаепития в дамском кругу.

³ Здесь надо заметить, что политическая партия тори перестала существовать де-факто к 1859 г., однако пришедших им на смену консерваторов по инерции продолжали называть тори (и часто называют до сих пор).

⁴ Suffrage (*англ.*) – избирательное право; право голоса. Следует оговорить, что, в отличие от умеренного крыла суфражисток, боевых радикальных сторонниц Панкхёрст принято называть суфражетками – это обозначение появилось в 1906 г. в газете «Дейли мейл» в качестве презрительного прозвища (буквально – «суфражисточки»), однако активистки ЖСПС со свойственным им вызовом охотно приняли его как самоназвание.

– Я... не знаю... – ответила Фрэнсис, чуть торопливо продолжая курить. Вдруг ей неожиданно стало очень плохо, и она не могла сконцентрироваться на словах Элис. Появилась тошнота, в желудке возникли спазмы, и стало рябить перед глазами.

«О нет, – подумала она в ужасе. – Меня сейчас вырвет. На глазах у чужого человека!»

– Вы должны как-нибудь приехать ко мне в Лондон, – продолжала меж тем Элис. – Я могла бы познакомить вас с некоторыми очень интересными людьми...

Фрэнсис соскользнула со стены. Ей казалось, что она едва может передвигаться на своих дрожащих ногах. Издалека она слышала голос Элис: «Фрэнсис! Что с вами? Вы совсем бледная!»

Сильные руки крепко схватили ее за талию. Так плохо ей не было еще ни разу в жизни. У нее начались рвотные позывы.

– Боже мой, это моя вина, – воскликнула Элис, – я не должна была давать вам сигарету!

Фрэнсис наклонилась над густым кустом папоротника, и ее вырвало всем ее завтраком.

Джон Ли не приехал. Ни в пять часов, как он сообщал в своем письме, ни в шесть; не появился он и в половине седьмого.

– Уже действительно пора купить телефон, – рассерженно сказала Фрэнсис матери. – Тогда я могла бы, по крайней мере, позвонить Джону. Я надеюсь, что он припасет убедительное оправдание своему поведению.

– Наверняка, – согласилась Морин.

Она выглядела напряженной. За час до этого Джордж объявил ей и отцу, что намерен жениться на мисс Чэпмен. Чарльз Грей захотел больше узнать о молодой женщине, и при этом выяснилось, что она является членом ЖСПС. Чарльз так рассвирепел, что даже Морин с трудом удалось его успокоить.

– Но зачем ты об этом сказал? – спросила Фрэнсис брата, когда тот сообщил ей о разговоре с родителями; выглядел он при этом совершенно подавленным.

Джордж обреченно пожал плечами.

– Иначе это сказала бы *она*. Когда-нибудь, сегодня или завтра, отец все равно спросил бы, чем она занимается.

– И тогда она сказала бы правду?

Джордж засмеялся, но его смех был безрадостным.

– Можешь быть уверена! Благородная сдержанность, к сожалению, не присуща Элис. Она бы на все лады расписывала ему их идеалы и постаралась бы убедить его в необходимости за них бороться. Ты можешь себе вообразить, как бы они схватились!

Так что он принял на себя весь гнев отца. Чарльз в конечном счете категорически заявил, что он не потерпит в своем доме «эту особу». Только благодаря Морин, владеющей искусством убеждения, наконец согласился до отъезда пары принять у себя в Уэстхилле Элис Чэпмен.

Морин, которая как раз накрывала в столовой стол к ужину, отвлеклась на минуту от своих мрачных мыслей о будущем сына и неожиданных проблемах и пристально посмотрела на Фрэнсис.

– Ты грустишь, потому что Джон не приехал? – спросила она. – И почему ты такая бледная? Что-то плохо выглядишь...

Фрэнсис еще не отошла от действия сигареты.

– Мне действительно неважно, – сказала она, – но это не имеет никакого отношения к Джону. Он мне довольно безразличен, честно говоря. Однако я думаю, что я не буду ужинать.

– Садись с нами и попробуй все же что-то съесть. Вечер и без того не задался, да еще ты хандрить... Боже мой, неужели Джордж не мог найти себе какую-нибудь другую девушку?

Постепенно собрались все члены семьи. Во главе стола сидел Чарльз Грей. Он, как обычно, появился к ужину в темном костюме, светло-сером жилете и с шелковым галстуком. Чарльз утратил статус, который принадлежал ему с рождения, но тем более старался придер-

живаться определенных традиций. К ним относились элегантная одежда, свечи по вечерам и семья в полном составе из числа присутствующих. Он очень переживал, что смог предоставить в распоряжение Морин только одну-единственную помощницу по ведению хозяйства в доме – энергичную Аделину. На другой прислуге он вынужден был экономить, поскольку хотел, чтобы его дети учились в престижных школах.

На другом конце стола сидела мать Морин – Кейт Лэнси. На Кейт было длинное черное платье в пол, черный чепчик на седых волосах и в качестве единственного украшения – тонкая золотая цепочка с крестиком. Это была невысокая, тощая как жердь особа, и казалось, что при малейшем дуновении ветра она упадет. В действительности же Кейт была более крепкой и здоровой, чем все остальные члены семьи, вместе взятые. Она была закалена долгими, суровыми годами в трущобах Дублина, которые провела вместе со своим постепенно спивающимся мужем и в ежедневной тяжелой борьбе за то, чтобы спасти себя и своего ребенка от голода. Бабушка Кейт много сделала, чтобы не допустить больше никаких потрясений в своей жизни.

Джордж и Элис вернулись с прогулки. Джордж пребывал в подавленном состоянии, а Элис находилась в прекрасном расположении духа. Она нарвала цветов и отдала их Морин. Появилась Виктория; со своими красными щеками, светлыми волосами и горящими глазами она была красива, как на картинке. Ее вид вызвал мимолетную улыбку у хранившего ледяное молчание Чарльза. Она была его явной любимицей. Виктория была копией Морин и еще ни разу не доставила ему хлопот.

Атмосфера была напряженной и неестественной. Чарльз смотрел перед собой и не говорил ни слова. Фрэнсис ковырялась в своей еде, не попробовав до сих пор ни крошки, и тоже молчала. У Джорджа был такой вид, словно ему больше всего хотелось выйти из комнаты. Даже Виктория безмолвствовала; она заметила, что что-то не так, но не знала причину и не хотела впасть в немилость из-за неловкого замечания.

– Еда превосходная, – сказала наконец Элис. – Кого следует за это похвалить – кухарку или вас, миссис Грей?

– К сожалению, я не могу претендовать на эту славу, – возразила Морин, стараясь придать фразе веселый оттенок. – Она принадлежит Кейт. Сегодня готовила она.

– Я восхищаюсь вами, миссис Лэнси, – воскликнула Элис. – Я лично вообще не умею готовить, у меня нет никакой кулинарной сноровки.

– Этому можно научиться, – ответила Кейт. – Всего лишь вопрос навыка.

Чарльз поднял голову.

– Мне кажется, мисс Чэпмен ни малейшим образом не заинтересована в том, чтобы научиться готовить, Кейт. Это может вступить в противоречие с ее принципами. По ее мнению, женщинам в конечном счете место не на кухне, а на избирательных участках.

– Чарльз! – предостерегающе бросила Морин.

– Отец! – прошипел Джордж. Виктория сделала большие глаза.

Элис одарила Чарльза любезной улыбкой.

– Я не думаю, что кухня и избирательные участки исключают друг друга, – парировала она. – Или вы можете привести мне убедительный довод, мистер Грей?

– Кто-нибудь хочет еще овощей? – спросила Морин поспешно.

Никто не ответил. Все в упор смотрели на Чарльза.

– Женщина, мисс Чэпмен, – проговорил он медленно, – если говорить о ее сути и ее предрасположенности, думает *не* политически. Поэтому она не в состоянии понять структуру, цели и позиции партии. Она отдает свой голос на основании неопределенных эмоций и совершенно иррациональных идей. Я считаю это чрезвычайно опасным – отдавать политическое будущее страны, пусть даже наполовину, в руки людей, которые не имеют ни малейшего представления, о чем вообще идет речь!

Фрэнсис видела, что у Джорджа перехватило дыхание. Слова Чарльза представляли собой невыносимую провокацию для Элис. Но она хорошо владела собой.

– Сколько политических дискуссий с женщинами вы уже провели, мистер Грей? – спросила она. – Должно быть, немало, так как вы с такой уверенностью отказываете женщинам в отсутствии какого бы то ни было политического сознания.

– Я еще не вел никаких политических дискуссий ни с одной женщиной! – возразил Чарльз резко. – И поэтому знаю, что...

– Это зависело от женщин или от вас? Я имею в виду, вы ни разу не встретили женщину, которая была бы готова или заинтересована говорить с вами о политике, или *вы* всякий раз не были к этому готовы?

В глазах Чарльза появилось опасное мерцание. Те, кто его знал, были осведомлены о том, что он должен приложить усилия, чтобы остаться вежливым.

– Не думаю, – сказал он подчеркнуто спокойно, – что эта казуистика нам что-то даст.

– А я полагаю, что именно в этом заключается суть дела, – сказала Элис. – Женщины не дискутируют с мужчинами о политике, так как те ни секунды не станут их слушать. Женщины в таких вопросах хранят молчание, потому что для них не имеет смысла высказывать свое мнение. На основании этого делать заключение о неспособности женщин заниматься политикой и уж тем более выражать разумные мысли по общим проблемам я нахожу, мягко говоря, отвратительным. – Ее лицо оставалось неизменно дружелюбным, но в голосе слышались резкие нотки.

Чарльз отложил нож с вилкой.

– Я думаю, никто не будет возражать, если вы покинете этот дом, мисс Чэпмен, – сказал он.

– Вы так боитесь нас, суфражеток, что даже не можете выдержать разговор о наших требованиях? – язвительно спросила Элис и встала.

Джордж бросил салфетку на тарелку.

– Если она уйдет, то я тоже уйду, отец, – произнес он с угрозой в голосе.

Чарльз кивнул.

– Конечно. Кто-то ведь должен, в конце концов, отвезти ее на вокзал в Уэнсли.

Джордж вскочил. Он был белым как мел.

– Если я сейчас уйду, то не вернусь.

– Джордж! – крикнула Фрэнсис испуганно.

Чарльз молчал и лишь непрерывно смотрел на сына. Джордж чуть подождал и сказал дрожащим от возмущения и волнения голосом:

– Я от тебя этого не ожидал, отец. Именно от тебя! Ты должен понимать, что я чувствую. После того, как твой собственный отец порвал с тобой отношения, потому что ты с матерью...

Теперь вскочил Чарльз. В какой-то момент казалось, что он хочет ударить Джорджа по лицу.

– Вон! – крикнул он. – Вон! И никогда не смей больше сравнивать мать с этой... этой несносной суфражеткой, с этим ничтожеством... Это ведь ни мужчина, ни женщина, а нечто среднее между ними!

Джордж схватил Элис за руку.

– Пошли скорее отсюда, пока я не дошел до состояния, когда не знаешь, что творишь!

Он потянул ее к двери, где они едва не столкнулись с Джоном Ли, который как раз вошел в дом и теперь удивленно наблюдал за происходящим. На нем были сапоги для верховой езды. Он часто дышал.

– Добрый вечер, – сказал он. – Извините, что я...

– Мы как раз собрались уходить, – ответил Джордж и слегка подтолкнул Элис к двери.

Чарльз все еще стоял возле своего стула; руки его дрожали.

– Добрый вечер, мистер Ли, – сказал он, стараясь взять себя в руки.

– Джон Ли! – воскликнула Фрэнсис язвительно. – А я тебя уже не ждала!

Джон мельком взглянул на нее. Она заметила, что его лицо было бледным, и он казался очень взволнованным.

– Что случилось? – спросила она.

– Не хотите ли вы к нам присоединиться? – спросила Морин. – Я принесу прибор...

– Нет, спасибо, – отказался Джон. – Я должен сейчас же ехать. Только хотел вам... Вы, наверное, еще не знаете?

– О чем? – спросил Чарльз.

– Нам позвонили родственники из Лондона, – сказал Джон. – Его величество король умер сегодня вечером.

Все посмотрели друг на друга, шокированные и испуганные.

– О нет, – тихо произнесла Морин.

– Плохая новость, – пробормотал Чарльз, – очень плохая... – Казалось, что он внезапно сильно ослабел и сразу стал выглядеть более старым и седым.

– Я должен возвращаться домой, – сказал Джон, – отец очень болен и ужасно взволнован. Фрэнсис... извини, что не получилось с сегодняшней прогулкой!

– Ничего. Раз уж такие обстоятельства...

Морин встала.

– Я провожу вас до двери, мистер Ли, – предложила она. – Мы вам очень признательны, что вы специально приехали.

Фрэнсис знала, что мать прежде всего рассчитывала на то, что на улице она увидит Джорджа и Элис и сможет с ними поговорить. Как бы Морин ни сожалела о смерти короля, значительно важнее для нее в этот вечер была ссора между мужем и сыном.

После того как Морин и Джон вышли, в комнате воцарилась полная тишина. Наконец Чарльз тихо сказал:

– Король умер... Эра завершилась.

Он посмотрел в окно, за которым спустился теплый вечер. В его голове пронеслась мысль о том, что времена драматически меняются. Король Эдуард представлял собой последнюю связь с той Англией, в которой вырос Чарльз Грей, которая его сформировала и олицетворяла его мировоззрение. Во времена прогрессирующей либерализации, волнений, классовой борьбы, оглушительной критики устоявшихся традиций король Эдуард все еще был частью викторианской эпохи, воплощал ее ценности и идеалы. Вместе с ним умерла эпоха. И то, что придет ей на смену, представлялось сомнительным и опасным.

Чарльз взял свой бокал. Его руки все еще дрожали.

– Боже, храни Англию, – сказал он.

Фрэнсис потребовалось немало времени, чтобы действительно понять, что ее семья не такая, как другие семьи, и почему это именно так. Когда она была ребенком, мир, в котором она выросла, был для нее таким близким и притягательным, что она ничего в нем не подвергала сомнению. У них было не так много денег, как у Ли или у людей, которые часто бывали в Дейлвью. Но всегда были в достатке еда и хорошая одежда; был большой старый дом, в котором все себя чувствовали комфортно и надежно. Фрэнсис относилась к миссис Ли с определенным почтением, поскольку та носила прекрасные платья, сшитые по последней моде и сплошь украшенные рюшами, кружевами и бантами. Каждое утро служанка очень тщательно причесывала ее. Миссис Ли говорила тихим голосом, постоянно сидела в салоне своего дома с чашкой чая или с рукоделием и управляла целым штатом слуг со всей строгостью и жесткостью, на которую никто не считал бы способной эту мягкую даму с нежным голосочком. Она часто страдала мигренью или по иным причинам чувствовала себя неважно, и тогда никто в доме

не смел произнести ни единого громкого слова – все вынуждены были ходить на цыпочках и беззвучно открывать и закрывать двери.

Для Фрэнсис, выросшей в доме, в котором по лестнице вверх и вниз и по саду постоянно бегали трое детей, это было совершенно непривычно, и если сначала она находила миссис Ли со всеми ее болячками действительно элегантной дамой, то в дальнейшем опять стала отдавать предпочтение собственной матери. Морин никогда не болела, насколько могли помнить ее дети, и никогда не сидела в гостиной с бледным лицом и чашкой чая в руке. Одежда, которую она носила, была значительно скромнее той, которую предпочитала миссис Ли, и она сама подкалывала по утрам волосы. Работая в любимом саду, она часто пела своим сильным, чуть хриплым голосом ирландские народные песни. Она мало что запрещала своим детям; кроме того, в таких случаях ей недоставало какой бы то ни было настойчивости, и она немедленно отменяла свои запреты, как только дети начинали на нее наседавать.

Джон Ли, единственный сын в поместье Дейлвью, напротив, вел очень регламентированную жизнь, не имел права на то или на это, и каждое «нет», сказанное его матерью, было для него нерушимым законом. В какой-то момент у Фрэнсис пропало малейшее желание поменяться с ним местами. Тем не менее она любила бывать у него. Несмотря на разделявшие их шесть лет, было время, когда они много играли друг с другом. Фрэнсис благоговела перед Джоном, и когда ему иногда становилось скучно проводить время с маленькой девочкой, у него не было выбора: с Джорджем Греем они не особенно находили общий язык, а с детьми из Дейл-Ли или с сыновьями батраков ему общаться, разумеется, не разрешали. Но однажды Фрэнсис стала свидетельницей разговора между мистером и миссис Ли и впервые узнала, что ее здесь никак не рассматривают как девочку, соответствующую их социальному происхождению.

Ей было тогда восемь лет. Джон уже учился в интернате, и у него как раз начались каникулы. Она захотела сразу навестить его, но у него не было времени, и после того, как они обменялись парой вежливых фраз, Джон отправил ее домой. Фрэнсис по привычке осторожно спустилась вниз по лестнице, поскольку никогда нельзя было знать наверняка, не спит ли в это время миссис Ли или не мучает ли ее именно сейчас головная боль. Проходя мимо салона, дверь которого была чуть приоткрыта, Фрэнсис услышала свое имя. Раздираемая любопытством, она остановилась.

– Я действительно считаю, что маленькая Фрэнсис бывает здесь слишком часто, – сказала миссис Ли. Как всегда, ее голос звучал мягко, но в нем слышался недовольный оттенок. – Мы должны ограничить ее визиты, Артур.

– Но ведь это только на время каникул! Потом...

– Каникулы длинные.

– Но как же я могу это сделать? – спросил Артур. – Я не могу сказать внучке лорда Грея...

– Ты не должен рассматривать Фрэнсис непосредственно как его внучку. В конце концов, он полностью дистанцировался от семьи этого сына.

– Но Фрэнсис все же остается его внучкой. Ведь она не какая-нибудь простая крестьянская девчонка или что-то в этом роде!

Чашка с чаем слегка зазвенела. Миссис Ли поставила ее чуть более резко, чем обычно.

– Она *наполовину* крестьянская девчонка, Артур, и мы должны это четко осознавать. Боже мой, я никогда не пойму, как Чарльз Грей мог настолько потерять самообладание, что женился на этой мелкой ирландской бабенке! Что он нашел в этой особе, спрашиваю я себя...

Артур Ли, которого бесконечные головные боли его жены уже давно привели в объятия и в постель пышной блондинки из Хэйвза – половина графства знала об этом, а позднее узнала и Фрэнсис, – прекрасно осознавал причины, по которым Чарльз Грей закрутил роман с чувственной, жизнерадостной Морин Лэнси из Дублина, хотя и он не мог понять, почему Чарльз не пошел по тому же пути, что и он сам, как это было принято в самых высоких кругах: в их краях в жены выбирали девушку из аристократической семьи и с безупречной репутацией,

но для особых потребностей, которые время от времени возникали у мужа и которые только шокировали бы его супругу, параллельно заводилась ничего не значащая любовная интрижка. Девушки из низших кругов служили исключительно для любовных утех, но на них никогда не женились. Чарльз Грей поступил вполне порядочно, но в глазах ему равных он выглядел просто болваном.

Артуру было явно неловко.

– Сложная ситуация. Я не могу просто пойти к Чарльзу Грею и сказать ему, что его дети не должны больше общаться с моим сыном!

– Так прямо мы, конечно, не можем сказать, но можем постепенно все больше и больше ограничивать контакт, используя разные отговорки, пока они наконец не поймут. И они поймут. – В ее голосе звучала неуступчивость, чем она поражала многих людей, которые сначала ее недооценивали. Возникло даже ощущение враждебности, когда она добавила: – Из-за этого мезальянса Грей всю свою жизнь будет испытывать неприятные последствия. Мы и наша семья, Артур, не обязаны облегчать ему жизнь.

– Конечно, дорогая, – ответил тот подавленно, и последовавший за этим звон кубиков льда, упавших в стакан, свидетельствовал о том, что после этого разговора ему требуется что-то выпить.

Фрэнсис спустилась вниз по лестнице и всю дорогу до самого дома бежала. Один раз она упала и рассадила себе до крови колено, но быстро поднялась на ноги, не обращая внимания на боль. Вбежала в дом – и сразу позвала мать.

Она нашла родителей в гостиной. Те сидели, держась за руки, у окна и смотрели друг на друга. Свет вечернего солнца широкой ярко-красной полосой падал через стекла и освещал лицо Чарльза. Фрэнсис, такая маленькая и неопытная, уловила выражение его глаз. Он смотрел на свою жену взглядом, исполненным нежности и преданности.

– Мама! – Она не знала, что кровь с ее разбитой коленки просочилась через ткань платья и что на ее щеках остались следы земли. – Мама, я больше никогда не смогу играть с Джоном?

Морин и Чарльз вздрогнули и в упор посмотрели на дочь. У матери вырвался испуганный возглас.

– Что с тобой? У тебя совершенно грязное лицо! А это что? Кровь?

– Я упала. Это ничего. Мама, миссис Ли сказала, что Джон не будет больше играть со мной. Потому что я наполовину крестьянская девочка. И что она не понимает, почему папа на тебе женился!

– Она сказала это тебе? – спросил Чарльз недоверчиво.

Фрэнсис, осознавая свою вину, опустила голову. Она знала, что подслушивать нельзя.

– Я слышала, как она сказала это мистеру Ли.

– Это невероятно! – Лицо Чарльза покраснело от гнева. Быстрыми шагами он направился к двери. – Я сейчас же найду Артура и скажу ему, что о нем думаю!

– Нет, Чарльз! – Морин тронула его за плечо. – Ты ничего этим не изменишь. Мы знаем, что все люди подобного сорта говорят о нас. Нам вообще не следует обращать на это никакого внимания.

– Я не хочу, чтобы от этого страдали дети!

– Они будут с этим сталкиваться, и ты не сможешь этому воспрепятствовать. – Морин погладила Фрэнсис по волосам. – Единственное, что мы можем сделать, это дать им достаточно самоуверенности, чтобы они всегда могли гордиться собой и своей семьей.

Морин было тринадцать лет, когда ее мать распрощалась с Дублином и переехала с ней в Англию. Кейт Лэнси давно приняла на себя роль кормилицы семьи, так как ее муж потерял работу. А когда он периодически все же находил какое-то место, то самое позднее через два дня опять вылетал с работы из-за постоянного пьянства. Кейт с утра до вечера пропадала в

больнице, где работала санитаркой, а по выходным подрабатывала кухаркой в состоятельных семьях, которым требовалась помощница для обслуживания больших ужинов.

Тем не менее, насколько помнила Морин, денег все равно никогда не хватало. Семья Лэнси жила в маленькой сырой квартире в трущобах Дублина, в унылом квартале, состоявшем из покрытых лужами и мусором улиц и рядов однообразных серых домов. В большинстве квартир было всего две комнаты, иногда еще крошечная кухня, но в основном готовили в жилой комнате. В таких небольших помещениях часто проживали семьи из шести-семи человек, и по сравнению с ними Лэнси, которых было всего трое, жили еще неплохо. У родителей имелась отдельная спальня – маленькая комнатка с косым полом, выходившая окнами на север; в ней никогда не было по-настоящему светло. По ночам гостиная была в распоряжении Морин, и она устраивала себе постель на просиженном диване. Иногда она чувствовала себя одиноко, и ей хотелось, чтобы у нее были братья и сестры, но Кейт сразу отклоняла любую связанную с этим просьбу.

– Самой большой ошибкой в моей жизни было то, что я вышла замуж за твоего отца, – говорила она, – но я определенно не собираюсь усугублять эту ошибку, рожая одного ребенка за другим. Ты можешь мне сказать, чем мы все будем питаться? Кроме того, у нас здесь и так не развернуться!

Кейт всегда презрительно отзывалась о соседях, которые размножились «словно кролики» и, по ее мнению, тем самым только ухудшали свое жалкое состояние. Она сама держала своего мужа на почтительном расстоянии, но Дэн Лэнси и без того часто являлся домой изрядно пьяным. В редких случаях, когда он был трезв и чувствовал в себе достаточную силу, чтобы осчастливить свою супругу в сексуальном плане, она так резко отвергала его, что он испуганно ретировался. Отец был слабым и добродушным человеком, полностью зависимым от своей пагубной привычки и ни в малейшей степени не способным заботиться о семье, но он никогда не был груб ни с Кейт, ни с Морин. Именно это было причиной того, что Кейт так долго его терпела. Она знала, что происходило в семьях соседей, и ей было очевидно, что ее Дэн был не самым худшим вариантом.

По ночам она часто лежала без сна – ей не давали спать бесконечные заботы. Надо было оплачивать жилье, покупать продукты и дрова для печки. Морин выросла из своей одежды, а ее обувь изнашивалась, и на зиму ей нужны были новые ботинки. А рядом с ней спал основательно напившийся Дэн...

Уже ранним утром он шел в паб и возвращался домой только к вечеру. Разумеется, ему нужны были деньги на изрядное количество спиртного. От жены Дэн не получал ничего, и она следила за тем, чтобы в квартире никогда не было денег, которыми он мог бы воспользоваться. Но Дэн брал все, что плохо лежало, и относил к торговцам, от которых не получал и половины той стоимости, в которую эти предметы когда-то оценивались. Однако на один день в пабе этого всегда хватало.

Однажды холодным ноябрьским утром он исчез с зимними сапогами, которые Кейт купила для Морин, сэкономив ради них на еде; она дополнительно брала ночные дежурства в больнице, чтобы скопить денег. Дэн получил за сапоги немалую сумму, которая позволила ему корчить из себя богача и по очереди угощать своих приятелей в пабе. Кейт узнала об этом вечером от своих соседей. Она не сказала ни слова, но ранним утром следующего дня уже стояла у дивана Морин, одетая и с сумкой в руке.

– Вставай и одевайся, – приказала она. – Мы уходим.

Заспанная и дрожащая от холода Морин собрала свои вещи и оделась, слыша, как в соседней комнате храпит ее отец.

– Куда мы пойдем? Что будет с отцом?

– Теперь мы будем жить самостоятельно, – сказала Кейт, – потому что от *него* можно ждать лишь одни неприятности. Пусть он поймет, как справляться одному.

Морин плакала два дня и две ночи напролет – ведь, несмотря ни на что, она очень любила отца и беспокоилась за него. Но так и не отважилась больше ничего сказать, поскольку на лице матери застыло выражение такой яростной решимости, что она знала – любые споры будут абсолютно бессмысленны.

Из последних денег Кейт оплатила поездку на корабле из Ирландии в Англию. 22 ноября 1886 года они прибыли в Холихед, а оттуда – в Шеффилд и далее в Халл, где Кейт нашла место на суконной фабрике. Здесь ей пришлось работать не менее тяжело, чем до этого в Дублине, но, по крайней мере, теперь не было больше никого, кто постоянно пытался присвоить себе часть ее денег или имущества. Она смогла снять относительно приличную комнату для себя и Морин и даже устроить дочь в небольшую школу для детей рабочих, что было большой редкостью и где преподавали только самое необходимое. Морин оказалась старательной, честолюбивой ученицей. Она буквально глотала книгу за книгой, что попадали ей в руки, и Кейт, поддерживавшая жажду знаний своей дочери, как только могла, часто отказывалась в течение нескольких дней от обеда, чтобы только купить новую книгу. Морин, таким образом, получила знания, значительно превосходившие уровень, который приличествовал девочке ее происхождения.

Это было прекрасное время, когда день ото дня крепились отношения между Кейт и Морин. Для Морин ее мать была самой сильной женщиной мира, прагматичной, целеустремленной, жесткой и решительной в осуществлении того, что она однажды задумала. Кейт ни разу не позволила себе оглянуться назад и размышлять о прошедших днях, часах, событиях. Лишь крайне редко она позволяла оживать своим воспоминаниям; тогда рассказывала дочери о своей юности в маленькой деревушке недалеко от Лимерика, на самом западе Ирландии, там, где земля была покрыта зеленью и влагой и где часто неделями шли дожди. Она рассказывала о силе, с которой воды Атлантики разбивались о берег, и о темных облачных башнях, которые они с собой несли. «Я часами бегала по скалам, смотрела на море, и, когда приходила домой, небо отражалось в лужах на полевых дорогах, и в переливающейся разными цветами воде я надеялась увидеть прекрасное будущее...»

Морин думала о несчастных годах в Дублине – и окидывала взглядом крошечную комнату, которую они с матерью обжили в Халле. В глубине души она считала, что ни одна мечта Кейт о будущем не осуществилась. Для себя самой Морин сделала однозначный вывод: никаких красивых картин будущего, никаких фантазий о хорошей жизни. Упорно работать и во всем находить компромисс. Это стало ее личной философией.

А потом, когда ей исполнилось шестнадцать лет, она встретила Чарльза Грея.

Он был третьим сыном в семье лорда Ричарда Грея, восьмого графа Лангфельда. Греи были богатыми и отличались снобизмом. Они жили роскошной, разнообразной жизнью, приличествующей людям их уровня и состоявшей из политики, участия в охотничьих обществах и балах, игр в поло и посещений оперы. Лорд Грей имел место в палате лордов и был твердо убежден, что владение поместьями и правительственными учреждениями – это одно и то же. Греи жили в Лондоне, в украшенном колоннами доме на Белгрейв-сквер, но, кроме того, владели семейной усадьбой в Сассексе и еще одним имением в Девоне. Также им принадлежал большой участок земли в Уэнслидейле, в Йоркшире: овечья ферма с просторным жилым домом, который назывался «Охотничий домик». Сюда, на ферму Уэстхилл, они приезжали на охоту – в конце августа на куропаток и в октябре на лис. Эти охоты отмечались как крупные общественные мероприятия, и в течение недели каждый вечер устраивались торжественные ужины, продолжавшиеся до раннего утра.

Участвуя в подобных празднествах осенью 1889 года, Чарльз Грей, который, правда, должен был унаследовать не графский титул, но солидные земельные угодья, встретил Морин Лэнси из трущоб Дублина.

У Кейт в то время дела шли неважно, и Морин нашла работу, чтобы заработать немного денег. Она получила место помощницы на кухне в одной состоятельной семье в Лидсе, и хозяйка отправила ее на неделю к леди Грей для помощи, так как по случаю охоты на красную дичь⁵ в сентябре каждый вечер устраивались грандиозные ужины. Так Морин впервые оказалась в Уэстхилле. Вместе с другой девушкой она ночевала в холодном помещении в подвале, в котором не было окон, а остальное время с раннего утра до поздней ночи проводила в кухне, чтобы позаботиться об удовольствиях, которые составляли «простую сельскую жизнь» утонченного общества.

Любовь сразила ее и Чарльза без каких-либо прелюдий. Чарльзу было тогда уже за тридцать, и в семье были обеспокоены тем, что он до сих пор не нашел подходящую партию для женитьбы. У него были темные волосы и светлые голубые глаза, что делало его достаточно привлекательным, но он был неловок, робок и слишком стеснителен, чтобы подобающим образом ухаживать за женщиной. Всю жизнь он пребывал под властью своего вспыльчивого, несдержанного отца, и в нем отсутствовало даже минимальное чувство собственного достоинства. Богатые, симпатичные девушки, с которыми мать настойчиво пыталась его знакомить, пугали его своим кокетством и вызывающими манерами. И вместо популярных среди молодежи вечеринок Чарльз предпочитал посвящать свободное время продолжительным прогулкам на природе. Чем больше он ощущал давление со стороны родителей в отношении женитьбы, тем больше уходил в себя.

Осознанно Чарльз увидел Морин впервые, когда однажды утром во время той самой охотничьей недели проснулся необычайно рано и – задолго до того, как был накрыт официальный завтрак – пробрался в кухню Уэстхилла и попросил кофе. Морин была там совершенно одна. Она выглядела усталой, но любезно улыбнулась и сказала: «Доброе утро, сэр. Вы уже встали?»

Вероятно, именно ее хриплый голос и нежный отзвук ирландского диалекта пленили Чарльза – а потом уже золотистые волосы, кошачьи глаза и мягкая улыбка.

Историю своего отъезда из Дублина, о времени, проведенном в Халле, о первой встрече с Чарльзом в Уэстхилле – об этом впоследствии Морин всегда с готовностью и очень подробно рассказывала своим детям. Истории о том, что происходило в дальнейшем, были более краткими. Очевидно, их отношения с Чарльзом завязались довольно быстро, причем, как ни странно, с ней у него произошел первый сексуальный опыт. После этого Чарльз почувствовал свою полную зависимость от нее. Вскоре в нем проснулось чувство, которое подсказывало ему, что без этой ирландской девчонки он больше не сможет жить.

В течение какого-то времени им удавалось держать в тайне романтические отношения. Морин должна была вернуться в Лидс, и они встречались в укромных сельских гостиницах между Лидсом и Дейл-Ли. Но вот настало время, когда Чарльз уже не мог больше тянуть со своим пребыванием в Уэстхилле и уехал назад в Лондон. Однако там он чувствовал себя почти больным от тоски и постоянно метался между Лондоном и Йоркширом. Разумеется, это не могло остаться незамеченным его семьей, и отец срочно распорядился выяснить причину.

Он быстро установил, что у Чарльза роман со служанкой, но сначала его это никак не встревожило. Напротив – опровергло целый ряд опасений, которые отец втайне испытывал в связи со сдержанностью Чарльза в его отношениях с женщинами. Наконец-то юноша превратился в мужчину. Он должен спокойно перебеситься и потом жениться на девушке из своей социальной среды.

В мае 1890 года Морин в ужасе сообщила Чарльзу, что она беременна. Ребенок должен появиться на свет в декабре.

⁵ Красная дичь (*охот.*) – лучшая болотная дичь (птицы).

– Это вообще не имеет никакого значения, – возразил Чарльз, – я все равно собирался спросить тебя, согласна ли ты выйти за меня замуж.

Морин, хотя ей было только семнадцать лет, значительно тверже стояла в жизни на ногах, чем наивный Чарльз, и знала, что их обоих ждет драма.

– Ты должен хорошо подумать, – предупредила она, – твоя семья не будет от этого в восторге.

– Им придется с этим смириться, – возразил Чарльз.

Скандал, который разразился в этой связи, был такой силы, что он непременно разлучил бы Морин и Чарльза, если бы они уже не были к этому времени такой крепкой парой. У старого Ричарда Грея один за другим происходили припадки бешенства, а его жена, рыдая, заперлась в своей комнате и никого не хотела видеть.

– Ты не в своем уме! – орал Ричард на своего сына. – То, что ты намереваешься сделать, совершенно невозможно! Это исключено!

– Я женюсь на Морин, отец. Мое решение непоколебимо, и ты ничего не сможешь изменить, – возражал Чарльз с настойчивостью в голосе, которой никто и никогда за ним не замечал. У Ричарда зародились определенные подозрения.

– Она что... я имею в виду, она...

– Да, она ждет ребенка.

– Ну так это ведь не трагедия, мой мальчик! – Отец постарался взять себя в руки и говорить спокойно. – Я знаю, что ты чувствуешь. Ты хочешь поступить как человек чести. Это очень порядочно, но ты не окажешь услугу ни ей, ни себе, если загубишь свое будущее. Мы дадим ей денег. Достаточно денег, чтобы она могла спокойно растить ребенка и при этом не жить в нищете. Договорились? Это значительно больше, чем она могла бы ожидать.

Чарльз смотрел на отца полным отвращения взглядом.

– Морин не возьмет наши деньги, – сказал он презрительно, – она бросит их тебе под ноги. И потом, я женюсь на ней не из-за порядочности, а потому что я люблю ее!

Ричард побагровел.

– Ты не женишься! – закричал он. – Она служанка! И, что еще хуже, ирландка! Но самое ужасное – это то, что она католичка!

– Я все это знаю.

– Если ты это сделаешь, то в приличное общество будешь уже не вхож!

– С удовольствием откажусь от общества.

– Я лишу тебя наследства. Ты ничего не получишь! Ничего! И перестанешь быть мне сыном!

Чарльз лишь пожал плечами. Позднее Морин иногда говорила, что будет до конца своих дней стыдиться того, что в то время сомневалась в Чарльзе. Она думала, что он не выдержит и в конце концов у него не хватит сил, чтобы вынести разрыв с семьей.

В действительности же Чарльз не вынес бы разрыва с Морин. Он был непоколебим, даже когда отец и в самом деле лишил его прав на земельные угодья и имущество. Тем не менее по закону Чарльзу полагалась денежная компенсация, размер которой определялся оценочной стоимостью всего имущества. Он получил ферму Уэстхилл в Йоркшире, а также денежную сумму, которую сразу поместил на депозит, чтобы получать с нее ежемесячный доход. От денег Чарльз хотел сначала отказаться, но Морин напомнила ему, что он должен подумать о будущем их детей. Только благодаря деньгам им действительно удалось в дальнейшем отправить Джорджа на учебу в такой элитный колледж, как Итон.

Контакт между Чарльзом и его семьей полностью оборвался. Ни родители, ни два его брата ничего не давали о себе знать. Лишь незамужняя сестра Маргарет была всегда к нему привязана. Она жила в Лондоне и регулярно писала ему, даже несколько раз навещала. Маргарет была в хороших отношениях с Морин. Обе женщины то и дело старались убедить Чарльза

примириться с отцом, но тот упорно отказывался это сделать. Маргарет сообщила, что и Ричард, которого они также множество раз уговаривали протянуть руку своему сыну, отказывался пойти навстречу.

– Я дождусь того дня, когда он сам приползет на коленях, – сказал он один-единственный раз. – А я абсолютно уверен, что он это сделает.

Фрэнсис никогда не сожалела, что не выросла в роскоши, на которую мог бы рассчитывать ее отец. Она знала, что ее детство и юность никогда не были бы так свободны и беззаботны. Йоркшир-Дейлз, который она так любила, тогда не стал бы ее родиной, а был бы всего лишь местом, где она проводила бы свои каникулы. Она никогда не бегала бы босиком и не скакала бы верхом по поместью. У нее не было бы матери, которая на коленях работала в саду, копалась в земле и при этом пела ирландские песни. И она никогда не ощутила бы приятную дрожь, с которой наблюдала за бабушкой Кейт, когда та вечерами сидела в кухне и повторяла молитвы, быстро перебирая пальцами четки и бормоча загадочные латинские слова.

Было 20 мая 1910 года. Стоял знойный день. Пчелы, насытившись, с жужжанием медленно кружили в воздухе. Из лесов и садов струился восхитительный цветочный аромат. На пастбищах коровы и овцы, отыскав тенистые места, терпеливо ждали, когда вечер принесет прохладу.

Дом замер под палящим полуденным солнцем. Слишком тихо, решила Фрэнсис. Даже когда господский дом Дейлвью своей тишиной и мрачностью часто казался склепом, все же хоть что-то напоминало о том, что там есть люди. Но в этот день создавалось ощущение, будто ничто не шевельнется за высокими окнами, словно старые стены затаили дыхание.

В этот день у Ли должен был состояться бал, посвященный началу лета, но в связи со смертью короля он был отменен. Тем более что в этот день, 20 мая, в Лондоне проходила торжественная церемония похорон, спустя две недели после смерти короля Эдуарда – раньше не успевали прибыть монархи Европы, чтобы отдать последние почести почившему королю. Тысячи людей собрались в Лондоне, заполнив улицы, по которым двигалась траурная процессия. Из-за необычайной жары люди один за другим падали в обморок, со многими случался тепловой удар. Повсюду в стране царил великий траур. Казалось, что на короткое время народ опять объединился, забыв о внутривосточных проблемах, обо всех волнениях и классовой борьбе, которые постоянно повсюду вспыхивали.

Фрэнсис и Джон договорились встретиться, и она надеялась, что тот об этом не забыл, как в прошлый раз. Гробовая тишина, повисшая над домом, пугала ее. Никто не вышел, как обычно, чтобы позаботиться о ее лошади. Из расположенных поблизости бытовок рабочих не доносилось не единого звука.

Фрэнсис спрыгнула с лошади, одернула длинную коричневую юбку и подвела животное вплотную к каменной входной лестнице, где была тень и где она могла привязать лошадь к перилам. Робко поднялась по ступеням и покачала бронзовый дверной молоточек в форме головы льва, но за дверью по-прежнему не раздалось ни единого звука. Фрэнсис решительно нажала ручку, дверь открылась, и она вошла.

В холле стояла приятная прохлада, но у Фрэнсис всегда возникало здесь тягостное ощущение от сумеречного света.

Стены были отделаны темным деревом и украшены многочисленными семейными портретами в золоченых рамках. Широкая изогнутая лестница вела наверх. С потолка свешивалась огромная люстра, но, кроме особо торжественных вечерних приемов, Фрэнсис никогда не видела, чтобы она горела. В люстру заправлялись настоящие свечи, которые зажигались все по отдельности. Это была долгая и утомительная работа, требовавшая немало времени и участия нескольких слуг.

«Не знаю, – думала Фрэнсис, – смогла бы я жить в таком доме».

Она зябко поежилась. Вдруг с лестницы донеслись какие-то звуки. Девушка посмотрела наверх.

По ступеням медленно спускался Джон. Даже в полумраке холла Фрэнсис разглядела, что он был бледным и утомленным, словно после бессонной ночи. Небритый, на щеках отросла щетина. На нем были черные брюки, сапоги для верховой езды и мятая рубашка. Усталым движением Джон убрал волосы со лба.

– Фрэнсис, – сказал он, – я как раз хотел посмотреть, не пришла ли ты уже... На сей раз я об этом не забыл.

Джон остановился перед ней, и она взяла его руки в свои. Они были ледяными.

– Что-нибудь случилось? – спросила Фрэнсис. – Здесь стоит такая тишина! И ты... ты белый, как стена, Джон!

В его темных глазах застыл страх, которого она раньше никогда у него не замечала.

– Мой отец, – ответил он тихо, – он умирает.

Где-то в доме три раза пробили часы. Какая-то дверь тихо открылась и так же тихо закрылась.

– О нет, – сказала Фрэнсис. Дрожь в ее теле усилилась, и у нее вдруг возникло непреодолимое желание покинуть холодный, темный дом и выбежать на горячее солнце, прочь от спертых запахов, который повис между старыми стенами. Она жаждала сладкого запаха сирени, которая цвела у въезда на ферму Уэстхилл.

Фрэнсис взяла себя в руки. Она не могла вот так просто сбежать.

– Джон, это ужасно. Мне очень жаль. Я знала, что он болен, но не думала, что все так плохо...

– У него уже давно проблемы с сердцем. Поэтому две недели тому назад они даже вызвали меня сюда из Кембриджа. С того дня, когда умер король, ему стало хуже.

Фрэнсис подумала о своем отце. Смерть короля он также перенес тяжело; замкнулся в себе и, казалось, предался безрадостным мыслям.

– Отец был очень расстроен, – продолжал Джон. – Все, что случается в нашей стране, его очень беспокоит. Для него король был последним бастионом. У меня такое впечатление, будто он боится, что вскоре на Англию обрушатся удары судьбы, один за другим. Он постоянно говорит о вторжении немцев, о революции рабочих и о победе социализма. И между делом отчаянно ловит ртом воздух, потому что едва может дышать. Сегодня утром мы уже решили... я не думаю, что он протянет дольше одного или двух дней.

– А как твоя мама?

– Наверху, у него. Хочет некоторое время побыть с ним наедине.

Фрэнсис все еще держала его холодные руки в своих теплых ладонях.

– Пойдем! Тебе надо выйти на воздух. Там так хорошо... Давай немного пройдемся!

Джон последовал за ней. Когда они вышли на улицу, навстречу теплому ласковому ветру, Фрэнсис глубоко вдохнула пьянящий воздух.

Они шли по полевой дороге. Справа и слева раскинулись молодые зеленые пастбища, на которых паслись коровы; они сонно лежали на лугу и лениво пытались отогнать хвостом назойливых мух.

– Я рад, что ты пришла, Фрэнсис, – прервал молчание Джон. – У меня сегодня столько всего вертелось в голове... мысли, связанные с будущим. И с тобой.

– Со мной?

– Помнишь письмо, которое я написал тебе две недели тому назад? Я хотел встретиться с тобой.

– Помню.

– Я написал, что должен с тобой непременно поговорить.

– Да.

Джон остановился. Его темно-каштановые волосы блестели на ярком солнце. Черты лица были напряжены. Казалось, что в последние часы он повзрослел на несколько лет.

– Я хотел тебя тогда спросить, не выйдешь ли ты за меня замуж. И сегодня хочу задать тебе тот же самый вопрос.

В тишине, которая последовала за его словами, Фрэнсис услышала, как где-то вдали две птицы перекликаются друг с другом, издавая пронзительные крики. И больше не было ни единого звука. Даже шелест листьев не нарушал послеполуденную тишину.

– Или, – сказал Джон через некоторое время, – ты ничего не отвечаешь от волнения, или потому, что отчаянно обдумываешь, как найти выход из неловкой ситуации, чтобы не обидеть меня.

– Просто ты застиг меня врасплох, только и всего.

– Я люблю тебя, Фрэнсис. Это действительно так, и ничто и никогда не может это изменить. Поэтому, – он почти рассерженно сорвал несколько листьев с куста на обочине дороги, – просто скажи «да» или «нет». Только не стой с таким видом, будто ты потрясена!

– Я и не стою с таким видом. Но я не могу вот так просто сказать «да» или «нет». У тебя было время обо всем подумать, а у меня – нет. Я должна, по крайней мере, хоть немного все взвесить!

Джон поморщился.

– Да, извини. Я не хочу на тебя давить.

Фрэнсис наблюдала за ним со стороны. Джон был очень привлекательным, и чувствовалось, что он это осознавал. По правде говоря – ей это было ясно, – он никоим образом не понимал, почему ей требуется время на размышление. Значительная часть снобистского поведения его семьи была свойственна также и ему, и он ожидал, что девушка, получившая от него предложение, должна отреагировать на него восторженно.

– Что ты будешь делать дальше? – спросила она.

– Дальше я хотел жениться на тебе. В зависимости от того...

– Да?

– Я не могу сейчас вернуться в Кембридж, если мой отец... если его больше не будет. Я ведь не могу оставить здесь мать одну со всем этим. Я должен попытаться найти хорошего управляющего. А потом хотел бы начать осуществлять мою давнюю мечту.

Фрэнсис знала Джона достаточно давно, чтобы быть в курсе его мечтаний.

– Ты имеешь в виду политику?

Он кивнул.

– Сейчас, когда умер король, состоятся парламентские выборы. Я хотел бы баллотироваться от тори здесь, в нашем избирательном округе.

– Тебе будет нелегко, – сказала Фрэнсис, думая при этом не только о его молодости. У консерваторов на севере Англии, где царила ужасная нищета и обострилось социальное напряжение, было непростое положение. В качестве представителя от Западного Йоркшира в нижней палате парламента с прошлого года был фанатичный социалист.

– Конечно, мне будет трудно, – согласился Джон. Он опять остановился; на его лице отразилась смесь усталости и решимости. – Мне только двадцать три года. Кроме того, Ли – самая богатая и влиятельная семья в нашем избирательном округе. Я смогу с этим справиться. В один прекрасный день я стану членом нижней палаты, вот увидишь. Я имею в виду... ты и это должна учитывать. Возможно, тебя пугает перспектива провести всю свою жизнь в Дейлвью, но этого не будет. Мы несколько месяцев в году будем жить в Лондоне. Мы сможем посещать театр и оперу и выходить в общество. Если ты захочешь, мы будем путешествовать. Париж, Рим, Венеция... куда пожелаешь. У нас будут дети, и...

– Джон! У тебя нет необходимости убеждать меня в том, что с тобой передо мной открывается красивая жизнь. Я и сама это знаю.

– И почему ты тогда колеблешься?

Фрэнсис уклонилась от его вопрошающего, растерянного взгляда и посмотрела вдаль. Сегодня холмы не уходили в облака; они четко вырисовывались на фоне неба. Почему она колебалась? Ни себе, ни ему в этот момент Фрэнсис не смогла бы дать однозначный ответ на этот вопрос. Определенным образом она тоже не была откровенна, когда сказала, что вопрос Джона застал ее врасплох и потому ей требуется время, чтобы подумать. Она не ожидала услышать предложение именно в *этот* момент, но всегда знала, что однажды он предложит ей выйти за него замуж. Так или иначе, это было ясно еще со времен их детства, когда он учил ее верховой езде и они вместе галопировали по лугам, а потом она пыталась выстирать в ручье его испачканные землей и покрытые пятнами от травы брюки, после того как он, упав, испугался, что у его чувствительной матери произойдет нервный срыв. Они это знали, как знали и все остальные, и, возможно, именно поэтому миссис Ли попыталась разлучить их, хотя ей это не удалось.

В течение тех долгих лет, которые Фрэнсис вынуждена была провести в ненавистной школе в Ричмонде, именно Джон утешал ее, когда она тосковала по дому, и удерживал от неподобающего поведения, могущего спровоцировать ее отчисление из школы. Как и в тот июньский день, когда Джон пришел на берег Свейла, чтобы утешить ее, он всегда был готов прийти ей на помощь. Он писал ей горы писем – нежных, веселых, ироничных, – которые доводили ее до смеха. Помимо членов ее семьи, он был для нее самым близким человеком на свете.

Что же вдруг встало между ними? Фрэнсис этого не понимала, но чувствовала, что это как-то связано с длительным, скрытым недовольством, в котором она жила после окончания школы. Это беспокойство, это ожидание чего-то, что оставалось для нее загадкой...

Неожиданно она вспомнила, что сказала Элис Чэпмен в тот день, когда они вместе сидели в саду и курили. «Вы хотели бы просто делать то, чего от вас ждут? Выйти замуж, родить детей, иметь гостеприимный дом и устраивать чаепития в женском обществе?»

– Сейчас я не могу этого сделать, – сказала Фрэнсис вслух.

Джон посмотрел на нее.

– Что?

Мрачный дом, в котором они должны будут вместе жить, в котором всегда холодно и в котором никогда нельзя разговаривать громко, потому что иначе у миссис Ли заболит голова...

– Мне нужно время, – объяснила она. – Я не могу вот так сразу переехать из дома моих родителей в твой дом. Когда же я буду стоять на собственных ногах? Как я пойму, могу ли утвердиться самостоятельно?

– Зачем тебе это понимать? Для чего?

– Ты вообще меня не понимаешь?

Джон взял ее руку. Последние недели и конкретно этот день принесли так много ужасного, что у него сейчас не осталось сил бороться с ней.

– Нет, – ответил он устало, – я не понимаю тебя. Я хочу быть рядом с отцом.

Они медленно пошли назад. Вскоре опять показались темные стены Дейлвью. Неожиданно Фрэнсис спросила:

– Что ты думаешь об избирательном праве женщин?

– Почему это вдруг пришло тебе в голову? – удивленно спросил Джон.

– Просто вдруг мелькнула мысль.

– Тебя занимают странные вещи!

– Так что ты об этом думаешь?

Джон вздохнул. Казалось, что эта тема его не очень интересовала, особенно в данный момент. Его отец умирал. Женщина, которую он любил, его отвергла. Он чувствовал себя одиноким и несчастным.

– Я просто считаю, что время для этого еще не пришло, – ответил он.

– Если слушать мужчин, то оно никогда не придет.

– Я не противник права голоса для женщин. Но не приемлю средств, которыми воинствующие суфражистки пытаются добиться своих целей. Своими насильственными действиями они только настраивают людей против себя, теряя их последние симпатии.

– Иногда мне кажется, что есть вещи, которые можно осуществить только с помощью насилия, – сказала Фрэнсис. – Пока женщины выдвигают свои требования в вежливой и дружелюбной форме, их никто не слушает. И только если они кричат и бьют оконные стекла, их замечают.

Они почти подошли к дому. Джон все время держал Фрэнсис за руку. Теперь он отпустил ее, взял ее лицо обеими руками и поцеловал в лоб. Потом отступил на шаг.

– Ты высказываешь опасные мысли, – сказал он. – Тебе не следует переживать по каждому поводу, Фрэнсис.

Она промолчала. Джон смотрел на нее, испытывая острое чувство тревоги. Несколько лет спустя он рассказал ей, что в тот момент им овладело такое сильное предчувствие надвигающейся беды, что его стало трясти от холода, несмотря на жаркую погоду. У него было ощущение, что разбилось нечто драгоценное, что принадлежало им обоим. Джон еще ничего не знал о войне, которая начнется через четыре года, о той бездне, в которую она увлечет их обоих, но осознавал, что их ждут тяжелые времена. Он сказал, что в тот вечер у него возникло чувство, что Фрэнсис своим нежеланием выйти за него замуж упустила рай, который они вместе могли бы обрести. И признался, что на самом деле никогда не мог простить ее.

– Но *зачем* тебе нужно в Лондон? – спрашивала Морин уже в третий раз.

Она выглядела растерянной и испуганной. На ней была одежда черного цвета, так как семья только что вернулась в Уэстхилл с церемонии похорон Артура Ли. В столовой Фрэнсис сообщила родителям, что она решила на некоторое время уехать в Лондон.

– Что же ты собираешься там делать? – спросил Чарльз. – Ты ведь не можешь просто куда-то поехать и не иметь представления, чем будешь там заниматься!

– Я подумала, что могла бы жить у тети Маргарет. И просто знакомиться с Лондоном.

– Мне кажется, что это довольно опасно для молодой девушки, – ответила Морин. – Лондон – как другой мир по сравнению с Дейл-Ли и даже с Ричмондом. Ты к этому не привыкла.

– Вот поэтому я и хочу туда поехать. Сколько мне еще киснуть в деревне?

– Ты могла бы подолгу жить в Лондоне, если б вышла замуж за Джона Ли, – неосторожно сказала Морин. – Но тогда ты была бы по меньшей мере...

Фрэнсис посмотрела на мать проницательным взглядом.

– Откуда же ты *это* знаешь?

– Одна из горничных в Дейлвью намекнула. Очевидно, между Джоном и его матерью возник конфликт, в ходе которого он сказал ей, что предложил тебе выйти за него замуж и что ты ему отказала.

– Я чего-то не знаю? – удивленно спросил Чарльз.

– Джон сделал Фрэнсис предложение, а она ответила ему отказом, – повторила Морин.

– Я сказала, что именно *сейчас* не могу выйти за него замуж. В смысле, *немедленно*.

– Сейчас ты не могла бы выйти за него в любом случае, из-за траура по Артуру Ли. Но у тебя была бы возможность свыкнуться с этой мыслью.

– Я хочу поехать в Лондон, – настаивала Фрэнсис. – И в данный момент не желаю строить никаких иных планов.

У Морин был озабоченный взгляд.

– Такие мужчины, как Джон Ли, не будут ждать тебя вечно. Если ты станешь слишком долго раздумывать, какая-нибудь другая женщина уведет его у тебя из-под носа.

– Но, кроме Джона Ли, на свете есть еще и другие мужчины, – вмешался Чарльз, – Фрэнсис получит еще немало предложений.

– Но она любит Джона. Сейчас она ломается, но если потом будет слишком поздно, нам придется пережить драму, – уверяла Морин.

– Мама, я не знаю, люблю ли Джона. Не знаю, хочу ли выйти за него. У меня в голове полный сумбур и неразбериха, и я не имею понятия, что хочу делать в жизни. Мне нужно время. Я просто должна однажды увидеть что-то другое. Хочу в Лондон, – повторила она.

– Тебя действительно трудно понять, – пожаловалась Морин. – Ты все время сетовала, что была вынуждена жить в Ричмонде и едва выдержала это из-за тоски по Уэстхиллу. Теперь ты здесь – и хочешь опять уехать!

– Это другое.

– К тому же, я не знаю, насколько подходящим вариантом является тетя Маргарет. У нее никогда не было детей, и она не от мира сего. Кто знает, сможет ли она присматривать за молодой девушкой?

– Маргарет наверняка отнесется к этому серьезно, – предположил Чарльз.

Морин подошла к окну и посмотрела на улицу. С утра было солнечно, но к вечеру с запада поплыли темные облака, и вдали раздались негромкие раскаты грома. Взволнованно кричали птицы. В воздухе уже пахло дождем, и стоял тяжелый сладковатый цветочный аромат.

– Наконец-то! – сказал Чарльз. – Как давно не было дождя!

Морин повернулась к ним. В ее глазах Фрэнсис прочитала, что она уже больше не встретит сопротивления. Так было всегда. В конечном счете Морин никогда не могла запретить что-то своим детям.

– Отец! – произнесла Фрэнсис.

Чарльз также принял к сведению безмолвное согласие своей жены. По отношению к их детям он мог оставаться непоколебимым, но ему тяжело было занять позицию, отличную от позиции Морин. И он смиренно пожал плечами:

– Если тебе надо уехать, поезжай.

В комнате бабушки всегда пахло лавандовым маслом. Кейт пользовалась им, сколько Фрэнсис себя помнила. Даже в самые худшие и голодные времена в Дублине ей удавалось один раз в год покупать флакончик и ежедневно легким прикосновением пальцев наносить маленькую каплю масла за уши. Никто не мог представить себе Кейт, от которой не исходил бы нежный аромат лаванды.

Когда в тот вечер Фрэнсис вошла в комнату с обоями в цветочек и с занавесками с таким же узором, она восприняла знакомый запах как особое утешение. Она приняла решение – и осуществит его; но с тех пор как родители уступили, Фрэнсис ощущала ком в горле.

Пока согласие родителей не было получено, все было так далеко... И вот прощание стало делом ближайшего будущего. Во время ужина Фрэнсис молчала и вполуха слушала оживленную болтовню Виктории, рассказывавшей о каком-то веселом происшествии в школе.

Морин, уткнувшись в свою тарелку, неожиданно сказала:

– Мы уже больше двух недель ничего не знаем о Джордже, а теперь уезжает и Фрэнсис... Скоро я вообще не буду знать, где находятся мои дети и чем они занимаются.

При упоминании имени Джорджа лицо Чарльза помрачнело.

– Джордж образумится и даст о себе знать, – промычал он, – а куда едет Фрэнсис, тебе ведь известно. У Маргарет ей будет хорошо.

– Если б только у нас был телефон! Тогда...

– Я куплю тебе телефон, – нервно сказал Чарльз, – потому что иначе в ближайшие недели ты сведешь меня с ума. Я куплю телефон, и ты сможешь десять раз в день звонить Маргарет и спрашивать, жива ли еще Фрэнсис.

Кейт сидела в своем кресле-качалке у окна, когда вошла Фрэнсис. На улице тем временем стемнело, и дождь лил стеной.

– Ты хотела поговорить со мной, бабушка? – спросила Фрэнсис.

Кейт отложила в сторону книгу, которую читала, и кивнула.

– Я хотела тебе сказать, что нахожу твоё решение верным. То, что ты задумала – хорошая идея. Смотри не передумай, даже если твоя мать в ближайшие дни будет слишком сокрушаться.

Фрэнсис села на кровать бабушки. Она была не меньше растеряна и озадачена, чем перед своим намерением отправиться в Лондон.

– Я надеюсь, бабушка, что поступаю правильно. Джон Ли сделал мне предложение, но я сказала, что сейчас не могу принять решение.

– Вероятно, ты действительно не можешь. Тогда ты правильно сделала, что сказала ему об этом.

– Мне кажется, дело даже вовсе не в нем, а только во мне. Если б я сейчас вышла замуж, то моя жизнь была бы точно определена. Но у меня такое ощущение, что я хочу до этого узнать еще и другую сторону жизни. Ту, о которой еще ничего не знаю, в которой ничто не предсказуемо. Все остальное... кажется, подавит меня. Как ты думаешь, это нормально?

– Нормально или нет, – ответила Кейт, – но ты, в любом случае, должна делать то, что считаешь нужным. То, что ты действительно *хочешь*, а не то, что диктуют определенные общественные нормы. Ты понимаешь? – Она улыбнулась. – У тебя к этому слишком предвзятое отношение. Твои родители пренебрегли всеми правилами приличия, когда поженились. Ты выросла совершенно свободной, если не принимать во внимание время, когда они отправили тебя в эту ужасную школу. Но это, слава богу, не согнуло тебя. Вероятно, ты никогда не сможешь жить в ограниченном пространстве, и это повлечет для тебя определенные проблемы – но это так. И ты должна с этим смириться.

– Если Джон женится на другой...

Кейт строго посмотрела на нее.

– Ты его любишь?

Фрэнсис сделала какое-то беспомощное движение рукой.

– Да. Мне кажется, да. Но...

– Но недостаточно, чтобы сейчас выйти за него замуж. Фрэнсис, возможно, ты потеряешь его. Но это опасение не должно определять твоё решение. Может быть, Джон – это та цена, которую ты должна заплатить. Что-то приходится платить всегда. Смотри, я... – Кейт запнулась. – Я никогда не рассказывала этого твоей матери, – продолжала она, – так как боялась, что она этого не перенесет. Но ты сильнее ее.

– Ты о чем?

– Речь идет о твоём дедушке Лэнси. О Дэне, этом ирландском голодранце, за которого я полвека тому назад вышла замуж. – В голосе Кейт слышались нежность и разочарованность. – Твоя мать считает, что мы больше о нем ничего не слышали. Я думаю, она цепляется за предположение, что он или жив, или, в крайнем случае, умер легкой смертью.

Фрэнсис внимательно посмотрела на бабушку.

– А ты что-то знаешь?

Кейт кивнула.

– В течение пяти лет после того, как уехала с Морин из Дублина, я поддерживала связь с одной знакомой, которая жила рядом с нами. Хотела знать, что стало с Дэном. – Ее лицо помрачнело. – Он умер. И умер в нищете. Один, на улице, оборванный и голодный. Перед смертью он даже не пил, потому что ему никто уже больше ничего не давал. Его выселили из квартиры, поскольку Дэн не мог оплачивать аренду. С этих пор он стал бездомным, блуждал по улицам Дублина, питался отходами, которые базарные торговцы превращали в месиво и

выбрасывали, когда демонтировали свои прилавки. Иногда ему удавалось собрать попрошайничеством немного денег, на которые он сразу же снова покупал спиртное. Зимой его иногда брали к себе домой сердобольные соседи из нашего поселка, благодаря чему он выживал в течение долгих холодных месяцев. Но ты же знаешь, люди там живут очень стесненно и бедно, и у них много своих проблем. Так что в какой-то момент они выставляли его за дверь, где царил холод и сырость. Ты не представляешь, какими сырыми бывают зимы в Дублине.

– Это ужасно, бабушка, – тихо сказала Фрэнсис.

– Он был весь в грязи и паразитах, от него исходил ужасный запах, – продолжала Кейт, – и, очевидно, он в буквальном смысле бросался людям в ноги, умоляя их дать ему хоть немного выпить. И самым ужасным было... самым ужасным было то, что если его упрекали, что он не может заплатить, Дэн всегда отвечал: «Кейт все уладит. Она сейчас в отъезде, но вернется и отдаст вам деньги. Она обязательно вернется!» Но Кейт так и не вернулась...

– Бабушка... – хотела что-то сказать Фрэнсис, но Кейт тут же прервала ее:

– Нет. Тебе не надо меня утешать. Я рассказала тебе это не для того, чтобы излить душу. Я просто хотела этим сказать, что когда я оставила твоего деда, чтобы начать в Англии новую жизнь, я знала, что это был единственный путь, которым я могла пойти. Не в том смысле, что иначе я погибла бы. Я и в Дублине могла бы заботиться о нас с Морин и как-то тащить на себе Дэна. Но я должна была бы еще больше, чем прежде, следить за нашим имуществом, чтобы он не превращал его постоянно в этот проклятый алкоголь, без которого, как он считал, не мог жить. Но в каком-то смысле я бы все же погибла. Что-то во мне каждый день постепенно умирало. Я потеряла радость к жизни, самоуважение, оптимизм. Я все больше теряла от той Кейт, которой некогда была. Я понимала, что должна уехать, и я уехала. Ценой стало... – она глубоко вздохнула, – ценой стало сообщение о том, как он умер, – и жить с этим дальше.

Фрэнсис встала, подошла к Кейт, села на корточки рядом с ее креслом и взяла ее руку.

– Горжусь тем, что я твоя внучка, – сказала она.

Июнь – сентябрь 1910 года

Лето 1910 года было жарким и сухим, и едва ли выпадал день, когда Фрэнсис не жалела, что уехала в Лондон, где ей было так тяжело справляться с этим зноем. День за днем с безоблачного неба палило яркое солнце. Но если в Уэнслидейле даже в самую жуткую жару с холмов дул легкий ветерок, то здесь, в Лондоне, духота висела над городом как свинцовый колпак, и каждое движение давалось с трудом. Это были дни, когда хотелось лениво полежать в саду Уэстхилла и помечтать, побродить по прохладному ручью, оседлать лошадь и прогуляться по полевым дорогам.

В красивом, элегантном доме тети Маргарет, на Беркли-сквер, в котором ничего не нужно было делать и где от жары ощущалось состояние полной разбитости, стоило только переступить порог дома, Фрэнсис чувствовала себя как пойманная птица. Она с тоской вспоминала о том, как они вместе с матерью сидели в кухне в Уэстхилле, пили пахту и болтали; но всякий раз, когда Фрэнсис была близка к тому, чтобы упаковать чемодан и уехать домой, она сжимала зубы и говорила себе, что осрамилась бы перед семьей по полной программе, если бы раньше времени закончила свое приключение, за которое так боролась.

Хуже было то, что приключение вовсе не было таковым. Тетя Маргарет вела большей частью, как она сама говорила, очень активную жизнь; но летом, как правило, ее друзья и знакомые, которые, разумеется, без исключения принадлежали к высшему обществу, уезжали из столицы за город. Лондон покидали все, кто мог, а из высшего общества оставались лишь немногие.

– Подожди, пока наступит осень, – утешала ее Маргарет, – тогда мы каждый вечер будем проводить в новой компании.

Она никогда не была замужем; в семье поговаривали, что в ранней юности ей разбил сердце один поклонник, отдав предпочтение другой девушке, но Маргарет сказала Фрэнсис, что в этой истории нет ни слова правды.

– У меня просто не было желания выходить замуж. Для чего мне на всю оставшуюся жизнь связывать себя с каким-то мужчиной, который будет только толстеть, мучить меня своим дурным настроением и в конце концов изменит мне с какой-нибудь молодой особой? Нет! Я приняла решение в пользу свободы и душевного покоя.

Кроме того, Маргарет заранее выкупила свою долю наследства, что обеспечило ей беззаботную жизнь без ограничений. В своем большом доме она держала повариху, дворецкого, двух помощниц по кухне и двух горничных. Утром Фрэнсис приносили в постель чай и тост с маслом, а потом появлялась спокойная, приветливая Пегги, чтобы помочь ей одеться и причешаться. Фрэнсис четко представляла себе, как выглядела бы жизнь ее отца, если бы он поменял свое решение и не женился бы на Морин. Он отказался ради нее от множества удобств, и в те месяцы, проведенные в Лондоне, уважение Фрэнсис к отцу еще больше возросло.

Она быстро поняла, что ее гардероб не соответствует лондонскому уровню, и несколько богатых на события недель занималась выбором фасонов и тканей, а также примерками у портнихи тети Маргарет. Дома по торжественным случаям девушка всегда надевала корсет, но в большом городе женщины уже распрощались с этим неудобным пережитком прошлого. В современных платьях талия и без того была так высоко, что корсет был излишним. Фрэнсис купила костюм и две юбки, элегантное расклепшенное пальто и красивые сапожки на шнурках песочного цвета. Она была в восторге от новой моды на шляпы – огромных размеров, искусно украшенные цветами и лентами – и от совершенно нового достижения: пуловеров. Это были вязаные изделия из шерсти или шелка, удобные и свободные, которые просто надевались через голову. Фрэнсис купила себе один пуловер из синего шелка, а другой – из коричневой шерсти.

Она чуть было не решилась даже на последний писк моды – юбку-брюки. На первый взгляд можно подумать, что на женщине юбка, так как ткань спадает широкими мягкими складками до самых щиколоток; но как только дама начинает движение, становится очевидным, что в действительности это брюки. Фрэнсис посчитала, что этот предмет одежды невероятно практичен, однако тетя Маргарет посоветовала ей воздержаться от покупки. Юбка-брюки вызывает всеобщее возбуждение и беспокойство, и только недавно, как рассказала Маргарет, две молодые женщины, которые были так одеты, подверглись нападкам со стороны группы разгневанных домохозяек из-за нарушения приличий, обычаев и морали, и в конечном счете были даже поколочены.

– Для таких вещей должно еще прийти время, – сказала Маргарет. – Люди привыкают ко всему, только постепенно; но до этого, очевидно, неизбежно серьезное раздражение по поводу каждого новшества.

Так проходили недели. Фрэнсис ходила гулять в Гайд-парк и по Стрэнду, написала два письма Джону, на которые он не ответил; несколько раз они с тетей Маргарет ходили в театр и один раз в оперетту, на знаменитую комическую оперу Гилберта и Салливана «Микадо». В книжном шкафу в гостиной тети Маргарет, во втором ряду, Фрэнсис обнаружила несколько спрятанных за собранием сочинений Шекспира книг с чуждым ей содержанием. Это была эротическая литература. Когда тетя уходила спать, девушка погружалась в чтение романа «Фанни Хилл» Клеланда или в «Разговоры проституток» Паллавичино.

То, что она там прочитала, сначала ее шокировало, и в течение некоторого времени Фрэнсис ежедневно поздравляла себя со своим решением отклонить предложение Джона. Брак, очевидно, предполагает и то, что супруги проделывают между собой очень неприятные и своеобразные вещи.

Несколько раз Маргарет устраивала торжественные ужины для немногих оставшихся в Лондоне друзей, и Фрэнсис впервые констатировала, что разговоры дам ее утомляют и что она одним ухом все время прислушивается к беседам мужчин. С тех пор как вязание все больше стало входить в моду, женщины начали беседовать не только о своих детях и проблемах с прислугой, но и об узорах для вязания и правых и левых петлях. Фрэнсис находила эти темы смертельно скучными. У мужчин разговоры тоже в основном ходили по кругу, но предметы их бесед были интереснее.

Этим душным летом 1910 года основу всех дискуссий составляли три темы: в связи со ставшими необходимыми новыми выборами на повестке дня снова появился проект закона о парламенте, который должен был отменить право вето Палаты лордов, принятое нижней палатой в апреле.

Другой темой было возможное вторжение немцев, ставшее предметом театральных постановок, газетных статей и книг, а также горячих дебатов на каждом углу, что постепенно превратилось в общенациональную истерию (причем представление о том, что может прийти немцам на ум, чтобы совершить вторжение в Англию, зачастую было абсурдным).

Третьей темой были суфражетки, мужеподобные женщины, которые практически вели войну против Британской империи и таким образом пытались компенсировать свои многочисленные разочарования. Среди гостей тети Маргарет были преимущественно приверженцы тори, которые в женском движении видели угрожающий выход из берегов и без того опасного и прогрессирующего либерализма и подозревали феминисток в поддержке мирового социализма.

Фрэнсис редко вмешивалась в дебаты, но внимательно слушала. Если вечер затягивался и вино все больше развязывало языки, мужчины начинали рассказывать двусмысленные анекдоты или нашептывали друг другу определенные фрагменты из дерзко-эротических баллад Суинберна, который умер за год до этого, но при жизни решительно выступал за столь жестко осуждаемый в консервативных кругах либерализм. Те же самые господа, которые прежде

высказывались за то, чтобы феминисток и коммунистов, без исключения, бросать в тюрьмы, казалось, были вполне готовы простить Суинберну его политические взгляды за некоторые, очевидно и в самом деле волнующие, стихи. Их лица становились красными, носы начинали блестеть, а в смехе слышались похотливость и жажда развлечений.

Фрэнсис, благодаря ее тайному чтению в то время, чрезвычайно остро реагировала на непристойности, часто считала мужчин ничтожными и все чаще задавалась вопросом, почему они считают себя более достойными, чем женщины, контролировать политические судьбы страны. В голове у нее крутилась масса мыслей, и даже если она зачастую злилась, все равно эти вечерние компании означали приятное развлечение в однообразии этого лета.

Было по-прежнему жарко. До сентября не произошло ровным счетом ничего.

Фрэнсис снова встретила с Элис Чэпмен в тот самый день, когда к тете Маргарет приехал Филипп Миддлтон.

Это было в начале сентября, и хотя конец лета тоже был теплым и необычайно сухим, гнетущая жара все же отступила, и жизнь в городе стала терпимой.

Утром Маргарет позвонила ее подруга, которая взволнованно попросила ее приехать, так как у нее возникла серьезная проблема.

– Старая добрая Энн немного склонна к истерии, – сказала Маргарет; она стояла перед зеркалом в холле своего дома и поправляла шляпу. – Но я думаю, что мне все же надо сейчас же поехать к ней. Я могу оставить тебя одну? – Она обернулась к Фрэнсис, испытующе посмотрела на нее и потом слегка потрепала по щеке. – Ты такая бледная... Тебе надо немного погулять.

– Я всегда бледная, – ответила Фрэнсис, – но ты права. Я погуляю.

Она бродила по Гайд-парку. Мужчины в круглых шляпах на голове сидели на лужайке, отдыхая в обеденный перерыв. Дамы небольшими группами прогуливались по дорожкам, болтали, шептались и смеялись. Два щенка с развевающимися в разные стороны ушами поочередно набрасывались друг на друга с громким тьяканьем. Дети запускали свои волчки. Кончики листьев на деревьях уже окрасились в пестрые цвета. Впервые Фрэнсис не ощутила в этот день шемящую тоску по дому, отравившую ей лето. Неожиданно она подумала, что и в Лондоне живется неплохо.

Вскоре девушка заметила в некотором отдалении довольно большое скопление людей. Испытывая любопытство, она ускорила шаг. Группа собравшихся насчитывала примерно человек сто, и при ближайшем рассмотрении они, все без исключения, оказались женщинами. Большинство явно принадлежали к привилегированным слоям общества, судя по тому, как хорошо и аккуратно они были одеты. Две женщины подняли вверх транспарант, на котором жирными черными буквами был написан лозунг Женского социально-политического союза: ПРАВО ГОЛОСА ЖЕНЩИНАМ!

Женщины столпились вокруг временно сооруженной деревянной площадки, на которой стояла молодая женщина в синем, наглухо застегнутом платье и произносила речь. Она была очень стройной, с тонкими чертами лица, выдававшими в ней чувствительную натуру. Ей было не больше тридцати лет, и при всей внешней хрупкости у нее оказался неожиданно энергичный голос.

– Уже несколько веков мы, женщины, поддерживаем мужчин. Мы заботимся о них, мы их слушаем, мы их утешаем, мы их ободряем. Мы возимся с детьми и оберегаем мужчин от множества мелких повседневных проблем. И таким образом помогаем им в их работе, в их карьере. Я думаю, что настало время использовать ту самую силу, которую мы до сего времени инвестировали в успех и преуспевание наших мужчин, чтобы обеспечить *наш* успех и *наше* преуспевание!

Раздались бурные аплодисменты. Молодая ораторша взяла стакан, который ей подала другая дама, и сделала глоток.

– Женщины во все времена доказывали, что у них есть сила, мужество и разум, и при этом они ни в чем не уступают мужчинам, – продолжала она. – Поэтому исключение женщин из важной, а может быть, и *самой важной* сферы общественной жизни – политики – является подлостью. Еще ни один мужчина не смог привести убедительной причины, почему женщина не имеет такого же права на непосредственное политическое управление, как он!

Фрэнсис остановилась совсем сзади. Недалеко от нее собралось несколько мужчин, на надежном расстоянии от женщин, но достаточно близко, чтобы Фрэнсис могла расслышать, о чем они говорили.

– Послушайте, послушайте! – воскликнул один из них. – Политическое управление! А потом женщины будут и членами парламента?

– А почему бы ей сразу не стать премьер-министром? – спросил другой.

– У власти в скором времени тоже непременно будет женщина.

Все засмеялись. Полноватый мужчина, постоянно вытиравший носовым платком пот со лба, заметил:

– Но все же она симпатяга, эта малышка! Вполне могла бы найти себе подходящего мужичка, и тогда бы ей не пришлось бездельничать в общественных парках и произносить глупые речи!

– Но слишком худа, – высказал свое мнение другой. – Тот, кто на нее клюнет, останется на бобах.

И снова раздался смех.

– Все, что этим женщинам нужно, – сказал толстяк, – так это мужчины, которые их однажды как следует...

Он наткнулся глазами на взгляд Фрэнсис и тут же смущенно замолчал. Остальные мужчины также поняли, что она слышала их разговор, и как-то беспомощно засмеялись. Фрэнсис смотрела на них с таким презрением, какое только могла выразить, а потом стала протискиваться вперед между другими женщинами.

– На протяжении века мы боролись оружием, которое нам дали мужчины, – продолжала выступавшая, – оружием, которое не представляет никакой опасности. По сути дела, мы были готовы приспособиться, подчиняли свои желания желаниям мужчин и старались не выдвигать никаких неподобающих требований в отношении большего равенства. Те немногие, кто действовал более решительно, в большинстве своем дорого заплатили за это. Остальные отстаивали свои интересы – большей частью это были весьма скромные желания – таким известным и благосклонно санкционированным мужчинами оружием, как лесть, простодушие – и проституция!

Среди присутствовавших возникло некоторое оживление.

Голос выступавшей женщины зазвучал громче.

– Да, проституция! Как часто пытались вы добиться чего-либо таким способом? А если вы, милые дамы, при этом еще симпатичны и сговорчивы, то награда не заставляла себя долго ждать. Мужчины в этом случае всегда были готовы пойти вам навстречу – но насколько далеко, это решали *сами мужчины*. Не так далеко, как *вы*, милые дамы, этого *требовали!*

Одна женщина, которая стояла в нескольких шагах от Фрэнсис, неожиданно разразилась слезами. Другая обняла ее и медленно вывела из толпы собравшихся.

– В течение нескольких лет ЖСПС боролся средствами, которые предоставлялись женскому движению. Мы вели себя мирно и были достаточно коммуникабельны. Мы аргументировали, обсуждали, призывали. Нас за это высмеивали и ни одной секунды не воспринимали всерьез.

Фрэнсис протиснулась еще немного вперед и при этом ткнула локтем в спину стоящую перед ней женщину.

– Извините, – сказала она.

– Ничего страшного, – ответила женщина и обернулась.

Это была Элис Чэпмен.

Она издала тихий возглас изумления.

– Фрэнсис Грей! Не может быть!

– Элис! Это действительно невероятное совпадение.

Элис улыбнулась.

– Девочка со слабым желудком... Далеко от дома, на митинге ЖСПС... Я поражена!

– Честно говоря, на митинг я попала случайно, – призналась Фрэнсис. Она сделала движение головой в сторону ораторской трибуны. – Кто это?

– Вы ее не знаете? Это Сильвия Панкхёрст!

– О, – воскликнула Фрэнсис благоговейно.

– Сильвия Панкхёрст – дочь Эммелин Панкхёрст, соучредительницы ЖСПС.

– Она мне нравится, – прошептала Фрэнсис.

– Мы сейчас делаем всё, чтобы нас воспринимали серьезно, – продолжала меж тем Сильвия Панкхёрст, – и будем делать это и впредь. Существует немало того, что нам следует взять у мужчин – и, в частности, понимание того, что радикальные изменения в большинстве случаев возможно осуществить только насильем. На протяжении всей истории человечества мужчины для достижения своих целей прибегали к оружию. И добивались успеха. И мы докажем, что извлекли из этого урок. Мы тоже прибегнем к оружию. Мы больше не станем просить, мы начнем бороться. В дальнейшем будут происходить уличные бои, будет литься кровь. Они бросят нас в тюрьмы, но мы продолжим нашу борьбу. И победим!

Вслед за ее словами раздалась долго не смолкавшие аплодисменты.

Элис тронула Фрэнсис за плечо.

– Пойдемте. Они еще долго будут говорить речи, но сейчас мне больше хотелось бы поговорить с вами. Давайте немного пройдемся, если не возражаете.

Они протиснулись сквозь толпу. Фрэнсис увидела нескольких полицейских в шлемах, вооруженных дубинками, которые зорко наблюдали за демонстрантами.

Элис презрительно фыркнула.

– Вы только посмотрите! Они как будто ловят преступников! И я скажу вам: они буквально ищут повод, чтобы принять решительные меры. Это невероятно, сколько агрессии испытывают мужчины в отношении женщин, которые протестуют против них...

Они удалились достаточно далеко, и мисс Панкхёрст уже не было слышно. Женщины шли по узкой тенистой дороге. Солнце над ними бросало косые лучи через листья, изображая филигранный узор на сухой земле.

– Как дела у Джорджа? – спросила Фрэнсис. – С того самого вечера мы ничего о нем не знаем.

– Он закончил с очень хорошими оценками, – сказала Элис, – и сейчас готовится к вступительным экзаменам в Сандхёрст. Надеется на стипендию, так как не хочет больше принимать деньги от своего отца.

Речь шла о военной академии в Сандхёрсте. Фрэнсис кивнула.

– У него все получится. Он живет сейчас у вас?

– Да. Временно. – Элис смерила Фрэнсис красноречивым взглядом. – А вы? Что вы делаете в Лондоне?

– Я живу у сестры моего отца. Еще с июня. Я ожидала от Лондона чего-то выдающегося, но до сих пор лишь страдала от жары и тосковала по дому.

– Почему бы вам не присоединиться к нам? – спросила Элис напрямик. – Вы ведь за право голоса для женщин?

Не дожидаясь ответа, она порывалась в сумке и достала ручку и блокнот. Что-то неразборчиво написала, оторвала листок и протянула его Фрэнсис.

– Это мой адрес. Заходите просто как-нибудь. Я буду рада. И Джордж тоже.

Фрэнсис растерянно взяла листок.

– Когда я, до встречи с вами, стояла там и слушала, – сказала она, – рядом со мной переговаривались несколько мужчин. Они прошлись по мисс Панкхёрст и по другим женщинам. Дело не только в том, что у них было иное мнение или другие взгляды на эти вопросы. Ужасно было то, с каким презрением, с какой ненавистью они говорили. Это было примитивно и отвратительно. И в этот момент я каким-то образом почувствовала себя униженной.

Элис улыбнулась.

– Вы еще очень молоды. И научитесь не испытывать больше подобных чувств. Вы поймете, что такие люди затягивают в грязь самих себя, а не нас. Обещаю: вы станете толстокожей, и вас не будет больше интересовать, что думают на ваш счет другие.

Возвращаясь домой под вечер – и сознавая свою вину, потому что Маргарет уже наверняка беспокоилась, – Фрэнсис задавалась вопросом: действительно ли она когда-нибудь обретет эту непоколебимую самоуверенность Элис Чэпмен? Иногда у нее возникало чувство, что ответы удалялись от нее тем дальше, чем настойчивее она спрашивала себя. Она сбежала от Джона, потому что боялась ограниченности брака. Потом приехала в Лондон, чтобы уяснить себе, чего она хочет на самом деле. Но теперь чувствовала себя еще более неуверенно, чем прежде.

Элис приводила ее в восторг. Эта молодая женщина добивалась цели с невероятной настойчивостью, не думая о том, что на своем пути она оставляет одни руины и осколки. У Фрэнсис не сложилось впечатления, что Элис переживала из-за ссоры между отцом и Джорджем. Но если бы тот оказался на стороне отца и против нее, ее так же мало это расстроило бы. Это были жертвы, которые необходимо было принести, и она их приносила. В ней было что-то от несентиментального прагматизма, о котором Фрэнсис знала от Кейт. «Какую-то цену всегда приходится платить».

Она шла пешком и очень торопилась, поэтому немного запыхалась, когда добралась до Беркли-сквер. Уже стемнело. Сентябрьским вечером в воздухе уже ощущался легкий запах осени, влажный и пряный, непривычный после летних месяцев. Дом был ярко освещен, из каждого окна струился свет. И хотя Фрэнсис шла довольно быстро, она немного замерзла. Вечера уже становились прохладными.

Мистер Уилсон, дворецкий, открыл ей дверь. Но к ней уже спешила Маргарет, бледная и взволнованная.

– Где же ты была? – закричала она. – Я так волновалась!

– Я встретила одну старую знакомую, – ответила Фрэнсис и, не подумав, добавила: – И я была на митинге ЖСПС. Там выступала Сильвия Панкхёрст.

– Боже мой! – проговорила испуганно Маргарет, и даже мистер Уилсон с трудом сохранил свое, обычно стоическое, выражение лица.

– Извини, что заставила тебя поволноваться, – сказала Фрэнсис, – я просто не обратила внимания на время. – Неожиданно она почувствовала, что голодна. – Ты уже ужинала, тетя Маргарет?

– Боюсь, что еда не полезет мне в горло... Я слишком понервничала. Сегодня был страшный день! – К удивлению Фрэнсис, голос Маргарет дрогнул.

Фрэнсис положила руку ей на плечо.

– Я этого не хотела. Я действительно не думала, что ты будешь так беспокоиться. На этот митинг я попала совершенно случайно, поэтому ты вообще не должна тревожиться.

Они медленно пошли в гостиную, где Маргарет упала на диван. Фрэнсис налила ей бренди, который та выпила залпом.

– Хорошо! – вздохнула она и отставила стакан. – Извини, дорогая! Ты можешь совершенно спокойно считать меня истеричкой. Я разволновалась не из-за тебя. Я просто беспокоюсь...

– О чем?

– Ах, эта Энн! Энн Миддлтон... Ну, ты помнишь, та самая подруга, которую я должна была сегодня навестить. Наверное, я все время кажусь людям свалкой для их душевного мусора. Особенно если у них проблемы с детьми. Вероятно, они считают, что у такой старой девы нет собственных забот, поэтому они могут спокойно оставить своих детей у нее и просить ее, чтобы... – Она запнулась, подумав, что Фрэнсис могла бы принять это на свой счет, и поспешно сказала: – Разумеется, я не тебя имею в виду! У тебя нет никаких проблем.

– О ком же ты тогда говоришь, тетя Маргарет? – спросила Фрэнсис, немного растерявшись.

– Я говорю об этом Филиппе, – процедила Маргарет. – Он *здесь*! Я этого не хотела, но Энн на пределе своих сил, и может произойти трагедия, если Филипп и дальше будет жить под одной крышей со своим отцом.

Фрэнсис наморщила лоб.

– А кто такой Филипп?

– Это сын Энн. Довольно симпатичный молодой человек... Я сначала подумала: черт подери, что мне с этим делать? Но потом посчитала, что могла бы оказать ей услугу по старой дружбе... ну и поскольку она, кажется, действительно в отчаянии. Но теперь мне представляется, что я не справлюсь, и если что-то потом случится, это будет моя вина!

Пока Фрэнсис напрасно старалась разобраться в несколько сумбурном рассказе своей тети, в дверь постучали, и в ответ на произнесенное Маргарет «войдите» в комнату вошел молодой человек. Он испуганно остановился, увидев, что Маргарет не одна.

– О, у вас гости... – Он хотел уйти, но Маргарет сделала ему знак рукой, чтобы он остался.

– Нет, всё в порядке. Подойдите ближе, Филипп. Фрэнсис, это Филипп Миддлтон. Филипп, это моя племянница Фрэнсис Грей из Йоркшира. – Маргарет встала; возможно, подействовал бренди, но она, казалось, опять была совершенно спокойна. – Давайте мы втроем в ближайшие недели куда-нибудь сходим, – добавила тетя.

Филипп подошел к Фрэнсис, наклонился и поцеловал ей руку. Когда он выпрямился и посмотрел на нее, Фрэнсис подумала, что редко встречала такого привлекательного мужчину и никогда не видела таких глаз, в которых читалось столько отчаяния и одиночества, такой ужасающей безнадежности, как в глазах Филиппа Миддлтона.

– Он трижды пытался покончить с собой, – поведала Маргарет, – и каждый раз его спасал только случай. Его мать уже на грани помешательства от страха, что он может опять попытаться это сделать.

– Ему надо лечиться. Почему она думает, что ты сможешь с этим справиться?

– Энн опасается, что он может навсегда остаться в психушке, если хоть раз попадет в жернова психиатрии, – объяснила Маргарет. – Она навела множество справок, и оказалось, что это ужасно – оказаться в психиатрической больнице. Энн очень надеется, что все наладится, если он не будет ежедневно общаться со своим отцом. Филипп очень плохо к нему относится.

Они сидели за завтраком в столовой. Фрэнсис отказалась от чая в постели, потому что ей хотелось поговорить с Маргарет. Филипп не появился. Тетя отправила мистера Уилсона наверх, чтобы тот посмотрел, всё ли в порядке, и тот сказал, что Филипп уже оделся и стоит у окна своей комнаты и смотрит на улицу. После этого Маргарет также отправилась наверх и через некоторое время вернулась с растерянным лицом.

– Он сказал, что не голоден и хочет только смотреть в окно. Он вежлив, но совершенно холоден.

– Почему он хотел покончить с собой? – спросила Фрэнсис, беря с сервировочного столика сосиски и яичницу. Этим утром она ощущала сильный голод.

– Не знаю, есть ли у него вообще склонность к депрессиям... во всяком случае, это, кажется, началось еще в школе. – У Маргарет, очевидно, в это утро также не было аппетита. Она выпила лишь немного чая и выглядела бледной и озабоченной. – Отец отправил его еще маленьким в очень строгий интернат. Филипп был на редкость чувствительным и мечтательным ребенком, очень робким и сдержанным. Его отец непременно хотел это из него выбить. Другие дети увидели в нем самого слабого и сразу начали над ним издеваться. С утра до вечера его дразнили и мучили.

– А не могли родители перевести его в другую школу?

– Его отец настоял именно на *этой* школе. Хотя, вероятно, такое случилось бы везде. По крайней мере, в том, что касается одноклассников. Но что в этом случае делало положение маленького Филиппа еще хуже, так это то, что и директор школы был отъявленным садистом. Он бил детей за малейшую провинность, и бил действительно жестоко. Кроме того, у него был наготове ряд безжалостных пыточных методов – например, держать ребенка запертым в течение трех дней и трех ночей в мрачном подвале. Некоторые ученики должны были снять с себя всю одежду, после чего на них выливали несколько ведер ледяной воды. Или тряпка смачивалась мочой, сминалась в ком и запихивалась бедному созданию, которое, по мнению директора школы, этого заслуживало, в рот...

Фрэнсис почувствовала позыв к рвоте и отодвинула тарелку. Теперь и у нее исчезло чувство голода.

– Но Филипп ведь наверняка ничего не сделал?

– Умышленно – совершенно точно нет. Напротив. Его как будто парализовало от страха, и он старался ни по какому поводу не вызывать недовольства. Но, разумеется, именно тогда и случается одна беда за другой... Кроме того, как я уже говорила, его мучили и другие дети; таким образом, его часто наказывали за то, что они ему устраивали – опрокинутые чернила на его парте, неубранная постель, разорванная одежда...

– Это на самом деле страшно, тетя Маргарет!

Та озабоченно кивнула.

– Директор тогда тоже придирался к нему. При этом нашел союзника в лице отца Филиппа, который был убежден в том, что именно это сделает из его сына мужчину.

– Я не понимаю, как можно быть таким жестоким со своим собственным ребенком! И он уже тогда пытался совершить самоубийство?

– Когда был ребенком – еще нет. Он только несколько раз сбегал, но каждый раз его возвращали, и за побег надо было платить приличные деньги. Позднее, в старших классах, лучше не стало, и однажды он вскрыл себе вены, но его спасли. Тогда ему было пятнадцать лет.

– А сколько ему сейчас?

– Двадцать четыре. Его отец настоял на том, чтобы Филипп пошел в военную академию. Он должен был непременно стать старшим офицером. Но к муштре мальчик, естественно, вообще не был готов. И снова попытался вскрыть вены. После этого ему пришлось уйти из академии – там не захотели иметь среди учащихся самоубийцу.

– И что он теперь делает? – спросила Фрэнсис.

Маргарет пожала плечами:

– В принципе ничего. Сидит дома, пребывая в полной апатии. Отец обрушивается на него при каждой возможности, называет его трусом и неудачником. В начале года Филипп пытался отравиться.

– А его мать? – резко спросила Фрэнсис. – Почему она это допускает? Как она могла терпеть все это столько лет? Ей надо было настаивать на своем, а не подчиняться отцу.

– Но как? Он же ее муж, – сказала Маргарет таким тоном, словно это было совершенно убедительное объяснение.

Пока Фрэнсис размышляла над ее ответом, дверь открылась и в комнату вошел Филипп. Он робко улыбался.

– Доброе утро, леди Грей. Доброе утро, мисс Фрэнсис.

– Как замечательно, что вы все же решили составить нам компанию, – воскликнула Маргарет подчеркнуто бодро. – Пожалуйста, присаживайтесь!

Юноша сел напротив Фрэнсис.

– Я бы выпил немного чая, – сказал он.

– Вы слишком худы для вашего роста, – констатировала Маргарет. – Вам надо немного поесть.

– Утром у меня никогда нет аппетита, – возразил Филипп.

Фрэнсис украдкой посмотрела на него. У Филиппа были очень тонкие черты лица, чувствительный узкий рот, густые темно-русые волосы. Зеленые глаза с длинными ресницами можно было бы назвать самым красивым фрагментом его лица, если бы они не были наполнены пугающим отчаянием. Как и накануне вечером, Фрэнсис опять охватил ужас.

Неожиданно Филипп поднял глаза. Она не поддавалась первому порыву быстро отвести взгляд, и их глаза встретились. Фрэнсис улыбнулась, и через секунду удивления Филипп ответил на ее улыбку.

– Давайте предпримем сегодня что-нибудь приятное, – предложила Маргарет. – Кто знает, сколько еще продержится хорошая погода! Мы могли бы поехать в Хелмсли и устроить пикник на берегу Темзы...

– Конечно. Если вы хотите, – ответил Филипп вежливо.

Маргарет вздохнула.

– Простите! – сказал мистер Уилсон, дворецкий, незаметно войдя в комнату. – Мисс Грей просят к телефону.

Это была Элис Чэпмен. Она приглашала Фрэнсис вечером на встречу ЖСПС.

Фрэнсис согласилась, и у Маргарет появилось серьезное основание, чтобы еще раз глубоко вздохнуть.

Ей стало ясно, что она приютила в своем доме не только склонного к суицидам молодого человека, но еще и суфражетку.

Четверг, 26 декабря 1996 года

Пока Барбара читала, ее руки заледенели. Она отложила листки в сторону и потерла руки под одеялом одна о другую, чтобы усилить в них кровообращение и согреть. Комната постепенно превращалась в ледяную пещеру. У нее мелькнула мысль: интересно, кто здесь раньше спал. Чарльз и Морин? Бабушка Кейт? Кто-то из детей? Может быть, Фрэнсис? Она представила себе, каким в то время было холодное зимнее утро. Потрескивающий огонь в камине. Запахи кофе и поджаренного сала, поднимающиеся вверх. Украшенная елка в гостиной. Голоса шести человек, или даже семи, если считать горничную Аделину. И все друг друга перекрикивают, болтают, смеются и спорят... Дом, полный тепла и жизни. В какой-то момент у Барбары возникло чувство тоски; в ней шевельнулось что-то, что до сего времени никогда не проявлялось в виде желания.

«Это тоже жизнь, – подумала она, – в доме, вдали от города, с семьей...»

Но потом старшая дочь уезжает и присоединяется к воинствующим суфражисткам, что сегодня примерно соответствовало бы вступлению в террористическую организацию. Что еще ждало семью Грей? На пороге стояла Первая мировая война, а сын вступил в призывной возраст...

Она будет читать дальше. Она *обязательно* прочтет, что было дальше. Но сейчас должна что-то съесть. За последние часы Барбара просто-напросто забыла про голод, но он приходил в ее сознание все более настойчиво. Ее удивляло, что два дня голодания привели к такому ощущению слабости.

– Можно войти? – спросил голос за дверью. Это был Ральф. Он вошел, принес с собой запах морозного воздуха. Его щеки покраснелись от холода. – Завтрак готов, – сообщил он.

– Боже мой, – воскликнула Барбара с чувством вины. – А я все еще лежу в постели! Извини... – Она заметила, что его волосы были влажными. – Как погода?

– Идет снег. Я расчистил дорогу к сараю и принес дрова. Снег, похоже, не собирается прекращаться. – Он подошел ближе и осторожно дотронулся до ее подбородка. – Кровоподтек просто ужасный!

– Зеленый или синий?.. И боль тоже довольно сильная...

– Можно подумать, что ты принимала участие в боксерском поединке. Тебе надо было, наверное, сразу положить лед. Этого у нас, в конце концов, предостаточно!

Барбара спустила ноги с кровати.

– Я была слишком расстроена... Что у нас на завтрак?

– Чай сколько захочешь, – ответил Ральф лаконично, – половина яйца вкрутую и по куску хлеба для каждого. И тогда у нас останутся еще два яйца, два куска хлеба, немного масла и джема. А потом – всё.

– Во всяком случае, в этом году у нас не будет традиционной праздничной проблемы, – успокоила Барбара. – Нам не надо будет думать о том, как сбросить несколько фунтов, которые мы обычно наедаем за праздники.

– Мы вернемся стройными и закаленными, – добавил Ральф. – Голодание, уборка снега и колка дров не останутся без последствий.

Они оба несколько натужно рассмеялись, потом Ральф кивком указал на стопку листов на тумбочке Барбары.

– Ага, так ты действительно читаешь это?

– Да. Очень интересно. Эта Фрэнсис, чья фотография стоит на камине, была среди женщин, которые боролись за право голоса женщин в Англии.

– Да? Странно... – Как и многие мужчины, Ральф испытывал скрытую неприязнь к феминисткам, не будучи, в общем-то, противником их целей. – Так ты идешь завтракать?

Барбара влезла в халат.

– Можешь себе представить, что здесь когда-то жила семья из шести человек и горничная? – спросила она, спускаясь вслед за Ральфом вниз по лестнице. – Трое детей, родители, бабушка. И собака. Сад, должно быть, летом был великолепен... И когда-то все они были очень счастливы.

Ральф остановился и повернулся к ней. В сумеречном свете лестницы Барбара с трудом могла разглядеть его лицо, но тем более отчетливо уловила оттенок горечи в голосе мужа.

– Замечательно! – сказал он. – Это очень сильно напоминает мне мое представление о том, что для меня является понятием «счастье». У тебя это, правда, всегда вызывало полное непонимание и мгновенное неприятие. Но, к твоему собственному удивлению, ты, кажется, обнаружила, что это может иметь свою привлекательность...

Она ничего не ответила.

Позднее, после скудного завтрака, который скорее возбудил желудки, чем насытил их, Ральф сказал:

– Я считал, что это невозможно, но проклятая пурга, кажется, не закончится никогда. Если так будет продолжаться, то у нас возникнут серьезные проблемы.

– Ты имеешь в виду, с едой?

– Да. У нас есть немного лишь на завтрашнее утро. И это только в том случае, если мы сегодня больше ничего не будем есть, что довольно непросто. Потом мы сядем на мель.

Барбара кивнула. Впервые с тех пор, как они оказались здесь, у нее зародился страх. Она видела несметное количество падающего снега. Он будет идти дни, недели... Они с Ральфом усядутся в этой кухне перед чашками с кофе, а когда его запас закончится – перед чашками с чаем, и их мысли будут только о еде, и больше ни о чем на свете...

«Послушай, – приказала она себе, – не говори всякую чепуху!»

– Конечно, так быстро голодной смертью не умирают, – продолжал Ральф, – но это состояние вызывает дискомфорт, и у меня нет особого желания слишком долго терпеть его. – Он отодвинул свою тарелку, на которой лежала яичная скорлупа – жалкие остатки их убогой трапезы. – Это начинает действовать мне на нервы. Завтра мне исполняется сорок лет, и праздничная еда будет опять состоять из одного сваренного вкрутую яйца и куска хлеба... Ночью я уже видел сон с полными тарелками и кастрюлями!

Барбара подлила себе кофе.

– У меня все то же самое. Но, боюсь, мы мало что можем сделать.

– В подвале стоит пара лыж. На них я мог бы попробовать доехать до Дейл-Ли.

– Слишком опасно. Мы приехали сюда три дня назад в сумерках, было уже почти темно. Поэтому у нас есть только примерное представление, в каком направлении отсюда расположен Дейл-Ли, и даже здесь мы можем заблудиться. Предположим, ты заблудишься. В такой холод и в такую пургу это может стоить тебе жизни!

– Я об этом подумал, Барбара. Конечно, существует риск, что деревню вообще не удастся найти. Но даже если здесь действительно уединенная местность, то ведь не всё полностью вымерло! Даже если заблудишься, все равно рано или поздно наткнешься на какую-нибудь ферму или жилой дом.

– Если не повезет, то, может, и нет.

– Мы все-таки в Уэнслидейле в Северном Йоркшире, – сказал Ральф, – а не в сибирских широтах, хотя сейчас это выглядит именно так. Не может быть, чтобы за все время пути в течение дня мне не встретился бы ни один человек.

– Тогда, по крайней мере, давай пойдем вместе, – предложила Барбара.

Ральф покачал головой.

– Там только одна пара лыж.

– Я нахожу эту идею не очень удачной. Но ты, кажется, настроен решительно...

Он потянулся через стол и взял ее руку. Этот жест был редким для них, и Барбара воспринимала его как своеобразную нежность.

– Я не намерен идти сегодня. Я только подумал, что нам надо составить план на тот случай, если погода не улучшится.

Барбара кивнула и снова взялась за кофейник, хотя из своих радикальных курсов диет, которыми она увлекалась в прежние годы, ей было известно, что большое количество кофе на почти пустой желудок может вызвать желудочные боли.

Но в данный момент ей это было совершенно безразлично.

Они разгребли снег и накололи дров, и Барбаре пришлось обрабатывать кровавые пузыри на руках Ральфа, которые появились у него во время работы, несмотря на перчатки. Оба были уставшими и голодными и изо всех сил старались не думать о еде или о такой роскоши, как горячая ванна с обильной пеной. Ральф предложил Барбаре подогреть для нее на плите воду и принести наверх, пока заполнится ванна на старомодных изогнутых ножках, но Барбара сказала, что подобные усилия не соответствуют реальной пользе.

Ральф, совершенно измотанный, кажется, вздохнул с облегчением. Он нашел на полке детектив об Эржюле Пуаро и отправился с ним в столовую к камину, в то время как Барбара готовила чай из неисчерпаемых запасов Лоры. Она ощущала сильную боль в желудке. На улице стемнело, и с неба каскадом падали снежные хлопья. Барбара резким движением задернула занавеску на кухонном окне. Больше не могла смотреть на этот проклятый снег.

На столе лежала рукопись Фрэнсис Грей. Барбара читала ее весь день напролет, отрываясь лишь на неприятную работу, которую было необходимо сделать. Фрэнсис Грей осенью 1910 года часто встречалась с Элис Чэпмен и участвовала в мероприятиях ЖСПС. Она увидела со своим братом Джорджем, который тяжело переживал размолвку с отцом, но которому гордость и самоуважение не позволяли самому сделать первый шаг. Еще раз написала Джону Ли, но тот опять ничего не ответил. У нее было несколько столкновений с Маргарет, которая, мягко говоря, не одобряла общения своей племянницы с воинствующими суфражистками.

В течение этих недель тетя столкнулась с серьезным противоречием и не могла принять нужное решение. С одной стороны, она чувствовала себя обязанной сообщить родителям Фрэнсис об опасных амбициях их дочери; с другой стороны, опасалась показаться нелояльной, если выдаст племянницу и тем самым причинит ей неприятности. У нее и так совсем сдали нервы, поскольку она старалась не спускать с Филиппа глаз, подозревая, что тот только и ждет возможности снова наложить на себя руки. А ночью лежала без сна и размышляла о том, что может случиться с обоими молодыми людьми, которых ей доверили.

Филипп, в свою очередь, хотел сблизиться с Фрэнсис, но та скорее терпела это, так как была слишком занята с Элис, чтобы заботиться о меланхоличном молодом человеке с разбитой душой.

Филипп писал ей стихи и дарил цветы, но Фрэнсис, полностью ушедшая в свои мысли, не понимала тогда, что он давно и безнадежно в нее влюблен. Ее занимали лишь две вещи: право голоса для женщин и воспоминания о Джоне.

Воздыхатель не имел понятия, что Фрэнсис любила другого мужчину и мучилась сомнениями, что приняла ошибочное решение, когда отвергла его предложение. Он думал, что ее нетерпение по отношению к нему и рассеянность связаны исключительно с ее активной деятельностью в ЖСПС. В этом вопросе он встал полностью на ее сторону и постоянно подбадривал ее – но делал это настолько робко и сдержанно, что Фрэнсис едва ли замечала, что у нее есть единомышленник. Иногда они ходили вместе на прогулку или в театр, но она делала это скорее из сострадания, так как отчасти чувствовала свою вину и то и дело думала о том, что должна больше заботиться о человеке, который столько пережил...

Барбара села за стол и попробовала чай. Напиток был отвратительным, но на упаковке было написано, что он помогает от боли в желудке. Она погрела руки о горячую чашку и стала пить небольшими осторожными глотками.

Потом снова погрузилась в чтение.

Ноябрь – декабрь 1910 года

– Могу я тебя побеспокоить, Фрэнсис? – спросила Маргарет, просунув голову в дверь комнаты племянницы.

Та сидела в постели с толстым шерстяным шарфом, повязанным вокруг шеи, и держала в руках стакан молока с медом. Она была бледна, а ее глаза лихорадочно блестели.

– Ты неважно выглядишь, – констатировала Маргарет и положила руку на лоб Фрэнсис. – Да у тебя температура!

– Я и чувствую себя довольно скверно, – согласилась Фрэнсис. Уже не первую неделю она боролась с сильной простудой, но ей не становилось лучше.

– Ты знаешь, я действительно сожалею, что ты болеешь, но все же должна признаться: я чувствую настоящее облегчение, что ты сегодня не пойдешь на этот... как называется это мероприятие?

– Женский парламент.

– Да. Я бы очень беспокоилась. Никогда не знаешь, чем может закончиться нечто подобное. Я... я могу полагаться на то, что ты останешься дома?

Только сейчас Фрэнсис заметила, что на Маргарет были пальто и перчатки.

– Ты уходишь?

– Да, на бридж с чаепитием к леди Стенхоуп. Сперва я хотела отказаться, так как подумала, что мне надо быть дома, если ты вдруг плохо себя почувствуешь, и, конечно, из-за Филиппа, но... один раз я, пожалуй, могу увидаться со своими подругами.

Фрэнсис ощутила чувство вины, осознав, насколько ее тетя ограничила свою привычную жизнь, взяв на себя заботу о двух молодых людях в собственном доме.

– Конечно, иди, – сказала она, – и не беспокойся. Со мной ничего не случится. Я проведу остаток дня в своей комнате и постараюсь поправиться. Никаких уличных боев, тетя Маргарет!

– Тогда я действительно спокойна, – ответила та с облегчением. – Присмотри тогда немного за Филиппом, хорошо? Вы могли бы вместе поужинать...

– Честно говоря, я боюсь, что у меня не будет аппетита. Но я могу составить ему компанию. Хорошего тебе дня, и не думай постоянно о нас. Мы ведь уже не маленькие дети!

– Знаешь, – сказала Маргарет, – я очень часто сожалела, что у меня нет собственных детей, но постепенно я начинаю видеть в этом и положительные стороны. – Она погладила Фрэнсис по голове. – Ты – прелестная девушка, это правда, и Филиппа я тоже очень люблю. Но, – она повернулась к двери, – но от забот никогда нельзя уйти полностью, не так ли?

Фрэнсис проспала несколько часов. За окном барабанил нудный ноябрьский дождь, быстро сгушались ранние осенние сумерки. Когда она проснулась, было пять часов вечера. В доме стояла тишина.

Девушка встала. Она чувствовала себя лучше. Сон придал ей силы, и голова уже не болела так сильно, как с утра. У нее даже появилось небольшое чувство голода.

Она решила пойти в кухню и обсудить с кухаркой меню на ужин. Проходя мимо комнаты Филиппа, замешкалась и постучала в дверь.

– Войдите, – отозвался Филипп.

Он, как обычно, стоял у окна и смотрел в темноту, на дождь. В комнате горела лишь небольшая лампа, слабо освещающая его лицо. Когда Филипп увидел Фрэнсис, его напряженные черты лица озарила улыбка.

– Фрэнсис! – Он подошел к ней. – Как ваши дела? Вы чувствуете себя получше? – Кажется, молодой человек импульсивно хотел взять ее за руки, но робость не позволила ему это

сделать. Филипп так и остался стоять перед ней с опущенными руками. – Вы выглядите гораздо лучше, чем сегодня утром, – констатировал он.

– Я и чувствую себя лучше. Я как раз хотела поговорить с кухаркой по поводу ужина... Вы ведь поужинаете со мной?

– Конечно! – Он оживленно закивал. И, как всегда, что-то смутило Фрэнсис в его поведении.

– Хорошо, – сказала она. – Тогда увидимся позже.

Филипп протянул руку, но снова не дотронулся до нее.

– Фрэнсис...

– Да?

– Я... это звучит, наверное, глупо, но я очень рад, что познакомился с вами!

«Боже мой», – только и подумала Фрэнсис, но вслух сказала:

– Мне тоже приятно, что мы встретились, Филипп.

– Никогда не думал, что когда-нибудь скажу женщине нечто подобное. Я имею в виду, то, что я рад знакомству с вами. – Он все еще не знал, куда деть руки. Но его такие безразличные, полные безысходности глаза засветились. – Никогда не предполагал, что буду испытывать к женщине такие чувства, – тихо добавил он.

– Филипп, вы ведь едва знаете меня, – возразила Фрэнсис и неуверенно засмеялась.

– Я знаю вас. Знаю намного лучше, чем вы думаете. Я часто думаю о вас...

Фрэнсис не знала, что ей ответить, и молчала.

У Филиппа появилось ощущение, что он зашел слишком далеко. Он также замолчал; наконец произнес, запинаясь:

– Я вас... я имею в виду, что, надеюсь, не поставил вас в затруднительное положение.

– Ничуть, – уверила его Фрэнсис, отчаянно думая, как выпутаться из ситуации, чтобы не обидеть юношу. – Я... мы должны подумать об ужине.

Филипп был задет – его выдали выразительные черты лица. Он старался это скрыть, но его улыбка выглядела искусственной и напряженной.

– Хорошо, – сказал он, – идемте же вниз.

Они дошли до середины лестницы, когда сильный стук в дверь заставил обоих вздрогнуть.

– Но это не может быть тетя Маргарет! – испуганно сказала Фрэнсис.

Прибежал мистер Уилсон. На его лице было написано возмущение таким безобразным поведением, которое проявлял неизвестный гость. Он открыл дверь – и тут же мимо него в холл ворвалась молодая женщина. Ее промокшее пальто, прилипшее к телу, походило на половую тряпку, мокрые спутанные волосы свисали на плечи. Под правым глазом у нее была рана, из которой сочилась кровь.

– Здесь живет Фрэнсис Грей? – спросила она.

– Могу я узнать ваше имя? – недовольно спросил Уилсон.

– Это я мисс Грей. – Фрэнсис спустилась по лестнице и едва успела подхватить молодую женщину, которая чуть не упала на пол. Вместе с Уилсоном они довели ее до стула и помогли сесть.

– Извините, – прошептала незнакомка. Ее губы побелели. – У меня всего лишь немного закружилась голова.

Фрэнсис вынула носовой платок и приложила его к ране.

– Уилсон, принесите, пожалуйста, что-нибудь дезинфицирующее, – попросила она, – а вы, Филипп, – бренди тети Маргарет. Ей нужно восстановить кровообращение.

Филипп сразу же послушно отправился за бренди, а Уилсон замешкался.

– Мы ничего не знаем о личности этой... – начал он.

– Луиза Эпплтон, – ответила женщина слабым голосом. – Меня послала Элис Чэпмен.

– Элис? – Фрэнсис сразу встревожилась. – Сделайте же наконец то, что я вам сказала! – набросилась она на Уилсона. Потом села на корточки рядом с Луизой и взяла ее за руку. – Что с Элис?

– Ее арестовали. Она ранена. Она еще успела назвать мне ваше имя и ваш адрес. Вы должны сообщить об этом жениху Элис. – Она явно боролась со слезами. – Это было так ужасно!..

– Вас задержала полиция?

Луиза не смогла больше сдерживать плач.

– Я еще никогда не видела, чтобы мужчины с такой жестокостью обращались с женщинами, – всхлипывала она. – Они затаскивали женщин в подъезды и там их избивали. Они бросали их на пол и пинали ногами куда попало. Они таскали их за волосы и целенаправленно били в грудь. У меня было чувство, что они хотят нас убить.

Пришел Филипп с бренди в руках. Фрэнсис наполнила бокал и протянула его Луизе.

– Вот. Выпейте. Вам это поможет.

Пальцы Луизы дрожали. Она стала пить бренди маленькими глотками, и ее щеки постепенно розовели.

– Я никогда этого не забуду, – прошептала она, – никогда, покуда жива. Мы хотим получить право голоса. Мы хотим иметь право, которое веками принадлежало мужчинам. И за это они расправились с нами как с преступницами...

– Элис отправили в тюрьму? – спросила Фрэнсис. – Или в больницу? Вы сказали, что она ранена.

– Насколько я поняла, ее должны отправить в тюрьму Холлоуэй. Я надеюсь, что там о ней как-то позаботятся. Она была вся в крови...

Голос Луизы опять задрожал, и Фрэнсис быстро налила ей еще немного бренди. Потом она сказала:

– Я поеду в тюрьму Холлоуэй. Я должна узнать, могу ли хоть чем-то помочь Элис.

– Вы не должны этого делать! – испуганно возразил Филипп.

Из хозяйственных помещений, расположенных в полуподвале, появился мистер Уилсон; за ним шла кухарка, в руках которой были флакончик с йодом и пачка бинтов.

– Что случилось? – спросила она.

– Полиция избивала суфражеток и многих из них арестовала, – объяснила Фрэнсис. – Мисс Эпплтон тоже досталось.

Как мистер Уилсон, так и кухарка мисс Вентворс из чистого убеждения не признавали суфражеток, их методы и цели; но материнское сердце кухарки, кажется, дрогнуло, когда та увидела бледную, промокшую насквозь женщину, которая, дрожа как осиновый лист, сидела съезжившись на стуле, а на ее щеке запеклась кровь.

– Она заболит, сидя в мокрой одежде! – сказала мисс Вентворс. – Ей надо немедленно принять горячую ванну и лечь в теплую постель.

– Займитесь этим, мисс Вентворс, – распорядилась Фрэнсис. – Наполните ей ванну и приготовьте для нее гостевую комнату. Я еду сейчас же в тюрьму Холлоуэй!

– Нет! – крикнули в один голос мистер Уилсон, мисс Вентворс и Филипп. Но Фрэнсис уже бежала вверх по лестнице, чтобы взять свое пальто.

Филипп побежал за ней.

– Вы ведь даже не знаете, где это!

– Я возьму извозчика.

– Я поеду с вами.

– Об этом не может быть и речи. Кто-то должен остаться дома и объяснить все тете Маргарет. Ей и без того хватает в жизни всяких кошмаров...

– Но здесь остается Уилсон и мисс Вентворс. Они и расскажут ей, что случилось!

– Филипп, будьте благоразумны! – Фрэнсис взяла из шкафа пальто и шарф, чтобы надеть его на голову. – Оставайтесь здесь и успокойте тетю Маргарет.

Филипп стоял в дверях. В этот момент Фрэнсис была не в состоянии это осознать, но позднее она вспомнила, что у него впервые было выражение лица не обиженного ребенка, а мужчины.

– В это время я не позволю вам ходить по Лондону в одиночку, Фрэнсис. Или я пойду с вами, или вы никуда не пойдете!

Она коротко рассмеялась.

– Вы думаете, что мне требуется ваше разрешение?

Но он стоял в дверях как скала, и Фрэнсис знала, что потратит уйму времени, если начнет с ним спорить.

– Тогда пойдете, три тысячи чертей, – сказала она. – Я не могу сейчас с вами дискутировать.

Филипп кивнул. Минут пять спустя они мчались через дождь и туман, в мгновение вымокнув до нитки.

То было 18 ноября 1910 года, и этот день вошел в историю движения за права женщин как «Черная пятница». В этот день были арестованы 115 женщин; полиция действовала в отношении демонстрантов с невиданной ранее жестокостью. Кристабель Панкхёрст обвинила впоследствии министра внутренних дел Уинстона Черчилля в том, что тот санкционировал свирепые действия полиции в отношении женщин. Это был упрек, который настолько возмутил Черчилля, что он собирался обвинить Кристабель Панкхёрст в клевете.

Но фактом являлось то, что оказалось большое количество раненых, что тюрьма Холлоуэй была переполнена суфражетками и что для многих женщин пребывание там стало настоящим истязанием.

Филипп, тот самый пребывающий в постоянной депрессии Филипп, который, как до этого полагала Фрэнсис, едва ли способен на что-то, разве что смотреть из окна на улицу или сочинять меланхоличные стихи, сумел быстро найти извозчика недалеко от Бонд-стрит. Они, правда, уже совершенно промокли от дождя, но дорога до Айлингтона на севере Лондона, где находилась тюрьма, заняла немного времени. Извозчик отказался подъехать к входу, так как уже в начале Паркхёрст-роуд было видно, что перед тюрьмой идут уличные бои.

– Внутри не поеду! Там мою повозку превратят в утиль.

– Мы выйдем здесь, – быстро сказал Филипп и стал копать в своем кошельке.

– Опять эти проклятые бабы, – проворчал извозчик. – У меня все время возникает вопрос: когда наконец правительство покончит с ними? Я вам скажу, что на выборах через четыре недели отдам свой голос той партии, которая пообещает, что разгонит весь этот сброд!

Филипп сунул ему в руку пару монет и бросил на ходу: «Сдачи не надо!» Потом помог выйти Фрэнсис.

Они стояли на улице под дождем, и на лице Филиппа отражалось отчаяние оттого, что он оказался втянутым в эту дурную историю. Перед входом в тюрьму женщины устроили демонстрацию, требуя освобождения своих арестованных соратниц. Полицейские пытались их разогнать, при этом они без разбора били женщин и произвольно арестовывали кого-то из толпы.

Филипп, у которого от холода не попадал зуб на зуб, крепко держал Фрэнсис за руку.

– Фрэнсис, вы не должны сейчас туда идти! Вы не пройдете! Давайте поедем домой. Мы можем завтра...

Она раздраженно сбросила его руку.

– Я хочу узнать, что случилось с Элис, и я сейчас же туда пойду. Вам не надо идти со мной!

Она плотнее закуталась в свое мокрое пальто и помчалась по улице. Филипп тихо выругался, но все же отправился за ней следом. Протискиваясь между митингующими женщинами,

она, как через пелену тумана, слышала крики и брань, а также разгневанные голоса полицейских.

Объятая волнением, Фрэнсис не понимала, что угодила в совершенный хаос и что подвергается серьезной опасности.

Как раз перед ней полицейский тащил за собой прямо за волосы пожилую женщину, другой носком сапога бил в ребра неподвижно лежащее на земле тело. Одна очень элегантная женщина, на которой было пальто с меховой оторочкой и серьги с большими изумрудами, стояла, обхватив руками фонарный столб, и выплевывала кровь в водосточный желоб.

Это зрелище вывело Фрэнсис из транса. Она подошла к женщине. Кто-то упал на нее, и она получила сильный удар по голени, но проигнорировала боль и взяла женщину за руку.

– Я могу вам помочь?

Женщина, которая стояла согнувшись, постепенно выпрямилась и вытерла тыльной стороной кисти кровь на губах.

– Ничего, – ответила она хриплым голосом, – они всего лишь выбили мне два зуба.

Фрэнсис с ужасом смотрела на нее, наконец начиная понимать, что происходит вокруг нее. Она слышала крики, видела, как женщины пытались убежать, а мужчины догоняли их, чтобы избить. Она также видела женщин, которые сражались как дикие кошки; они наносили удары и буквально вцеплялись в полицейских. На улице горело лишь несколько фонарей. Картину довершали туман и дождь, придавая ей призрачную нереальность.

Фрэнсис обернулась и крикнула: «Филипп!» – но не обнаружила его в толпе. Ей потребовался какой-то момент, чтобы вновь сориентироваться, – и в эту минуту произошло следующее: откуда-то из темноты, от небольшой церкви, которая была расположена напротив тюрьмы, на развилке Панкхёрст-роуд и Кэмден-роуд, прилетел камень. Большой, жуткий, ребристый. Он пролетел в миллиметре от головы Фрэнсис и попал в висок полицейскому, который стоял в нескольких шагах от нее. Мужчина упал на колени и потом всей своей тяжестью рухнул на землю, не издав ни единого звука.

Фрэнсис, уверенная в том, что он мертв, вскрикнула. К ней немедленно устремились несколько полицейских и схватили ее. Один вывернул ей руку за спину с такой силой, что Фрэнсис снова закричала, на этот раз от боли. Страж порядка вонзил ей свое колено в крестец, и она наклонилась вперед. Другой схватил ее за волосы и при этом так резко наклонил ее голову в сторону, что из глаз у нее брызнули слезы. Третий встал перед ней, и Фрэнсис поняла, что он собирается ударить ее по лицу. Она напрасно пыталась увернуться. Четвертый полицейский крепко держал ее.

– Не надо. Оставь ее!

– Она его убила! Она убила Билли!

– Тем не менее. Довольно. Решение должен принимать судья.

Мужчина, вывернувший Фрэнсис руку за спину, отпустил ее, как и другой, который схватил ее за волосы. Она сидела на корточках на мокрой от дождя дороге, крепко прижав к себе пострадавшую руку. Сильно болело плечо, и Фрэнсис задавалась вопросом, не вывихнуто ли оно. Полицейский, защитивший ее от своих товарищей, наклонился к ней:

– Встаньте, пожалуйста, мисс. Вы арестованы.

Он помог ей встать на ноги. Боль пронзила руку. Фрэнсис увидела лежащего на земле мужчину; вокруг него стояли несколько полицейских. Ее охватила паника, когда она поняла, что ей вменяют в вину.

– Это не я, – сказала она, – это действительно не я.

– Мы всё выясним. А сейчас вы пойдете со мной.

Измученная болью, Фрэнсис не нашла в себе силы сопротивляться. Полицейский повел ее с собой. Позже девушке стало ясно, что ей повезло, потому что он, по крайней мере, не применял насилие.

Когда за ними закрылись ворота тюрьмы, она еще раз сказала слабым голосом:

– Это не я!

Но вряд ли ей хоть кто-то поверил.

Ее заперли в камере, где уже находились четыре женщины. Длина помещения составляла примерно шагов пять, такой же была и ширина. Напротив двери имелось небольшое зарешеченное окно, располагавшееся прямо под потолком, из которого можно было что-то увидеть лишь встав на стул или ящик. Стены были из красного кирпича, пол – из холодного цемента. В камере стояло четыре кровати – по две, одна над другой, с тонкими продавленными матрацами и изношенными шерстяными одеялами, на вид жесткими и колючими. В углу стояло ведро.

Другие женщины выглядели такими же измученными, промокшими и отчаявшимися, как и Фрэнсис. Однако казалось, что никто из них не имел серьезных повреждений; лишь одна держалась за желудок, тихо стонала и говорила, что у нее в любой момент может начаться рвота.

К Фрэнсис, остановившейся у двери, подошла высокая женщина с седыми волосами и энергичным лицом.

– Меня зовут Кэролайн, – сказала она. – Я – медсестра. Позвольте я посмотрю вашу руку. У вас, кажется, сильная боль...

– Да, – ответила Фрэнсис таким сильным голосом, что ее едва можно было понять. Она откашлялась. – Да, рука очень болит.

– Снимите ваше пальто, – попросила Кэролайн. – Осторожно... Потихоньку...

Мокрое пальто упало на пол.

– Расстегните платье, – продолжила Кэролайн.

Фрэнсис замешкалась, но она понимала, что для стыдливости сейчас не место и не время. Кэролайн стянула ткань с ее плеч.

– Вывиха нет, – констатировала она после того, как обследовала сустав и осторожно подвигала рукой в разные стороны. – Всего лишь ушиб. Рука еще какое-то время поболит, но потом все будет в порядке.

– Большое спасибо! – прошептала Фрэнсис и стала одеваться.

Мокрая ткань платья неприятно липла к телу, и только сейчас девушка заметила, что и кожаные сапожки совершенно промокли, а ноги напоминали две ледышки. Она со страхом подумала, во что выльется ее простуда, если она в ближайшее время не переоденется в сухие вещи. Так как переохлаждение, головная боль и температура были непосредственной реальностью, то связанная с этим опасность занимала ее гораздо больше, чем проблемы, которые возникнут, если она в дальнейшем станет подозреваемой в метании камней. Ей грозило обвинение за причинение тяжких телесных повреждений или даже – если полицейский был мертв или умер впоследствии – за причинение смерти.

– Как вас зовут? – спросила Кэролайн. Она подняла промокшее насквозь пальто Фрэнсис и повесила его на одну из стоек кровати рядом с пальто других женщин.

– Фрэнсис Грей.

Кэролайн внимательно посмотрела на девушку.

– У вас температура. Я вижу это по вашим глазам. – Она положила ей руку на лоб и кивнула. – Да, вы больны.

Подошла другая женщина. Она была молода и хороша собой. Ее платье, хотя, конечно, мокрое и помятое, свидетельствовало о работе первоклассного портного. Как оказалось, ее звали Памела Купер, и она была дочерью профессора из Оксфорда.

– Я уже три раза просила принести сухую одежду, – сказала Памела. Ее голос дрожал от едва сдерживаемой ярости. – Это просто невообразимо, что они здесь делают с нами. У них нет никакого права заключать нас в тюрьму, но еще меньше они смеют с нами дурно обращаться!

Она начала дергать решетчатую дверь и кричать:

– Черт подери, есть здесь кто-нибудь? Я требую, чтобы сюда кто-нибудь пришел!

Наконец пришла надзирательница, грубая особа с пушком над верхней губой.

– Хватит орать, – резко осадил ее Памелу. – Это вам не гостиница, а я здесь не для того, чтобы плясать под вашу дудку!

Памела не обратила внимания на ее слова.

– Я буду жаловаться, – сказала она, – если мы немедленно не получим сухую одежду и дополнительные одеяла. У этой дамы, – она указала на Фрэнсис, – температура. Она сильно простужена, и если серьезно заболеет, мы привлечем вас к ответственности, что будет иметь весьма неприятные последствия, обещаю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.